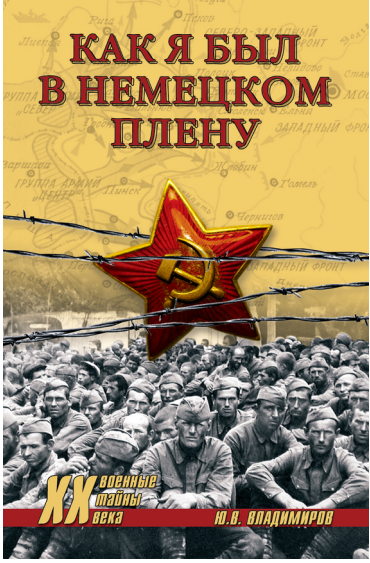

Юрий Владимирович Владимиров

Как я был в немецком плену

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654836
Как я был в немецком плену: Вече; Москва; 2007
ISBN 978-5-9533-3131-9, 978-5-4444-8134-9

Аннотация

Автор этой необычной книги Юрий Владимирович Владимиров – простой советский солдат. В 1942 году он был направлен со своей частью для участия в печально известной операции под Харьковом. В конце мая после своего первого жесточайшего боя с немецкими танками он чудом остается в живых и попадает в плен. За три года лагерей Юрий Владимирович вынес нечеловеческие испытания, но не только выжил, а сумел сохранить человеческое достоинство, бодрость духа и волю к жизни.

В книге подробно, с важными, теперь уже почти забытыми, историческими и бытовыми деталями рассказывается о предвоенном времени, войне, немецком плене и первых послевоенных годах.

Содержание

Книга первая	5
Часть первая. Годы детства и отрочества	5
Глава I	5
Глава II	6
Часть вторая. Три предвоенных студенческих года	9
Глава I	9
Глава II	11
Глава III	13
Глава IV	15
Глава V	18
Глава VI	21
Часть третья. Война	27
Глава I	27
Глава II	30
Глава III	37
Глава IV	41
Глава V	44
Глава VI	47
Глава VII	51
Глава VIII	54
Глава IX	58
ГЛАВА X	61
Глава XI	66
Глава XII	67
Глава XIII	73
Глава XIV	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Юрий Владимиров

Как я был в немецком плену

© Владимиров Ю. В., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

* * *

*Посвящается светлой памяти моей дорогой супруги Екатерины
Михайловны Владимировой – урожденной Журавлевой*

Книга первая

Часть первая. Годы детства и отрочества

Глава I

Мои родители Владимир Николаевич и Пелагея Матвеевна Наперсткины по национальности чуваши. Они отлично владели русским языком, но в семье разговаривали только на родном – чувашском языке. Зная, что их детям предстоит жить в основном среди русских, оба родителя очень хотели, чтобы те как можно быстрее и лучше научились говорить по-русски.

Дед и бабушка были неграмотными и небогатыми крестьянами. Оба родителя, как и их родители, прожили практически всю жизнь в глухой и бедной (по крайней мере до моего появления на свет) деревне с чувашским названием Кив Кадэкь (Старо-Котяково) теперешнего Батыревского района Чувашской республики.

В июне 1932 года я получил свидетельство об окончании Старо-Котяковской четырехлетней школы, и мой отец решил направить меня учиться дальше, в открывшуюся в 1931 году в Батыреве школу колхозной молодежи (ШКМ). Отцу не нравилась фамилия Наперсткин, которая казалась ему слишком несолидной и унижающей личность, так как наперсток – это очень маленький и вроде бы никудышный предмет. Он боялся, что его детей, как бывало и с ним, сверстники будут дразнить наперстком. Поэтому отец сходил в Батыревский сельский совет и там переписал всех детей на фамилию Владимировых, получив соответствующие свидетельства.

Имея новую фамилию, в сентябре 1932 года я стал учеником Батыревской ШКМ, которую в 1934 году преобразовали в Батыревскую среднюю школу им. С. М. Кирова. Эту школу я окончил в июне 1938 года. В ту школу я ходил в любую погоду, преодолевая ежедневно туда и обратно около 5 км. При этом обувью у детей, как и у взрослых, зимой были валенки и лапти, а в другое время года – ботинки, сандалии или лапти. Но я ходил и босиком, если было не очень холодно. Это закалило меня и позволило выжить в суровые годы войны и плена.

С раннего детства мы очень много работали физически: поддерживали чистоту и порядок в доме и в других помещениях (подметали полы и даже мыли их), пилили и кололи дрова, убирали навоз, кормили и поили скот и птицу, таскали ведрами воду из колодца, сажали, пололи и выкапывали картофель, удобряли землю навозом, таскали солому из гумна для разных целей. Летом мы поливали огород, подбирали в саду упавшие на землю яблоки, которые нередко обменивали у соседских ребят на куриные яйца, пасли свиней и телят, гоняли в стадо скот и встречали его. Осенью помогали родителям в уборке урожая. Летом приходилось также много работать в колхозе.

Во дворе у нас был небольшой турник, с 1937 года я тренировался на больших турниках, много ездил на велосипеде.

В детстве мы любили слушать рассказы взрослых о сражениях «белых» и «красных», о Первой мировой войне. Мой отец с марта по июль 1917 года находился на военной службе в Петрограде в составе (в это время уже бывшей) лейб-гвардии Измайловского полка. В середине лета 1917 года указом Временного правительства отца демобилизовали, и с сентября того же года он продолжил работу сельским учителем. Однако в 1918 году он каким-то образом оказался в Белой армии, которая в то время находилась от нас совсем недалеко, но, к сча-

стью, отец не успел принять участия в боевых действиях. Примерно через два месяца он дезертировал из воинской части и начал очередной учебный год в родной деревне.

Из других, правда, не очень близких мне родных, связанных с «ратными» делами, я хочу отметить двоюродного брата моей мамы (по линии её матери) – Данилова Виктора Даниловича (1897–1933), выпускника Владимирского пехотного училища, вероятно, поручика. Летом 1918 года он находился в Симбирске на военной службе в кругу молодого военачальника М. Н. Тухачевского. С 1925 по 1930 год он был военным комиссаром сначала Чувашской, а затем Марийской АССР, и к концу службы носил на петлицах гимнастерки по два ромба, что соответствовало знакам командира корпуса и нынешнего генерал-лейтенанта. К сожалению, из-за трагической гибели старшего сына и других причин он начал злоупотреблять спиртным, и, видимо, поэтому был освобожден от занимаемой должности. Затем он окончил Казанский педагогический институт и стал работать учителем в Батыревском педагогическом техникуме. В 1922 году он участвовал в работе первого съезда Советов в Москве, образовавшем СССР. Другим лицом из моей родни, отличившимся на ратном поприще, был муж маминой тети Марии (сестры маминого отца – Матвея) Степан Комаров, летом 1918 года возвратившийся с войны, имея два Георгиевских креста. К сожалению, он вскоре был убит белобандитами. Примерно через 16 лет после убийства Степана мы с большим удовольствием принимали в нашем доме молодого красивого красноармейца Петра, старшего сына тети Марии и её покойного мужа. Петр приехал на родину в кратковременный отпуск, предоставленный ему за «высокую дисциплинированность и большие успехи в боевой и политической подготовке». Бравый вид и военное обмундирование Петра вызывали у меня восхищение.

Глава II

С раннего возраста я, как почти все дети, очень любил смотреть кинофильмы про войну. Тогда это были немые фильмы. К нам в помещении начальной школы из районного центра Батырево приезжала передвижная киноустановка. Киномехаником работал наш сосед и родственник дядя Костя Задонов. Фильм «Красные дьяволята» о борьбе «красных» с махновцами я ходил смотреть три раза. В 1936 году мы увидели звуковой документальный кинофильм о Киевском военном округе, где показывали крупные военные учения под командованием тогдашних комкоров Е. И. Ковтюха (вскоре был репрессирован) и И. Р. Апанасенко (погиб в 1943 году при освобождении Орла). Далее потрясающее впечатление произвел знаменитый военный фильм «Чапаев».

...К 1934 году, обучаясь в школе русскому языку и прочитав с помощью родителей и с применением небольшого русско-чувашского словаря множество русских художественных книг, журналов и газет, я научился достаточно хорошо разговаривать и писать по-русски.

С восьмого класса нас начали обучать немецкому языку. По этому предмету у меня всегда были отличные оценки, но всё же я научился читать и писать по-немецки, запомнив не более сотни немецких слов и принципы их склонения и спряжения. Моим тогдашним «успехам» в немецком языке значительно способствовал купленный мне отцом карманный немецко-русский словарь (примерно на 10 тысяч слов). Позднее я купил в Батыреве и другой, более объемистый (на 50 тысяч слов) немецко-русский словарь, которым пользуюсь и в настоящее время...

В годы учебы в средней школе я прочитал очень много художественной, исторической и даже политической литературы, которую брал из школьной и районной библиотек и покупал. В свободное от учебы время я занимался также на Детской технической станции (ДТС). Там мы мастерили под руководством мастера В. Минина авиамодели. Авиамодели получа-

лись у меня не очень хорошими, но я был в восторге, когда на митинге в Батыреве по случаю юбилея Чувашской автономной республики моя модель пролетела метров 50.

В 1937 году в стране начались аресты «врагов народа». У нас арестовали несколько очень хороших учителей и отличника Арсения Иванова из десятого класса исключили из школы. В это время моего отца назначили инспектором школ Батыревского районного отдела народного образования. Отец, конечно, боялся, что арестуют и его, поскольку был некоторое время в Белой армии, а в начале 1928 года его исключили из ВКП(б) с формулировкой «За хозяйственное обрастание»: он построил большой дом, завёл вторую лошадь, купил тарантас, а к весне 1930 года, после выхода в газетах статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» не смог предотвратить развал колхоза, будучи его председателем. Я думаю, позже его всё равно бы арестовали, но он прожил с начала арестов только около двух лет.

В начале 30-х годов в нашей стране учредили нагрудный знак «Ворошиловский стрелок» двух ступеней, а затем значки ГТО («Готов к труду и обороне») тоже двух ступеней, а для детей – БГТО («Будь готов к труду и обороне!»). Далее последовали значки ГСО («Готов к санитарной обороне») и ПВХО («Готов к противовоздушной и химической обороне»). В воинских частях, на предприятиях и в учебных заведениях организовали сдачу норм на получение указанных значков. Однако в сельской местности необходимых условий для сдачи норм не сумели создать. В нашей школе не было не только тира и противогазов, но не хватало и лыж для сдачи зимних норм на значок ГТО.

Осенью 1937 года, когда я начал учиться уже в 10-м классе, нам в школу прислали нового преподавателя физкультуры – демобилизованного старшего сержанта К. А. Игнатьева, который очень энергично взялся за дело. Благодаря ему я сдал зимние нормы ГТО и полностью – все нормы ГСО, но самого значка получить не мог – таких значков не было в наличии. Но к апрелю 1938 года я успел получить значок ПВХО, поупражнявшись с противогазом за партой. Я сразу с большим удовольствием нацепил на пиджак это «воинское отличие» и даже сфотографировался с ним. К. А. Игнатьев показывал нам на турнике сложные гимнастические упражнения и научил меня выполнять сложнейшее упражнение – «солнце». Я был очень рад увидеть своего учителя возвратившимся с войны в звании, кажется, капитана.

В июне 1938 года в возрасте 16 лет и 11 месяцев я окончил Батыревскую среднюю школу им. С. М. Кирова, получив аттестат, соответствующий серебрянной медали (в те годы медали в средних школах не были предусмотрены) и дававший право на поступление в любое высшее учебное заведение (вуз), включая даже отдельные военные академии (до 1938 года).

Я, как и отец, не курил, но успел попробовать единственно доступный мне тогда крепкий спиртной напиток – самогон, а также слабые вина – «Кагор» и «Портвейн». Однако я еще был очень наивным, со взрослыми людьми и с незнакомыми сверстниками скромн, ко всем очень доверчив, бесхитроستن, мог дать легко обмануть себя. Поговорить с чужими людьми и попросить у них что-либо (а особенно у начальства) было для меня большой проблемой: я боялся, что помешаю человеку, что подошел к нему, и выжидал подходящий момент, а мой голос становился жалким.

Я постоянно старался отличиться перед сверстниками, особенно перед девушками чем-то необычным, что мог делать или знал только сам. К сожалению, не останавливался перед тем, чтобы что-то присочинить, чем-то прихвастнуть, часто погружаться в мечты и фантазии. Был очень открытым, даже болтливым.

С раннего детства я был дисциплинированным, исполнительным, любящим во всем идеальный порядок и всегда выполнял свои обещания. Бывал я и упрям, в важных делах консервативен и многое делал по-своему, старался оставаться самим собой.

В раннем детстве я много слышал от некоторых взрослых о неотвратимости судьбы, включающей в себя и счастье, и несчастье. И я этому верил и всегда жил по принципу – что бы со мной ни случилось, это воля судьбы, т. е. всё от Бога. Одновременно более значимыми я считал две другие пословицы: «Береженого Бог бережёт» и «На Бога надейся, но сам не плошай».

О своей жизни до 17 лет я написал в 1996 году подробные воспоминания «О моем народе, детстве и отрочестве, родных и земляках того времени»¹.

¹ Замечу, что на мою дальнейшую жизнь очень повлияла ранняя смерть отца, а затем и Великая Отечественная война, заставившая многих моих ровесников быстро повзрослеть. Об этом и пойдет речь дальше. Рукописи находятся у родственников в деревне, а также в Русском общественном фонде (Фонде А. И. Солженицына) в Москве.

Часть вторая. Три предвоенных студенческих года

Глава I

Когда я был в возрасте отрока и учился в средней школе, мне еще не приходилось всерьез задумываться о выборе профессии. Начитавшись художественной литературы, я мог представить себя писателем, но не исключалась и мысль стать историком. В разрешении возникшей проблемы решающую роль сыграл мой отец, работавший тогда инспектором школ Отдела народного образования (РОНО) Исполнительного комитета (РИК) Советов депутатов трудящихся Батыревского района Чувашской Автономной Советской Социалистической республики (ЧАССР). Он считал, что я должен учиться дальше в Москве, а именно в Московском государственном университете (МГУ). Кроме того, отец сказал, что я должен получить не гуманитарное образование, а техническое – стать инженером. Но оказалось, что в МГУ инженеров не готовят.

Через пару дней отец увидел объявление, что в Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева на первый курс принимаются без вступительных экзаменов гражданские лица, окончившие среднюю школу с таким же аттестатом, как у меня. Мы всей семьей сразу же решили, что Военно-инженерная академия – как раз то, что мне нужно: Академия очень престижна, там платят большую стипендию – кажется, около 550 рублей в месяц на первом курсе, слушатели носят красивую военную форму, а самое главное – инженерная специальность обеспечивала «безбедную жизнь в будущем». А о том, что вскоре может разразиться война со всеми её страшными последствиями, ни я, ни другие члены нашей семьи в то время совсем не предчувствовали.

Я быстро получил справку из районной больницы о моем хорошем здоровье, а из районного комитета комсомола – рекомендацию для приёма меня в Академию. Все необходимые документы были отправлены почтой ценным письмом в Москву, и мы с нетерпением стали ждать ответа.

В это же время родители написали в Москву бывшей жительнице нашей деревни и их ученице Смирновой Уттю – Агафье (Гале, как она позже стала себя называть) Егоровне письмо с просьбой приютить меня в её квартире на несколько дней, когда я прибуду в столицу. Та сразу же (в то время письма из Москвы доходили до нас даже за двое суток) ответила положительно, написав подробно, как доехать к ней на метро.

Наконец из Академии пришло на мое имя официальное письмо, напечатанное типографским шрифтом: мне предлагалось прибыть в учебное заведение за свой счет точно к указанному сроку для оформления слушателем.

Стали немедленно собирать меня для поездки в Москву. Добравшись автобусом до железнодорожной станции Канаш (бывшие Шихраны), я должен был купить там билет до Москвы. Но у билетной кассы почти никогда не было должного порядка: образовывалась толча, некоторые лезли к окошку кассира без очереди, нередко возникали драки. Обыкновенному пассажиру купить билет на поезд дальнего следования было трудно, так как поезда проходили через Канаш с вагонами, уже заполненными пассажирами. Как мне рекомендовали родители, я разыскал дежурного по станции и показал ему письмо из Академии, и он помог мне, как военному, приобрести билет без очереди на поезд № 65 «Казань – Москва». Билет мне достался самый дешевый – только для сидения.

В вагоне я взобрался вместе с чемоданчиком на самую верхнюю полку – багажную, жесткую – и там, конечно, без какой-либо постели улёгся спать, положив около головы чемоданчик, ручку которого почти постоянно держал рукой, чтобы его не «увели».

Хотя наш поезд назывался скорым, он шел медленно, часто останавливался на станциях, так что дорога до Москвы заняла около 16 часов.

Вышагивая с чемоданчиком в руке и постоянно оглядываясь вокруг, я нашел вход на станцию метро «Комсомольская» и здесь сразу же увидел газетно-журнальный киоск, а в нем – подробную карту-план города Москвы. И я сделал там первую московскую покупку – приобрел ту карту и по ней уточнил, что к тете следует ехать на метро до станции «Сокольники», минуя только одну станцию – «Красносельская».

На 4-й Сокольнической улице стоял дом, на первом этаже которого в комнате площадью около 16 квадратных метров жила наша бывшая односельчанка Галя Смирнова².

В 1918 году её отца Егора расстреляли, якобы за укрывательство «излишков» хлеба. В возрасте примерно 20 лет, полуграмотная, не зная русского языка, она приехала на заработки в Москву. Через некоторое время ее познакомили с проживавшей в упомянутом доме очень старой и больной женщиной, которую Галя стала обслуживать и после смерти которой её комната досталась моей землячке.

Я появился 24 июля у тети Гали неожиданно и очень некстати: только что она справила поминки по своей умершей дочери. Однако Галя приняла меня хорошо и очень обрадовалась, когда я вручил ей родительский подарок – банку свежего деревенского меда.

Утром я пришёл в приёмную комиссию Академии, а на следующий день мне предстояло явиться на собеседование, назначенное на 10 часов утра. В казарме мне показали мою кровать, я положил под неё свой чемоданчик. Моими соседями оказались два старших лейтенанта, которые тоже поступали в Академию. Завтра им предстояло собеседование в 14 часов. Я спросил, не ошибка ли это, поскольку мне эту процедуру назначили на 10 часов. Они ответили, что не ошибаются, так как этот срок только что сообщил им секретарь. И тут я подумал, что время собеседования могли перенести, а о том, что собеседование для гражданских и военных абитуриентов (кстати, этого слова мы в те времена и не слышали) проходят раздельно, я не догадался. Соседи сильно усомнились, что меня, совсем еще мальчишку по виду, примут в Академию. Но я решил им показать, что «не лыком шит»: когда мы вместе выходили из помещения, я увидел в зале турник, залез на него и продемонстрировал лейтенантам упражнение «склёпка», чем очень их удивил.

Пользуясь свободным временем, я отправился на Красную площадь, о чем давно мечтал. Увидел там церковь Василия Блаженного, Спасскую башню с часами, мавзолей Ленина с двумя часовыми у входа, Исторический музей и здание нынешнего Главного универсального магазина (ГУМа). Затем вышел на Манежную площадь и посмотрел, как там рабочие разбирают и нагружают на грузовые автомашины остатки дома, располагавшегося перед гостиницей «Москва».

В тот год, когда я впервые оказался в Москве, метро обслуживало пассажиров только на участках «Сокольники» – «Парк культуры», «Курский вокзал» – «Киевский вокзал» и готовился к пуску участок «Сокол» – «Площадь революции». Основным видом транспорта все еще оставался трамвай. Сохранился даже гужевой транспорт – лошади цокали подковами по булыжным мостовым. Снег на улицах не убирали полностью и можно было по нему ходить в валенках даже без галош. Галоши мы часто надевали на кожаную обувь и снимали их, сдавая в гардероб вместе с верхней одеждой.

Утром следующего дня после завтрака я еще походил по Москве, снова побывал на Красной площади, где наблюдал смену караула у мавзолея Ленина. К 14 часам я пришел в комнату приёмной комиссии, очень удивив своим появлением секретаря, спросившего, почему я не явился на собеседование к 10 часам. В этот момент к кабинету, в кото-

² В начале 50-х годов этот дом снесли и на его месте построили потом другое двухэтажное, сплошь застекленное здание, где разместилась парикмахерская.

ром должна была проходить процедура собеседования, направилась группа очень солидных военных. Кто-то из присутствовавших абитуриентов тихо произнес, что среди них находится Д. М. Карбышев, один из руководителей Академии и будущий генерал-лейтенант. Летом 1941 года он оказался военнопленным и 18 февраля 1945 года погиб мученической смертью в концентрационном лагере Маутхаузен в Австрии.

Через некоторое время секретарь снова занялся мною. Он попросил меня приблизиться и почти шепотом сказал мне на ухо, что собеседование, на которое я не явился, уже было совершенно не нужным для меня, так как накануне ему пришлось добавить в папку с моими документами только что поступившее с моей родины письмо, касающееся прошлого моего отца, и теперь у меня нет никаких шансов быть принятым в Академию. Я догадался, что в письме наверняка сообщалось о пребывании моего отца в Белой армии и что это письмо – дело рук одного местного недоброжелателя нашей семьи.

Конечно, я сильно огорчился, но делать было нечего. Секретарь отдал мне документы, вложив их в пустую папку, которую достал из своего шкафа. Я имел право еще раз переночевать в казарме Академии, но мне стало не по себе от случившегося, поэтому, сдав постель дежурному по казарме, а также пропуск на выходе из здания, я зашагал прочь от Академии. Так бесславно закончилась моя попытка стать профессиональным военным.

Глава II

Подавленный и растерянный, я добрёл до станции метро «Кировская (ныне «Чистые пруды») и вдруг у входа увидел рекламный щит с объявлениями о приёме в вузы и среди них объявление Московского института стали (МИС) имени И. В. Сталина, которое меня очень заинтересовало. Мне понравилось само название института, содержащее слово «сталь», а также то, что это учебное заведение носило имя Великого вождя, происходившее от того же слова. Я подумал, что этот институт, без сомнения, понравился бы моему отцу и что моя учеба там подняла бы авторитет моих родителей.

27 июля рано утром, взяв с собой только папку с документами и карту-план Москвы, я отправился в Институт стали.

В приемной комиссии, ознакомившись с моими документами, мне выдали напечатанное на бланке Института письмо-вызов, в котором сообщается, что 27 июля 1938 года соответствующим приказом я зачислен в это учебное заведение на металлургический факультет. Однако секретарь заметила, что я не представил фотографии размерами 3×4 см.

Я вернулся с фотографиями часа через три, но секретарь приемной комиссии потребовала, чтобы я прошел еще институтскую медицинскую проверку. В кабинете на первом этаже я получил справку, подтверждающую, что я здоров. Однако давление крови оказалось повышенным. Врач – очень интересная женщина средних лет – спросила, много ли я выпил сегодня воды. Именно это чрезмерное употребление газировки стало причиной повышенного давления. Наконец я закончил оформление всех документов. Студенческий билет мне обещали выдать после 1 сентября.

Побывав с целью ознакомления на всех пяти этажах института, я покинул его стены и, радостный, поехал на Стромынку. И так как все мои дела в Москве завершились с неплохим результатом, я был счастлив. Так в этом городе началась моя юность. Теперь мне хотелось поскорее вернуться домой с доброй вестью для дорогих родителей.

...В тот день, когда я стал студентом МИСа, в Москву из Канаша приехали два моих одноклассника по Батыревской средней школе – сын местного кузнеца Саша (Александр Кондратьевич) Кузнецов и юноша из деревни Чуваш-Ишаки Миша (Михаил Прохорович) Волков. Забегая вперед, скажу, что оба они без особых трудностей поступили в избранные вузы: первый – в Институт механизации и электрификации сельского хозяйства (МИМи-

ЭСХ), а второй – в Московский горный институт (МГИ). В 1943 году, будучи со своим институтом в эвакуации в Сибири, Саша с последнего курса перешел учиться в Академию бронетанковых войск, где окончил технический факультет и стал профессиональным военным – строителем танков. К пенсионному сроку он достиг звания инженер-полковника. А Миша 15 октября 1941 года вместе со мной ушел добровольно защищать Москву в составе Коммунистической дивизии, служил вместе со мной в двух воинских частях – под Москвой и в Горьком, погиб на войне. В годы учебы в столице я общался иногда и с другим земляком, студентом МГИ Володей (Владимиром Степановичем) Николаевым. Он еще подростком написал несколько стихотворений и рассказов на чувашском языке под литературным псевдонимом Мереш, который потом стал его официальной фамилией. В 1942 году Володя окончил МГИ, а после войны – Высшую дипломатическую школу. Он работал дипломатом в Индии, составил урду-русский словарь. Скончался он в 1971 году и похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Друзья жили в студенческих общежитиях: Саша – на Лиственничной аллее возле Тимирязевской сельскохозяйственной академии, а Миша с Володей – на улице 2-я Извозная в районе Киевского вокзала. В выходные дни и праздники мы ездили друг к другу.

Мой одноклассник по Батыревской средней школе Макар Толстов – брат нашего преподавателя истории Якова Тимофеевича, получивший, как и я, аттестат отличника, направил свои документы для поступления на геолого-разведочный факультет Московского нефтяного института имени И. М. Губкина. В тот день, когда я вернулся из Москвы домой, он ждал вызова. Мы договорились вместе поехать в Москву к началу учебного года. Кстати, чтобы не упоминать мне больше о Макаре, скажу сейчас же, что я с ним встретился в последний раз в своей жизни в конце учебного дня, кажется, 10 сентября на общем для наших институтов дворе. Тогда Макар дождался меня у выхода из Института стали в конце учебного дня и начал говорить, что ему не нравится его Нефтяной институт, он намерен забрать из него документы и уехать домой. Просил и меня сделать то же самое. Хотя в те дни и мне, как и ему, было очень трудно с учебой и с совершенно новым образом жизни и постоянно мучила страшная тоска по дому, я решительно отказался от предложения друга. Через год Макар поступил в военное училище, окончил его лейтенантом, участвовал в войне, остался живым, дослужившись до высокого офицерского звания, и завершил свой жизненный путь далеко не старым где-то в Сибири...

Родители стали готовить меня к отъезду: купили в Батыреве большой черный картонный чемодан с двумя светлыми замочками, пару верхних рубашек, комплект нижнего белья и другие вещи. Дали местным мастерам заказы: связать мне шерстяные чулки и варежки, изготовить портянки, пошить кожаные сапоги и свалить тонкие валенки-чесанки, которые носили с резиновыми галошами. А главное – они постарались накопить деньги, чтобы в Москве я купил себе зимние пальто и шапку, шерстяной костюм, запасные брюки, ботинки и другие необходимые вещи. Между прочим, приобретение относительно недорогой одежды и обуви было очень большой проблемой даже в Москве, приходилось с раннего утра выставлять в магазине огромные очереди.

...Рано утром в понедельник 29 августа, придя в институт, я познакомился с бывшими выпускниками Шаховской школы Московской области, которые мне понравились с первого взгляда. Это были Паша (Павел Иванович) Галкин, Арсик (Арсений Дмитриевич) Беспяхотный, Дима (Дмитрий Васильевич) Филиппов и Вася (не помню отчества) Рябков. И случилось так, что дальше эти ребята (кроме Васи, погибшего позже на войне), стали для меня, как в студенческое время, так и к концу жизни самыми близкими друзьями. Всем им не было суждено окончить Институт стали и стать металлургами, так как их взяли учиться на инженерные факультеты находившихся также в эвакуации военных академий: Пашу и Арсика – в артиллерийскую (в Самарканде), а Диму – в воздушную им. Жуковского. Паша закончил

военную службу в звании генерал-лейтенанта (в последние годы он был референтом главнокомандующего советскими войсками в Германии), Арсик – инженер-полковника, а Дима – инженер-подполковника. Арсик преподавал в Высшем артиллерийском училище в Пензе и написал множество статей и учебники по артиллерийскому металловедению и термической обработке различных металлических материалов. В начале 50-х годов, будучи молодым офицером, он участвовал за Уралом в крупных военных учениях с применением ядерного оружия, был при этом облучен и в дальнейшем жил, принимая ежедневно очень дефицитные таблетки. Он рано потерял отца (отец его был командиром крупного соединения Красной армии и активно участвовал в Гражданской войне) и вместе с младшим братом (ставшим профессором, доктором технических наук по металлорежущим станкам) воспитывался у отчима П. Н. Поспелова, одного из идеологических вождей ВКП(б) и КПСС. Арсик умер 10 декабря 1997 года в Пензе.

Крупными военными инженерами стали и другие мои институтские друзья: Афонин Владимир Павлович, Захаров Николай Михайлович, Иванов Владимир Данилович, Полухин Иван Иванович, Сорокин Юрий Николаевич, Володин Николай Иванович, Молчанов Евгений Иванович, Смирнов Николай Григорьевич. Прослужив в армии офицерами и уйдя из неё с высокими воинскими званиями, они обеспечили себе, своим детям и даже внукам неплохие материальные условия жизни. Мне и нескольким моим новым знакомым дали ордера на проживание в «привилегированном» общежитии «Дом-коммуна» (который мы переименовали в «Дом коммуны»), располагавшемся относительно недалеко от института. Почти всем предстояло жить вдвоем в малюсенькой комнате, которую мы называли кабиной. Соседом мне определили симпатичного юношу из поселка Глухово (под городом Ногинск) Сергея Илюшина, с которым мы сразу же подружились.

Глава III

...Что же представляло собой студенческое общежитие Дом коммуны?

Он был построен в 1930–1933 годах по проекту архитектора И. С. Николаева (1901–1979) в стиле конструктивизма, архитектурные принципы которого сформулированы французским архитектором Ш. Ле Корбюзье (1887–1965). В этом доме впервые в отечественной практике были применены стальной и железобетонный каркасы, безбалочные перекрытия, горизонтальные окна, верхний свет, опора здания на столбы, плоская кровля. Все окна в комнатах были с двойными рамами, благодаря чему между наружным и внутренним стеклами можно было в холодное время хранить продукты. Свет из всех «кабин» (днем от солнца и ночью от электролампы) проходил в коридор сквозь окрашенные белилами стекла задней стенки комнат. Таким образом, в коридоре до самой ночи не требовалось дополнительного освещения. Электрические розетки имелись не во всех комнатах, поэтому в патрон электролампы, висевшей на потолке, вставляли «жулик» – черный эбонитовый патрон, имевший сбоку дырки, куда вставляли вилку со шнуром.

Стенки кабин не были хорошо звукоизолированы, что сильно мешало при выполнении домашних заданий. По обеим стенкам кабины стояли металлические кровати с матрасом, а между ними располагался узкий письменный стол. У окна перед каждой кроватью (или за нею) имелась тумбочка для продуктов и разных приборов, а на ней – небольшая этажерка с книгами, баночкой чернил, предметами личной гигиены. Одежду и полотенце вешали на стенку. Под кровать ставили чемодан и обувь (лишь у некоторых студентов были домашние тапочки). Убирались в комнате сами жильцы. Постельное бельё меняли примерно раз в месяц жильцы, получая его на специальном складе.

Бывали случаи, когда нам досаждали клопы, с которыми мы боролись, но без большого успеха. В летнее время из-за них приходилось иногда уходить со своей постелью, чтобы

ночевать на полу балкона или на плоской крыше семиэтажного северного корпуса. Зимой нам нередко приходилось мерзнуть и надевать на себя пальто и укрываться им в постели, так как теплых одеял нам не давали.

В летнее время, когда студенты разъезжались на каникулы, в общежитии проводили косметический ремонт с переналадкой отопительных батарей и покраской полов и стен.

В полуподвальном этаже поперечного здания находился небольшой с наклонным полом зал со сценой, где вечерами и в выходные дни демонстрировались кинокартины, устраивались популярные лекции, проходили спектакли, концерты и собрания. Мы покупали 20-копеечные билеты, которые нередко искусно мастерили сами и ловко «всучивали» не очень внимательному контролеру.

По утрам и нередко по вечерам мы с соседом пили чай, как правило, с куском черного и иногда белого хлеба, намазанного очень тонким слоем соленого сливочного масла и покрытого пластинкой дешевой колбасы. На обед в столовых и особенно в нашем общежитии уходило много времени, так как приходилось выстаивать длиннейшую очередь к кассе, а затем ждать официантку. В Москве я впервые в жизни поел винегрет и овощной салат, борщ и окрошку, а из вторых блюд – котлеты, шницель, гуляш и азу. Сливочное масло и колбаса у нас в деревне были редкостью. При посещении кинотеатра мы иногда позволяли себе съесть порцию мороженого или выпить сидро (лимонад) и крайне редко кружку или бутылку пива. Не могу не отметить, что в довоенные годы в нашем общежитии редко кто из студентов пил водку, а я впервые употребил ее в ноябре 1940 года, когда провожал служить в армию своего двоюродного брата Александра Наперсткина.

К столовой Дома коммуны примыкал большой холл с искусственными пальмами. По выходным и праздничным дням этот холл использовали как танцевальный зал. Обычно танцевали под радиолу или играл наш институтский духовой оркестр. На танцах бывало много студенток из соседнего общежития Московского текстильного института, а также из дальних вузов – медицинских, педагогических и других, где преобладали девушки.

За холлом находился огромный спортивный зал со сценой, роялем и спортивным инвентарем. Здесь сдавали также нормы на значки ГТО первой и второй ступеней и работали разные спортивные кружки. В спортивном зале одно время работала и школа танцев. Иногда в спортивном зале проходили большие концерты, в которых принимали участие известные в те времена артисты и композиторы, включая И. О. Дунаевского. Там я слушал Вадима Козина, Изабеллу Юрьеву, Клавдию Шульженко, Ирму Яунзем, С. Я. Лемешева, И. С. Козловского, М. Д. Михайлова, Н. А. Обухову, О. В. Ковалеву и многих других певиц и певцов, как эстрадных, так и оперных и исполнявших народные песни. Но почему-то до сих пор особо помню пение эстрадной певицы Тарской, которой аккомпанировал на рояле композитор Фурман. Довелось увидеть и услышать там же великих драматических артистов В. И. Качалова, Игоря Ильинского и других. Хорошо запомнил молодого тогда поэта Алексея Суркова.

До войны из-за необходимости постоянно экономить деньги мне, к сожалению, пришлось лишь по одному разу посетить Большой и Малый театры. А в других театрах и консерватории я не был вообще. В Большом театре осенью 1939 года я слушал оперу Мусоргского «Хованщина», но не менее интересным для меня было само посещение театра. Я хорошо запомнил дату первого посещения Малого театра – 11 мая 1939 года, так как в тот день по радио объявили, что разбились два знаменитых летчика – Герои Советского Союза Анатолий Серов и Полина Осипенко.

Чего мне тогда не хватало, так это, пожалуй, хотя бы минимального внимания со стороны... девушек-сверстниц. Я был не в состоянии купить женщине цветы, пригласить её в кино или театр. Успеху у женщин мешали еще отсутствие хорошей одежды и обуви, неумение танцевать, а в основном – полное отсутствие опыта общения с прекрасным полом.

На своем курсе я заглядывался на рослую, чуть курносую блондинку – русскую немку Людмилу Вегеле, учившуюся в группе металлосварщиков-термистов. В то время я не смел заговорить с ней, но к концу её жизни (в 1989 году) мы с ней подружились. Оказалось, что в годы войны ей пришлось пострадать из-за своего немецкого происхождения, хотя она даже не знала немецкого языка.

Я часто вспоминаю теплые компании, собиравшиеся в чьей-либо комнате, где на двух кроватях и одном стуле усаживались до 10 ребят, а иногда и девчат, где рассказывали различные истории и анекдоты, читали и слушали стихи (в том числе даже запрещенные нецензурные И. С. Баркова), обсуждали важные политические и государственные проблемы, междоусобицы, театральные и иные события, иногда выясняли что-либо оставшееся непонятым на лекциях и при чтении учебников, организовывали коллективные чаепития и всей компанией съедали продукты, присланные родителями. Не поделиться ими с товарищами считалось у нас очень скверным поступком.

Бывали у нас музыкальные «посиделки»: пели и играли на гитаре, мандолине, балалайке и даже скрипке и на трубе. Многие из песен и мелодий были услышаны мною впервые и произвели на меня потрясающее впечатление.

Глава IV

В свой первый день пребывания в общежитии я застал в своей комнате компанию из нескольких ребят и одной девушки – студентки Инны Зильберман. Им, подыгрывая себе на гитаре, пел романсы, цыганские и блатные песни мой сосед Сергей. Компания почти не обратила внимания на меня, так как в это время зачарованно слушала певца. Положив чемодан под кровать, я сразу же увлекся пением, пораженный новыми для меня песнями, так как у себя на родине их не слышал. После 23-х часов в дверь громко постучал и вошёл староста корпуса, приказавший нам немедленно разойтись. Гости ушли, мы с соседом потушили свет и крепко уснули. Так с 29 августа 1938 года я начал свою жизнь в Москве. На следующий день, проснувшись рано, умывшись и кое-как позавтракав захваченной еще из дома деревенской пищей (черным хлебом, чувашской колбасой «шортан») и запив её сырой водой из водопроводного крана, я отправился проводить своих земляков, работавших на строительстве автосборочного завода «КИМ» (будущего автозавода им. Ленинского комсомола, или «Москвич»).

31 августа мы с ребятами отправились на поиски авторучек для записи лекций. Более опытный среди нас Степан Кадышев посоветовал посетить специализированный магазин на Арбате. Мы приобрели также несколько толстых общих и тонких ученических тетрадей, карандаши и точилку для них, линейки, угольники, ластики, циркуль типа «козья ножка».

Первый день учебы в институте начался с лекции по политической экономии, длившейся два часа с 10-минутным перерывом. Её прочитал доцент Бабич, одетый в черную гимнастерку, на которой был прикреплен Орден боевого Красного Знамени, по-видимому, полученный им за какой-то подвиг на Гражданской войне. Слушая лекцию, я понял, что лектор пользуется материалами из многократно переиздававшегося учебника начала 30-х годов «Краткий курс политической экономии», автором которого был видный экономист Л. Сегаль, объявленный «врагом народа». Этот учебник имелся у нас дома: отец занимался по нему, будучи студентом местного педагогического института. Я было хотел попросить отца прислать мне этот учебник, но не успел: примерно через пару месяцев вместо политической экономии мы стали изучать «Основы марксизма-ленинизма» по только что вышедшему «Краткому курсу ВКП(б)».

Мои однокурсники на всю жизнь запомнили Георгия Ивановича Левина, доцента (без ученой степени), читавшего нам лекции по аналитической геометрии. Это был 60-лет-

ний, невысокого роста человек, с пышными черными усами, в очках. Левин сразу же заворожил слушателей. Он говорил достаточно громко, чётко, интересно, иногда прерывая лекцию оригинальными отступлениями и шутками. Кроме того, он очень хорошо рисовал мелом на доске геометрические фигуры, проводя абсолютно прямые линии, и красиво воспроизводил буквы и цифры. При этом слушателям совсем не трудно было записывать самое необходимое, о чем говорилось в лекции. Урна с прахом Г. И. Левина, умершего в 1951 году, захоронена на Донском кладбище, и его могилу я иногда навещаю одновременно с могилами трех институтских друзей.

Конечно, в институте были и другие замечательные лекторы. Например, зав. кафедрой сопротивления материалов проф. Александр Николаевич Гениев, одновременно преподававший в Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева. Он ходил в зеленой военной гимнастерке с черными петлицами на воротнике, был очень темпераментным и рисовал схемы мелками различного цвета. Для тугο соображавших студентов и особенно для студентов он был очень страшен. Отличными преподавателями были профессора-немцы Карл Францевич Неймайер и Владимир (Вольдемар) Николаевич Рудбах (заведовал кафедрой прокатки). К сожалению, до слушания лекций этих профессоров я не доучился. Нам преподавал также бывший князь Николай Алексеевич Путята, вернувшийся после Октябрьской революции из заграницы специально для того, «чтобы помочь родине хотя бы обучением кадров». Он был очень интеллигентен, но одет бедно.

Вторая неделя учебы оказалась отличной от первой тем, что в один из первых дней из студентов разных групп образовали отдельные языковые группы для изучения английского и немецкого языков. Услышав от некоторых ребят, что английский язык значительно проще по грамматике и более распространен в мире, чем немецкий, о котором я уже имел неплохое представление, я записался в английскую группу. Мне пришлось заниматься там, но всё же больших успехов в английском я так и не достиг. Мне очень не удавалось произношение.

Были у меня трудности и с другими предметами и даже появились сомнения в возможности продолжения учёбы. Правда, друзья всегда помогали мне устранять непонятое, но иногда удивлялись моей сообразительности.

Отец решительно возразил против моего возможного ухода из института и просил меня не забывать, что семья потратила на меня очень большие деньги. В своих письмах он интересовался, не голодаю ли я, не слишком ли экономлю деньги. А вскоре я получил поддержку своего нового друга и соплеменника – Степана Кузьмича Кадышева, до приезда в Москву проживавшего в чувашском селе около небольшого города Кузнецка Пензенской области. Я заметил, что к Степану каждый вечер и в каждый выходной день приходит очень много ребят. Причиной таких посещений оказалось то, что Степан легко решал даже самые сложные математические задачи и помогал в этом товарищам. Конечно, и я стал пользоваться помощью Степана, и он стал мне не только самым необходимым другом, но и моим опекуном, советчиком и покровителем. Это было связано с тем, что я был с ним «одной крови», а с другой – был еще неопытным юнцом, требовавшим присмотра старшего. Степан был старше меня на 7 лет и за свои 24 года жизни, которая прошла у него далеко не сладко, успел уже многое повидать и испытать. Благодаря Степану у меня появилась твердая уверенность в возможности дальнейшей учебы в институте. У Степана было всего две белые рубашки, но к каждой из них имелось около десятка крепко накрахмаленных воротников, которые пристегивались к рубашке с помощью пуговиц и запонки. Так же было и с манжетами. Во время завтрака и ужина Степан ел в основном черный хлеб, намазывая его очень тонким слоем соленого сливочного масла и запивая такой бутерброд сладким чаем, иногда даже не заваренным.

В один из выходных дней перед праздниками 7–8 ноября 1938 года Степан, я и еще несколько ребят впервые посетили мавзолей В. И. Ленина. А 7 ноября вместе с большой группой из нашего института я впервые участвовал в демонстрации и прошел через Красную площадь мимо мавзолея, на трибуне которого стояли руководители государства во главе с И. В. Сталиным. Однако разглядеть его хорошо мне не удалось, так как до мавзолея было довольно далеко, а кроме того, мешали флаги и плакаты.

Зато в середине декабря мне и некоторым моим товарищам совершенно неожиданно представился случай увидеть совсем близко – в нескольких шагах от себя – почти всех высших руководителей нашего государства: И. В. Сталина, В. М. Молотова, М. И. Калинина, К. Е. Ворошилова, Л. П. Берия, Л. М. Кагановича и других, а также видных военных деятелей. Это случилось в связи с тем, что 15 декабря во время испытаний нового самолета разбился «великий летчик нашего времени» В. П. Чкалов. (Кстати, он был депутатом Верховного Совета СССР от Чувашской АССР.) Через пару дней состоялись его похороны на Красной площади, куда в качестве «народа» привели и нас – студентов МИС и других вузов. Я хорошо запомнил, что Сталин был одет в очень дорогую короткую шубу черного цвета, на голове у него была меховая шапка-ушанка с опущенными из-за мороза «ушами», а на ногах – белые теплые бурки вместо привычных черных кожаных сапог.

Кстати, «великого и любимого вождя» И. В. Сталина и его соратников мне доводилось видеть на трибуне мавзолея до войны еще 4 раза во время демонстраций 1 Мая и 7 ноября 1939–1941 годов. Все демонстрации проходили очень весело, с пением, с музыкой духовых оркестров и танцами, с частыми остановками и нередко даже с распитием спиртных напитков.

Последний раз я очень хорошо видел И. В. Сталина после войны на трибуне мавзолея в теплый и солнечный день 1 мая 1948 года. Одет он был тогда в военную гимнастерку Генералиссимуса.

...В конце декабря 1938 года мы благополучно сдали в институте все положенные зачеты по изучавшимся дисциплинам. И вот наступил первый день Нового, 1939 года. Но мы его особо не встречали: елок не ставили, в компании не собирались, не напивались, тостов не произносили.

5 января вечером меня попросили спуститься ко входу в Дом коммуны, чтобы встретить каких-то посетителей. Я быстро прибежал туда и, к великому изумлению, обнаружил, что это были... мои отец и мать. Мама, увидев меня, воскликнула: «Сынок, как же ты вырос!» Мне не составило большого труда получить в комендатуре разрешение, чтобы родители пожили у меня несколько суток. Я познакомил родителей со Степаном, с которым они легко нашли общий язык. После хорошего совместного ужина Степан уступил свою кровать моей маме, а я в ту ночь в последний раз в жизни спал с отцом, как в детстве – в одной постели.

Обратную дорогу от станции Канаш до Батырева родителям пришлось преодолеть в открытом кузове грузовика, и, как рассказывала позже мать, отец тогда простудился и сильно заболел. Когда 10 февраля отец скончался, мама решила не вызывать меня телеграммой на его похороны, чтобы этим не затруднить мне предстоявшую пересдачу экзамена. Узнав о смерти отца, я дал себе клятву, что впредь буду учиться только хорошо.

В конце февраля 1939 года в институте организовали с индексом «Г» третий факультет. Он должен был готовить специалистов для оборонных предприятий и для производства стальной продукции военного назначения. В связи с этим сформировали для нового факультета деканат и соответствующие группы студентов, в число которых, конечно, не без тщательной проверки анкетных данных и состояния здоровья включили и меня.

Деканом нового факультета назначили маленького ростом и ходившего в зеленой военной гимнастерке без петлиц доцента – типичного еврея Якова Ханановича Сартана,

а его заместителем – молодого доцента Николая Огилько, носившего черную гимнастерку. Оба они очень хорошо относились к своим подопечным. Забегая вперед, скажу, что осенью 1941 года Я. Х. Сартан, будучи комиссаром какого-то большого соединения народного ополчения, воевавшего с немцами в районе Вязьмы под Москвой и оказавшегося во вражеском окружении, попал в плен, пробираясь к своим в одежде простолюдина. Однако нацисты, как известно, люто ненавидевшие евреев и тщательно осматривавшие каждого пленного, похожего на еврея, почему-то не усмотрели в отрастившем большую черную бороду и одетом в лохмотья Сартане человека этой национальности и отпустили его на волю. Я. Х. Сартан пробыл в тылу врага примерно два месяца, пока местность, в которой он находился, не освободили от оккупантов. Но у своих людей нашему декану пришлось трудно: к нему сильно придрались за то, что он, будучи типичным евреем и к тому же комиссаром, остался жив на оккупированной территории. Его чуть не расстреляли, но он каким-то образом выкрутился. Однако после этого ему больше не пришлось работать в Институте стали, он смог устроиться лишь рядовым инженером на Московский метизный завод «Пролетарский труд». Тут-то я его застал начальником заводской лаборатории в 1951 году, когда приехал в командировку на этот завод со своего предприятия в Горьком.

Глава V

В начале июля 1939 года я отправился в родную деревню на летние каникулы. На серьезные события, разворачивавшиеся в то время внутри страны и вне её, я, как и многие молодые люди, тогда не обращал особого внимания и сильно не задумывался над ними. А между тем надвигалась война, и руководство страны усиленно готовилось к ней, укрепляя, но и, к несчастью, также ослабляя из-за репрессий Красную армию, точнее – Рабоче-крестьянскую Красную армию (сокращенно – РККА). Одновременно оно усиливало трудовую дисциплину, обучало население военному делу, а главное, увеличивало выпуск военной техники.

15 марта 1938 года И. В. Сталин после соответствующего судебного фарса расстрелял своих бывших главных соратников – Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других. А только за три дня до этого Германия присоединила к себе Австрию. Летом того же года на Дальнем Востоке у озера Хасан шли сильные бои наших войск с японцами. В сентябре 1938 года Мюнхенскими соглашениями Германии была отдана пограничная с нею Судетская область Чехословакии, а в декабре в нашей стране вышло постановление, согласно которому за три опоздания на работу виновнику полагалось увольнение.

В начале 1939 года в Испании установился диктаторский режим генерала Франко, а в марте Германия полностью оккупировала Чехословакию и начались переговоры представителей Великобритании и Франции с правительством нашей страны о гарантировании безопасности Польше, Румынии, прибалтийским и другим государствам от возможной германской агрессии. Летом в Монголии произошли упорные бои советских войск с японскими у озера Халхин-Гол (там сложил тогда голову мой однодеревенец Николай Гладков).

...Часть июля и первую половину августа 1939 года я в последний раз в своей жизни поработал вместе со сверстниками на поле родного колхоза при уборке урожая: вязал снопы, укладывал их в скирды и привозил их на общее гумно. Много купался, гулял, ездил на велосипеде, общался с друзьями и особенно много – со старшим двоюродным братом Александром Егоровичем Наперсткиным, обучавшимся на последнем курсе Марийского (Йошкар-Олинского) лесотехнического института.

А пока я находился в деревне на летних каникулах, в августе 1939 года руководство нашего государства приняло судьбоносное решение о заключении с Германией договора

о ненападении, а позже имели место секретные договоренности о разделах сфер влияния обоих государств, о судьбе Прибалтики и Бессарабии.

1 сентября 1939 года осталось известным тем, что в этот день Германия напала на Польшу, после чего Великобритания и Франция объявили войну Германии, и так началась Вторая мировая война.

17 сентября наши войска вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Для проведения этой операции были мобилизованы даже несколько наших студентов-старшекурсников, отслуживших ранее в армии, и особенно – имеющие командирские звания.

В институте у нас большое значение стали придавать изучению предмета «военное дело», занимавшего 140 учебных часов. По этому предмету, посвященному в основном действиям пехоты, нам пришлось летом 1940 года держать экзамен, который я сдал на пятерку. Кафедрой военного дела в те годы руководил авиатор майор Осинцев, преподавал предмет пожилой полковник – артиллерист Горин, который был очень интеллигентным и добрым человеком. Забегая вперед, отмечу, что на занятиях по военному делу мы хорошо изучили трехлинейную винтовку образца 1891/1930 годов конструкции С. И. Мосина (калибра 7,62 мм) и даже стреляли из неё боевыми патронами. Это происходило тогда, когда осенью 1939 года у нас принимали нормы на значок «Ворошиловский стрелок», для чего мы специально посещали тир на физкультурном стадионе кондитерской фабрики «Ударница».

Однажды в один из прохладных, но сухих дней конца апреля 1940 года полковник Горин повёз нас на электричке с Курского вокзала до станции Битца, где местность была хорошо пригодной для военной учебы, и Горин провёл здесь с нами практическое занятие по отработке тактики боя, включая перебежки, лазания по-пластунски и пр. Всё проходило очень весело.

Еще одним незабываемым для меня и моих друзей событием, связанным с изучением предмета «военное дело», была сдача норм на значок ПВХО. В один из теплых майских дней 1940 года нас привели в Нескучный сад и заставили спуститься в глубокий овраг. В этом овраге находился деревянный барак, предназначенный специально для сдачи норм на значок ПВХО. В том бараке, хорошо загерметизированном, нас заставили надеть противогаз и «противоипритный костюм», усадили на скамейки и заполнили помещение ядовитым газом (по-видимому, хлорпикрином). Через некоторое время нас выпустили. Так мы все благополучно сдали нормы на значок ПВХО.

В апреле 1940 года в институте организовали курсы пулеметчиков, которые вел один из студентов, отслуживших ранее в армии, третьекурсник Котов. Я очень хотел записаться на них, но Степан Кадышев, еще ранее «уполномоченный» моим покойным отцом всячески следить за мной, не дал мне это сделать.

Комсоргом нашей группы был тогда Боря (Борис Сергеевич) Денежкин, родом из Армавира. Отец его погиб в Гражданскую войну, и мать вышла снова замуж за друга отца, но вскоре умерла. Однако отчим очень хорошо относился к Боре и вырастил его. В 1940–1941 годах мы с Борей активно занимались в кружке по дзюдо. После окончания пулеметных курсов он летом 1941 года ушел добровольно на фронт и осенью того же года под Вязьмой попал в плен. В апреле 1945 года где-то под Берлином Боря был освобожден из плена и в составе Советской армии принял участие во взятии этого города, за что получил соответствующую медаль и медаль «За победу над Германией». Осенью 1945 года он вернулся в Москву для продолжения учебы в Институте стали, который и окончил в конце 1947 года. В конце 60-х годов его взяли на работу в ЦК КПСС, а оттуда – в Министерство черной металлургии СССР и в руководство аппарата стран СЭВ. Он умер от инфаркта в июне 1990 года.

В середине ноября 1939 года в институте состоялась лекция молодого полковника о международном положении. Она была для нас очень интересной. При этом лектор лихо

прогнозировал для СССР блестящие военные перспективы. Он заявил, что вскоре Финляндия будет в составе СССР, так как «вот-вот начнется война с этим мелким государством, а после того, как болота на границах и внутри Финляндии замерзнут, наши танки легко домчатся до Хельсинки».

И действительно, 30 ноября началась Финская война. Некоторые студенты и аспиранты нашего института, как и других вузов, предприятий и организаций, подали заявления с просьбой о включении их в состав лыжных батальонов, направляемых на фронт против «белофиннов». Я подумал было сделать то же самое, но Степан решительно отверг моё намерение.

По окончании зимней экзаменационной сессии в январе 1940 года я получил от профкома института бесплатную путевку «за хорошие показатели в учебе и активность в общественной жизни» и отправился на 12 суток в Дом отдыха «Ильинское» на берегу Москвы-реки.

Примерно в середине марта 1940 года война с Финляндией закончилась миром. А в апреле немцы оккупировали Данию и Норвегию и внезапно начали молниеносное наступление на границах Нидерландов и Бельгии. Захватив оба эти государства, они ворвались с севера на территорию Франции и вступили в Париж.

7 мая 1940 года в Красной армии ввели генеральские звания. Генералы не имели тогда погон, но их мундиры делались с петлицами на воротнике, на которых были предусмотрены от одной до четырех звездочек в зависимости от звания генерала: майора, лейтенанта, полковника, армии. Разумеется, большой интерес вызвал у всех список, фотографиями генералов и сведениями о них.

...Третий семестр учебы на втором курсе у нас завершился на месяц раньше, чем на других курсах: в мае мы сдали все положенные зачеты и экзамены и перешли на третий курс. Это произошло потому, что всех второкурсников направляли в июне на первую месячную ознакомительную практику на предприятия. Многих послали на юг – на Украину. Моя группа, как и еще две группы, специализировавшиеся по прокатному производству, поехала на Днепровский металлургический завод (позже комбинат) имени Ф. Э. Дзержинского в Днепродзержинске. Конечным пунктом для нашего поезда оказался Днепропетровск. Я тогда не мог вообразить, что через два года именно в этом городе будет решаться вопрос моей жизни и смерти и что позднее многое в моей судьбе будет связано с Днепропетровском.

В то время на заводе начинал свою карьеру Л. И. Брежнев. Главным инженером предприятия был Ф. С. Таранов, а главным энергетиком – В. А. Герасименко, которые сразу после войны переехали жить в Москву и заняли руководящие должности в Министерстве черной металлургии СССР.

Тогда в Днепродзержинске из громкоговорителей мы узнавали о событиях в нашей стране и в мире. Нас особенно потрясали вести об успехах германской армии на французском фронте. 22 июня 1940 года мы узнали, что Франция капитулировала.

В то лето в нашей стране её руководство, готовясь к неизбежной войне, приняло ряд новых, очень серьезных мер. Началось создание специализированных по профессиям ремесленных (РУ) и профессионально-технических (ПТУ) училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), куда стали направлять подростков. Они получали форменную одежду – шинели, пиджачки с петлицами и фуражки с соответствующими эмблемами.

26 июня вышло постановление об упорядочении трудовой дисциплины, введении семидневной рабочей недели и о переходе на 8-часовой рабочий день с семичасового, установленного в 1927 году. За опоздание на работу на 20 минут полагалось удержание в течение полугода 25 % месячной зарплаты, а прогул без уважительных причин – отдача под суд и удержание 25 % зарплаты, за самовольный уход с работы грозило тюремное заключение на срок от 2 до 6 месяцев.

Летом 1940 года наши войска вступили на территорию Бессарабии и Западной Буковины, отняли их у Румынии и присоединили к СССР. В августе произошло официальное принятие Литвы, Латвии и Эстонии в состав нашего государства.

В августе я закончил свои летние каникулы и снова выехал в Москву. В этот день ни я, ни мои родные не предполагали, что я возвращусь домой только через 6 лет и больше не увижу многих своих земляков. Из нашей деревни ушли на войну около 250 мужчин, из которых 110 погибли.

Мама вручила мне маленький чувашский «талисман», который должен был уберечь меня от возможных больших бед, болезней и других несчастий и, конечно, от смерти. Он представлял собой тоненький бумажный пакетик размером 2×3 см, внутри которого находились несколько черных зернышек от цветов местного ядовитого и наркотического растения (не знаю, как оно называется по-русски) и кусочки суровой некрашеной нитки из конопляной пеньки.

Но эта нитка была необычной. Дело в том, что когда в нашей деревне, а также в соседних чувашских деревнях и селах кто-нибудь умирал, то сразу же после предания покойного земле всем присутствующим раздавали непосредственно на кладбище отрезки упомянутой нитки. Так вот, в моем «талисмани» были кусочки от такой нитки, которые вручались при похоронах отца и маминой мамы – бабушки Феодосии. Кроме того, говорили, что накануне мама продержала эту нитку одну ночь намотанной вокруг отцовского надгробия и бабушкиного креста.

При возникновении большой опасности или перед необходимостью преодоления сложного препятствия (например, перед сдачей экзамена, визитом к начальству с серьезной просьбой) следовало, как наставляла мама, вынув данный талисман, положить на него пальцы и решительно сказать про себя или вслух слова «Я одержу победу», «Я выздоровею», «Я останусь цел» или другие в зависимости от конкретной ситуации. При этом требовалось вспомнить своих близких покойных и просить у них помощи.

Глава VI

Уже в самом начале занятий в 1940 году многим студентам в институте пришлось испытать большую неприятность. Дело в том, что во всех вузах страны ребят со второго курса, годных к военной службе, включая и моего упомянутого земляка Ивана Воробьева, успешно окончившего первый курс МИЦМиЗ, забрали в армию и направили на краткосрочные курсы в военных училищах, где из них готовили лейтенантов.

Но это еще не всё: во всех гражданских вузах страны ввели плату за обучение и требовали её срочно внести. В нашем институте полагалось внести за учебный год 650 рублей.

На третьем курсе мы начали изучать дисциплины, непосредственно относящиеся к нашей будущей специальности: детали машин, физическую химию, металлографию, теорию металлургических процессов, электротехнику, теплотехнику, металлургические печи, теорию механизмов и машин, грузоподъемные машины, минералогию и кристаллографию.

В начале осени 1940 года руководство СССР, стремясь максимально экономить в стране во всём, ввело в действие порядок, согласно которому военнослужащие, отслужившие свой срок в Красной армии, должны были после демобилизации возвращаться домой не в красивом военном обмундировании, как это было раньше принято, а в той, как правило, старой одежде и обуви, в которых они были призваны на службу. Сразу же после введения этого порядка мне довелось встретиться на Казанском вокзале в Москве с демобилизованными из армии земляками, уезжавшими на родину. Им было очень стыдно предстать дома перед близкими людьми в своей старой одежде.

В первых числах октября того же года вузовцев страны сразил еще один страшный удар: стипендию решили платить только тем, кто на экзаменах получил только отличные и хорошие оценки. Таких студентов набиралось не более 20 %. Я, к несчастью, к их числу не относился, так как имел одну тройку. Пришлось сообщить маме о постигшем меня новом несчастье. В это время у нее на руках было трое детей, а мой брат Геннадий учился в Институте военных инженеров железнодорожного транспорта в Новосибирске. Хотя он и получал высокую стипендию и носил казенное обмундирование, ему тоже требовалась денежная помощь. Чтобы добывать необходимые деньги, моей матери пришлось взять в начальной школе много дополнительных часов работы и перевести двух моих братьев из Батыревской средней школы на учебу в местный педагогический техникум, где учащимся платили небольшую стипендию.

У нее в деревне имелся большой приусадебный участок и яблоневый сад, немалое поголовье скота (корова, телка, до 15 овец, не менее двух свиней) и птицы (до 30 кур), а в саду стояли 12 пчелиных ульев. Мама продавала местным жителям яблоки, мед и еще что-то, чтобы не тратить деньги, которые она зарабатывала в школе. Ей приходилось работать с раннего утра до поздней ночи, не зная отдыха и питаясь кое-как. После войны, в которой участвовали трое её сыновей, она была удостоена высокого звания Заслуженной учительницы школ Чувашской республики, награждена медалью «Материнская слава», орденом Ленина, а также другими медалями. Умерла мама 6 сентября 1980 года в возрасте 82 года (без 21 дня).

...Итак, я остался студентом МИС, но, к моему большому несчастью, Степану Кадышеву пришлось бросить учебу в институте. Некоторые устроились работать на строительстве Дворца Советов и стали жить в общежитии. Осенью 1941 года дом, где было это общежитие, разрушило бомбой, и дальнейшая судьба этих ребят мне неизвестна.

В середине октября белоруса Костю (Константина Петровича) Демидова, а потом и Степана Кадышева, остриженных наголо, мы проводили с вещами в расположенный на улице Шаболовка клуб кондитерской фабрики «Ударница» (ныне это восстановленная церковь Живоначальной Троицы). Там собирали молодых призывников и оттуда отправляли по разным городам служить в армии. Степан через месяц прислал мне письмо, в котором сообщил, что служит рядовым в одном из воинских частей под Владивостоком. Я написал ему ответ, но на этом наша связь оборвалась.

...После отъезда Степана моим соседом по комнате стал Иван Григорьевич Митрофанов родом из-под Арзамаса. С ним, с 1947 года живущим с семьей в Волгограде и проработавшим там до ухода на пенсию крупным инженером на металлургическом заводе «Красный Октябрь», я продолжаю дружить.

В отличие от Степана, Иван не занимался опекуном надо мной. Мы записались с ним в только что организовавшиеся институтские спортивные секции.

Особое место в нашей студенческой жизни занимал спорт. Во время тренировок в секции дзюдо, проводившихся не менее двух раз в неделю в течение двух-трех часов, мы укрепляли, усиливали и делали более гибким тело и обучались различным приёмам борьбы, имевшим конечную цель – положить противника на обе лопатки. Учились падать так, чтобы не сломать руки и т. д. Мы выполняли и гимнастические упражнения. Я мог делать на турнике до 15 подтягиваний и совершать сложные упражнения. Но брусья, кольца и конь мне давались плохо. Но уже через месяц я значительно укрепил ноги, увеличил силу отталкивания и научился быстро сжиматься в комок при падении, так что стал иногда в коридорах института или общежития, разбежавшись и высоко подпрыгнув, совершать, как циркачи, акробатический номер – «мертвую петлю» с поворотом тела как вперед, так и назад. Все любили смотреть, как забавно боролись я и Виталий Лукоянов, имевшие вес «мухи» и поэтому чрезвычайно быстро двигавшиеся с самыми различными поворотами и сме-

нами положений. А у борцов с большим весом этого не было, и зрители воспринимали их не с таким интересом.

В начале декабря 1940 года наша институтская команда борцов дзюдо впервые приняла участие в московском общегородском юношеском соревновании по данному виду спорта. Тренер посоветовал нам сходить накануне в баню и сильно попариться, чтобы максимально уменьшить свой вес, что мы и сделали. Утром нас привезли на стадион Юных пионеров (у метро «Динамо»), где зарегистрировали и сразу же взвесили. После этого мы отправились в ресторан, где бесплатно хорошо поели высококалорийной и жирной пищи, чтобы теперь, наоборот, увеличить свой вес и этим в какой-то мере затруднить действия противника.

На соревновании я обе схватки легко выиграл, причем первую – досрочно. Хорошо поборолись и мои товарищи по команде. В результате мне присвоили квалификацию борца третьего разряда. Аналогичные соревнования состоялись в феврале, апреле и в начале июня 1941 года. Кроме того, мы участвовали еще в мелких (типа межвузовских и районных) соревнованиях. К июню по результатам всех соревнований я стал борцом первого разряда. Однако в последнем общегородском юношеском соревновании, которое проходило в начале июня 1941 года, в противники мне попался коварный татарский юноша, который во время борьбы незаметно (а может быть, и заметно) для судей сильно и больно ударил меня ногой в пах. Я разозлился, не сдержался и громко выругался по-татарски, чем на миг ошеломил противника и сумел бросить его на обе лопатки. Схватка этим закончилась, я обрадовался, думая, что победил. Но судья, подняв руку противника, объявил победителем его, а меня дисквалифицировал за грубость. Так моё увлечение борьбой закончилось...

...В начале третьей декады октября 1940 года меня, Ивана Митрофанова и некоторых других студентов вызвали в институтский комитет комсомола. Здесь нам сказали, что мы, как активные комсомольцы и спортсмены, должны принять участие в военном параде на Красной площади 7 ноября в составе батальона, носящего название «Вооруженный пролетариат». Такой батальон, состоявший из мужчин, одетых в гражданскую одежду и с винтовками со штыками, выступал тогда на всех военных парадах на Красной площади, замыкая батальоны из военнослужащих. «Вооруженный пролетариат» должен был показать «мировому капиталу», что «все советские люди готовы с оружием защищать социалистическое отечество». В качестве правофланговых в таком батальоне обычно находились переодетые в гражданскую одежду опытные военнослужащие.

На тренировках нас учили хорошо маршировать, соблюдать абсолютно прямую шеренгу из 12 человек, а потом красиво шагать с винтовками. Погода в это время была дождливая, но на это не обращали внимания, однако наша промокшая одежда не успевала за ночь полностью высохнуть.

За пару суток перед парадом поздно ночью нас привезли на Манежную площадь для генеральной репетиции. День 7 ноября выдался хмурым и с мелким дождем. Было холодновато. С рассветом мы прибыли на Манежную площадь. Пока принимавший парад нарком обороны маршал С. К. Тимошенко объезжал нас на коне, мы громко кричали «Ура!». Потом С. К. Тимошенко с трибуны мавзолея произнес речь (зачитал текст), и, наконец, мы промаршировали под музыку большого оркестра через Красную площадь мимо Мавзолея. На его трибуне, приветствуя нас, стояли И. В. Сталин, В. М. Молотов, М. И. Калинин, Л. П. Берия, Л. М. Каганович и другие руководители страны, а также несколько генералов и гражданских лиц.

После парада нас за государственный счет хорошо – с бутылкой пива – накормили вкусным горячим борщом и гуляшом. Так я в первый и последний раз в своей жизни принял участие в военном параде.

За несколько дней до ноябрьских праздников в нашем институте вывесили объявление о том, что активные комсомольцы, имеющие рекомендацию от райкома комсомола, облада-

ющие соответствующим здоровьем, могут быть направлены на учебу в Московский аэроклуб, чтобы приобрести профессию летчика. Из нашей группы Ася Рязанова – девица на вид совсем неброская и очень хотевшая чем-то отличиться, – первой откликнулась на это объявление и предложила мне вместе с ней записаться в аэроклуб. Я сразу согласился, а другие ребята почему-то отказались. Мы с Асей добились в райкоме рекомендации и через пару дней после праздников поехали с документами в аэроклуб.

13 ноября прошли через медицинскую комиссию. Мои нервы, сердце, легкие, желудок, ноги, руки, глаза, уши и другие органы врачи признали годными. Но с носом они крепко ошиблись. Дело в том, что мне дали раствор валерианы, который у меня на родине называли не валерианкой, как в Москве, а каплями Иноземцева. Так я и ответил. Врачи же подумали, что я не различаю запахов и поэтому говорю им о каких-то каплях. В итоге они признали меня непригодным для учебы «из-за отсутствия очень важного для летчиков чувства обоняния». Мои же объяснения они не приняли всерьез, утверждая, что валерианку знают все люди. Таким образом, меня забраковали, и это сильно обидело меня, но в основном лишь из-за того, что я стал «жертвой» врачей. Асю же приняли в аэроклуб, и она там успешно занималась вплоть до начала войны, но куда делась потом, не знаю...

...На следующий же день чувство обиды за своё вчерашнее «поражение» у меня совсем исчезло, потому что ко мне приехал мой любимый двоюродный брат Саша Наперсткин. Его призвали в армию и определили лейтенантом в воинскую часть где-то под Тбилиси. Мы сразу же сфотографировались на память, выпили и закусили за его счет вместе с моим соседом Иваном. До июня 1941 года Саша учился в Тбилиси на курсах повышения квалификации среднего командного состава, в войну служил в Иране офицером в составе советских войск и воевал с немцами в Венгрии и Австрии. После Победы он нес службу в Австрии, где его, как он рассказывал, очень любили австриячки. Демобилизовался Саша в сентябре 1946 года.

16 ноября у меня появился другой старший брат, но троюродный, тоже Саша Наперсткин, по отчеству – Семенович, который в детстве делал мне разные игрушки и, в частности, стреляющие с большим грохотом пулями с серой от спичечных головок. Одет был Саша очень бедно – в сильно поношенные фуфайку и старые рваные ботинки. Оказалось, он привёз мне от мамы посылку с продуктами и теплыми носками. Задерживаться гость не стал: ему, также призванному в армию, надо было быстро присоединиться на Киевском вокзале к другим призывникам и отправиться на место службы где-то под Львовом. Так он и уехал, а я его не проводил, о чем потом очень пожалел, поскольку наша встреча оказалась последней – он погиб в первые же дни войны...

...В ноябре группа наших студентов во главе с четверокурсником Лёвой (Львом Николаевичем) Филимоновым (будущим профессором, доктором наук) – рослым и здоровым блондином подрядились разгрузить за 24 часа огромную баржу с капустой. На эту очень тяжелую физическую работу пригласили и меня, предупредив, что придется пропустить занятия и работать всю ночь и день без перерывов, перекусывать на ходу, а тот, кто не выдержит, уйдет с работы раньше, никаких денег не получит. Я согласился.

Было темно, прохладно и очень сыро, иногда шел мелкий дождь. Мы складывали кочаны капусты в корзины, вдвоём выносили их с баржи на берег Москвы-реки и, пройдя метров 25, затаскивали в сарай и выгружали. Работал я в паре с Иваном. Из двадцати человек двое не выдержали и ушли домой, а мы получили по 56 рублей – тогда немалые деньги.

Через неделю я снова попал на такую же работу, однако на этот раз потерпел большую неудачу: после почти 30 часов непрерывного труда повредил левую ногу, поскользнувшись и упав с корзиной при выходе с баржи. Пришлось кое-как ковылять до остановки трамвая и вернуться домой. Хотя я не доработал до конца выгрузки часа два, но мне, согласно уговору, ничего не заплатили. А мог бы получить около 70 рублей! Было обидно до слез.

...В третьей декаде декабря 1940 года я сдал все положенные за пятый семестр восемь зачетов и даже досрочно два экзамена – по физической химии и теории механизмов и машин. Предстояло сдать в январе 1941 года еще четыре экзамена.

И вот наступил 1941 год. Накануне – 31 декабря 1940 года – установилась в Москве мягкая, не морозная и тихая погода, без солнца. С наступлением вечерней темноты повалил снег. Трамваи ходили редко, поэтому нам после ужина пришлось отправиться в институт пешком. Там мы побывали на концерте участников самодеятельности и на танцах под духовой оркестр. К часам 22-м и мой сосед Иван вернулись домой опять пешком. Попили чаю и легли спать. Так мы проводили старый – 1940 и встретили Новый – 1941 год.

После сдачи экзаменов за пятый семестр став уверенным в том, что смогу дальше учиться без особо больших усилий, включая обязательное посещение всех лекций, а главное – из-за того, что не добился права на получение стипендии и чтобы не жить только на деньги, присылаемые мамой, я в третьей декаде января 1941 года сразу же, не уходя на зимние каникулы, устроился вместе с Иваном работать на карандашную фабрику имени Сакко и Ванцетти. Трудиться на ней предстояло в цехе ширпотреба в качестве строгальщика досок и подсобного рабочего. Это предприятие, как и другие аналогичные объекты, было определено профкомом института для работы студентов и студенток, которые не получали стипендию.

По договоренности с отделом кадров фабрики и начальником цеха нам разрешили вдвоем трудиться на одном рабочем месте по 8 часов: один день был занят Иван, а другой – я. Вставать приходилось до 7 часов утра, чтобы не опоздать на смену. В качестве верхней спецодежды нам на двоих с Иваном выдали одну типичную для тех времен короткую теплую фуфайку, но не черную, как обычно, а ярко-красную. В той же фуфайке после окончания рабочего дня мы ехали в институт на занятия, которые часто проходили вечером. Поскольку работа у нас была не грязной (имели дело в основном с деревянными стружкой и опилками), одежда почти не замарывалась. Наша красная фуфайка часто бывала для наших друзей поводом для всевозможных шуток.

В начале февраля 1941 года мне и Ивану выдали аванс по 100 рублей, но в конце месяца обоих неожиданно уволили с фабрики: якобы было трудно учитывать нашу работу, поскольку мы выходим на работу через день.

Павел Галкин и еще кто-то из товарищей завлекли меня на курсы шоферов-любителей. Учёба проходила на автобазе где-то на Красной Пресне, в основном по выходным дням. Прослушав теоретический курс, мы занимались практической ездой на грузовике на специальной площадке, после чего стали ездить вместе с инструктором по улицам Москвы. Моим инструктором был очень добрый и внимательный мужчина лет около сорока с фамилией Ахчеев. К концу практических занятий он вдруг посоветовал мне никогда не садиться за руль, так как, я, по его мнению, «не обладаю спокойным характером и не чувствую машину».

В третьей декаде мая состоялись экзамены для получения удостоверения. К сожалению, мне пришлось сдавать их дважды: в первый раз я не сумел правильно ответить на один из вопросов. Через неделю на повторном экзамене я правильно ответил на все вопросы экзаменатора и удовлетворительно выполнил езду на автомашине. Однако воспользоваться этим удостоверением мне ни разу не пришлось.

В апрельские дни 1941 года мы узнали, что Германия захватила Югославию и Грецию и ввела свои войска в Финляндию, Румынию и Болгарию. Мы не понимали, насколько это плохо для нашей страны, и совершенно равнодушно отнеслись к сообщению о том, что начальником Генерального штаба Красной армии назначен генерал Г. К. Жуков, сменивший на этом посту маршала Б. М. Шапошникова.

В первых числах июня 1941 года начались экзамены за шестой семестр. И первый же экзамен – по курсу «Детали машин и грузоподъемные устройства», который я сдавал 7 июня профессору Гавриленко, я провалил, так как готовился кое-как и был слишком самоуверен. Возвратившись домой сильно расстроенным, я увидел молодого лейтенанта-пехотинца с вещевым мешком и скаткой шинели. Им оказался мой земляк Иван Воробьев из деревни Булаково, бывший студент МИЦМиЗ. В сентябре 1940 года его забрали прямо из института в армию. Он окончил краткосрочные военные курсы командиров и направлялся на место службы в Западную Украину в район Перемышля.

Меня, Ивана и еще одного своего друга он пригласил в ЦПКиО им. Горького, куда мы направились пешком. Ваня подвёл нас к пивному ларьку. Здесь он купил каждому из нас по кружке пива и влил во все кружки дополнительно по 50 грамм водки, купив её в бутылочке-четвертинке в том же ларьке. Мы выпили этот «ёрш» и зашли в один ресторан, где основательно угостились за счет Вани. Утром Ваня направился на Киевский вокзал. Наверное, Ване вскоре пришлось принять первый бой с немцами и одним из первых сложить свою голову. В субботу 21 июня после сдачи экзамена остаток дня мы провели в ЦПКиО им. Горького, куда к вечеру собралось очень много молодежи. Везде играла музыка, работали аттракционы, словом, царило веселье. Мы выпили по кружке пива с добавкой к нему глотка водки и допоздна бродили по парку. Утром надо было готовиться к следующему экзамену. И на воскресенье ничто не предвещало плохого.

Часть третья. Война

Глава I

Воскресенье 22 июня 1941 года в Москве выдалось теплым и солнечным. В коридорах общежития была необычная тишина. Приведши себя в порядок, мы отправились позавтракать в буфете, где, как обычно, попили чай с белым хлебом, сливочным маслом и колбасой. Вдруг в столовую ворвалась молодая женщина и закричала: «Война! Война!» Мы сначала не поверили ей. Прибежали к себе, включили репродуктор и убедились, что действительно началась война, но с Иваном не стали время терять и отправились в читальный зал готовиться к очередному экзамену. Однако в голову ничего не шло, вокруг все обсуждали происходящее. К 12 часам мы спустились в холл общежития и выслушали выступление по радио В. М. Молотова, а затем отправились в Нескучный сад, где в небольшом старинном (XVIII века) двухэтажном доме на втором этаже имелся уютный читальный зал и небольшая библиотека. Но и здесь занятия не удалось: дежурный старичок подошёл к нам и стал рассказывать, что он воевал с немцами в Первую мировую войну, что немцы очень сильны своей организованностью, но физически уступают русским, особенно в штыковой атаке. Кроме того, он сообщил, что побывал в немецком плену, помучился там от голода и унижений, но совершил удачный побег и добрался до своих войск.

В первые дни войны власти потребовали от населения проявлять бдительность, выявлять шпионов и диверсантов, соблюдать светомаскировку, т. е. закрывать с наступлением темноты окна, чтобы не было видно света, а для этого срочно изготовить и установить на всех окнах щиты. Первое время окна закрывали одеялами и вкручивали синие лампы. На стекла крест-на-крест наклеивали ленты из бумаги или газет, чтобы при бомбежках стекла не разбивались от ударной звуковой волны. Была дана команда – на безопасном расстоянии от жилых зданий и сооружений вырыть окопы, они служили убежищами для людей от осколков при налетах вражеской авиации. Предписывалось иметь на крышах запасы песка и воды для тушения зажигательных бомб и возникших пожаров. Всё это было выполнено в Москве в основном в течение двух недель. Под многими жилыми зданиями были созданы капитальные бомбоубежища. Везде имелись санитарные посты. Почти все дежурные носили на плече сумку с противогазом. В разных местах начали устанавливать зенитные орудия, а также пулеметы и прожекторы.

Советское информационное бюро (Совинформбюро) публиковало оперативные сводки и вести с фронтов. 30 июня в стране был создан Государственный комитет обороны (ГКО) во главе с И. В. Сталиным, взявшим на себя всю полноту власти в государстве.

23 июня в Военном комиссариате Ленинского района, к которому тогда относился наш институт, нам выдали на руки под расписку мобилизационные повестки. Мы, в свою очередь, должны были вручить их соответствующему лицу, мобилизованному на войну. При этом было сказано, что вручить повестку следует лично в руки мобилизованному, а если дома его не окажется, и он находится где-то в Москве или под Москвой (на работе или на отдыхе), то всё равно его требуется найти и обязательно отдать ему повестку.

Мне достались три повестки: одна – для мужчины, проживавшего за Калужской заставой, почти рядом с Окружной железной дорогой, вторая – тоже для мужчины, обитавшего в старом деревянном домике, недалеко от здания нашего института, и третья – для женщины-врача, квартира которой находилась в многоэтажном доме почти в конце улицы Большая Якиманка.

Мужчины были сильно возбуждены и заявляли, что обязательно «проучат» немца и быстро закончат войну. Но женщины, особенно пожилые, были очень опечалены, многие из них плакали.

На следующее утро нас позвали на очередное мероприятие. На этот раз нас распределили на три группы по 20–25 человек. Я попал в группу во главе с Лёвой Филимоновым, которая отправилась к Станкозаводу им. Серго Орджоникидзе. На проходной завода нам выдали лопаты, кирки, ломы и другой инвентарь и после этого повели к Калужской заставе. Нам предстояло выкопать несколько длинных окопов (глубиной не менее 1,5 метра), где работникам завода и другим людям предстояло прятаться при налетах немецких самолетов. Работой мы занимались бодро и весело, и она длилась почти весь световой день с перерывом на обед в столовой завода. Многие из нас, не надевшие рукавиц, нажили на ладонях волдыри. Аналогичную работу мы выполняли и в последующие дни, но уже в других местах. Ночью с 24 на 25 июня нас разбудили гудками предприятий и сирены, оповестившие о первой в Москве воздушной тревоге. Ошарашенные и удивленные происшедшим, мы выскочили в темноте на улицу и быстро заполнили близлежащие окопы. Многие люди и особенно женщины с детьми укрылись в подвалах, еще не ставших нормальными бомбоубежищами. Ребята и девушки, специально выделенные для ликвидации пожаров, сразу выбежали на крышу и верхние балконы Дома коммуны. На улице стало почти светло, но не потому, что была одна из самых коротких ночей года. Оказалось, на небе возникли огромные светлые пятна от расположенных в разных местах города прожекторов, искавших своими яркими и длинными лучами летящие на большой высоте вражеские самолеты. Кроме того, небо освещали выстрелы зенитных пушек и пулеметов, трассирующие снаряды и пули. И выстрелы, и разрывы снарядов сопровождались громоподобными звуками, к которым добавлялись еще звуки падающих осколков. Кстати, от «своих» осколков и пуль тоже надо было прятаться, но об этом мало кто догадался сразу. По этой причине в первые дни войны многие дежурные погибли или получили ранения.

Примерно через два часа после объявления тревоги по радио объявили: «Угроза воздушного нападения миновала. Отбой!» Сразу раздались соответствующие этому сигналу гудки и звуки сирены. На следующий день мы пытались узнать, какие же объекты города пострадали от бомб. Но никто ничего не мог нам сообщить. Лишь спустя несколько дней мы узнали, что эта воздушная тревога была учебной.

...26 июня мне предстояло сдавать трудный экзамен по металлургическим печам. Понятно, что обстановка, сложившаяся перед этим, не дала мне возможности хотя бы немного подготовиться к испытанию. Кроме того, в течение учебного семестра я старался запомнить пройденный материал, занимаясь посторонними делами, – в разных кружках и на курсах шоферов. На экзаменах из трех вопросов два оказались для меня непреодолимыми. Я думал, что экзаменатор доцент А. И. Ващенко «смиляется» и хотя бы на короткое время покинет аудиторию, дав возможность подсмотреть нужный материал в шпаргалке. Но этого не случилось.

А утром 30 июня был дан приказ о срочной мобилизации коллектива на трудовой фронт. Аналогичная мобилизация проводилась и в других учебных заведениях, а также на предприятиях и в организациях Москвы.

В соответствии с этим приказом команда физически здоровых студентов всех курсов, кроме пятого (выпускного) и частично второго, находившегося на ознакомительной практике в городах, далеких от Москвы, должна была отправиться 1 июля в Смоленскую область для строительства оборонительных сооружений. В этом списке оказался и я.

Было сказано, что все отъезжающие на трудовой фронт должны срочно подготовить себе продукты питания на пару суток (до приезда на место) и соответствующую одежду с расчетом пребывания вне Москвы не более двух недель. Брать с собой одеяло и пальто

не рекомендовалось, так как время было летнее. Многие говорили, что «война через пару недель закончится полной победой нашей армии над фашистской».

Моя подготовка к отъезду не заняла много времени. В имевшийся у меня брезентовый рюкзак я решил положить самые необходимые для жизни в полевых условиях вещи: катушку ниток с иголкой, перочинный ножик, алюминиевую ложку, эмалированную кружку, туалетное мыло с мыльницей, пару нижнего белья и носков, два носовых платка, махровое полотенце, несколько пачек папирос, коробку спичек, батон белого и полбатона черного хлеба, немного сахара, щепотку поваренной соли в бумажке, кусочек колбасы, карандаш, авторучку и тетрадь. Зубной порошок и щетку не взял – решил в это время обойтись без чистки зубов. Вся одежда – верхняя рубашка, лыжные брюки и пиджак со студенческим билетом и 10 рублями денег в нагрудных карманах, а также обувь – брезентовые туфли с парой носков были на мне. Кепку я тоже не взял и в качестве головного убора использовал либо белый носовой платок, четыре конца которого завязывал узелками, либо полотенце. Обритая наголо голова позволяла мне легче содержать её в чистоте и избавляла от вшей.

В нашей команде было около 100 человек, но позже количество людей постепенно уменьшилось. Причины были разные. Некоторых студентов отозвали в Москву, другие добровольно ушли в действующую армию. Борис Александрович Троицкий и дзюдоист Кост Зайцев были на фронте снайперами и с войны не вернулись.

Старшим команды назначили Юрия Ломовцева, ставшего после войны профессиональным военным. Политруком команды определили секретаря комсомольской организации нашего факультета Лёву (Льва Мордуховича) Утевского. Это был очень умный, симпатичный и уравновешенный студент. Осенью и зимой 1941 года, а также в январе 1942 года я находился вместе с ним в армии сначала в одном пехотном отделении, а потом в одной артиллерийской батарее. После войны мы продолжали общаться друг с другом. Он стал доктором технических наук, но умер рано – в 1979 году. Будучи очень крупным специалистом по металловедению и термической обработке сталей и сплавов, он много работал с вредными для здоровья рентгеновскими лучами и радиоактивными материалами.

В группе моими непосредственными начальниками оказались Женья Анохин и его заместитель Нестер Крохин. В подгруппу вместе со мной по взаимному согласию входили Паша Галкин (в качестве старшего), мой сосед Иван Митрофанов, Арсик Беспехотный, Дима Филиппов, Женья Майонов, Коля Золотухин и другие очень близкие мне люди. К нам же привязался молоденький, рослый и очень красивый первокурсник Костя Зорин, впоследствии ставший одним из руководящих работников электрометаллургического завода им. И. Ф. Тевосяна в Электростали. Жили мы «колхозом», т. е. очень многое – особенно продукты и курево – были у нас общими. Нередко нам приходилось есть суп и кашу из одной посуды, поэтому мы по праву стали называть себя «однокашниками».

Несколько студентов, забрав из института свои документы, перешли на учебу в военные училища и даже в академии. Мой комсорг Борис Денежкин записался в истребительный батальон.

...Всех направлявшихся на трудовой фронт построили по 4 человека в ряд, и мы двинулись пешком по Большой Калужской улице в сторону Калужской заставы. К нам присоединились и другие команды москвичей. От Калужской заставы добрались до маленькой церкви на крутом берегу Москвы-реки (её при советской власти не закрывали, и в ней в 1955 и 1960 годах окрестили моих детей – сына Мишу и дочь Наташу) и вошли в село Потылиха. На его окраине находилась киностудия «Мосфильм», где я пытался подзаработать на массовых съемках кинофильма «Суворов», изображая австрийского солдата.

У крутого и обрывистого берега реки Сетунь мы остановились минут на 20. Посмотреть на нас вышли жители крайнего трехэтажного шлакоблочного дома (это дом № 4 по Воробьевскому шоссе). Оказалось, что в той толпе стояла и 14-летняя красивая девочка

с двумя косичками – моя будущая незабвенная супруга Катюша, с которой в том же доме – в коммунальной квартире № 3 на втором этаже – я прожил полные счастья 1955–1961-е годы. Там начали свою жизнь и наши славные дети.

На Киевском вокзале нас посадили группами в товарные вагоны, в которых справа и слева от раздвижной широкой двери были устроены сплошные дощатые нары. Между стойками двери имелась съемная деревянная перекладина, на которую можно было опираться, стоя у открытой двери.

Ночью поезд медленно и с частыми остановками повез нас в сторону Калуги. Мы не раздеваясь улеглись на голые доски на полу и на нарах и крепко уснули. Наш поезд часто обгоняли воинские и грузовые эшелоны, следовавшие на фронт, и мы нередко стояли часами в чистом поле далеко от станций. Точный маршрут следования поезда нам, конечно, не был известен, и он нас даже совсем не интересовал.

Утром 3 июля на каком-то пустынном разъезде поезд окончательно остановился. Нас попросили собраться у дома начальника разъезда, где на столбе висел радиорупор, передававший различные сообщения, и я впервые в жизни услышал голос Великого вождя, выступившего с обращением ко всему советскому народу, – председателя ГКО И. В. Сталина.

Меня поразило, что Сталин плохо выговаривал русские слова, и как силен у него был кавказский акцент. «Как же так, – думал я, – ведь и я не русский, но по-моему разговору почти никто моей нерусскости не заметит». У меня мелькнула мысль, что Сталин нарочно так плохо и с сильным акцентом выговаривает русские слова, чтобы этим подчеркнуть превосходство своего грузинского происхождения.

От этого разъезда нам предстоял пеший переход на расстояние около 80 километров. Погода, как и два дня назад, была солнечной и жаркой, поэтому наши «командиры» заставили всех отрезать от куска черного хлеба тонкий ломтик-«скибку», посыпать её поваренной солью и съесть без воды. Мне лично это помогло: в пути я не испытывал жажды.

В одной из деревень нам сообщили горькую весть: наши войска оставили Минск и теперь немцы быстро продвигались к Смоленску. Эта весть особенно сильно огорчила моего товарища Витю Ширина, который был уроженцем Минска.

Глава II

...7 июля примерно в 17 часов, когда солнце на чистом небе еще хорошо грело, перейдя по мосту реку Десна, мы вступили в село Екимовичи, бывшее в тогдашней Смоленской области центром одноименного района. В него кроме нас несколько раньше прибыли и другие команды москвичей. Кроме москвичей, на противоположном от нас южном конце села располагалась на обочинах шоссе большая группа заключенных, которых охраняли часовые с винтовками. Стало ясно, что село Екимовичи является конечным пунктом нашего пешего «путешествия».

Нам было сказано, что мы будем заниматься здесь рытьём многокилометровых противотанковых рвов, а возможно, и строительством ДОТов и ДЗОТов – долговременных (железобетонных) и деревянно-земляных огневых точек. Условия работы будут жесткие, дисциплина полувойсковая, самовольные отлучки или отъезды не допускаются. В этой местности могут оказаться шпионы и диверсанты, поэтому необходимо тщательно следить за появлением посторонних лиц и по возможности их задерживать и сдавать соответствующим органам.

На все виды работ имелись нормы выработки, которые требовалось неукоснительно выполнять или перевыполнять. Так, в зависимости от вида грунта, они составляют от 5 до 10 кубометров на одного человека за 8-часовой рабочий день. Предусматривался полуторачасо-

вой обеденный перерыв. Специальной рабочей одежды и обуви не имелось. Местом работы и проживания нам определили деревню Зимницы на левом берегу Десны – против Екимовичей. Распоряжавшийся нами майор Стуженцов приказал нам выдать хлеб, сливочное масло и сахар, а за прошедшие 4 суток взамен продуктов он предоставил... 5 коров, которые бродили стадом на полях возле Зимниц: одну можно было зарезать и мясо сварить. Эти коровы оказались «эвакуированными» своим ходом из тех мест, которые уже заняли немцы, и многие животные сильно страдали из-за того, что их долго никто не доил.

Нашей группе досталась для ночевки относительно небольшая, но новенькая деревянная постройка – сеновал, как мы её называли, с двухскатной дощатой крышей и плоским потолком, между которыми хранилось свежескошенное и высушенное сено. Такое же сено, но в меньшем количестве, было и на его полу. Обнаружилось, что в помещении уже обособилась другая группа – человек 20 старшеклассников из одной очень престижной московской школы, которые приехали накануне. Это были очень милые, наивные и веселые ребята.

Мы выделили из своей среды двух лиц, которые должны были заниматься организацией снабжения команды продуктами и питанием. Выбрали мы также трех студентов, которым предстояло посменно сторожить колодец с питьевой водой, чтобы её не отравили вражеские агенты. Одним из сторожей согласился быть Костя (Константин Сергеевич) Ельцов, будущий директор Запорожского электрометаллургического завода «Днепроспецсталь», Герой Социалистического Труда.

Возвратившись на сеновал, мы долго не смогли уснуть, потому что школьники под гитару распевали веселые песенки. Среди тех школьников был один очень симпатичный немецкий юноша. Видно было, что все его очень уважают. Его хотели использовать как антифашиста для выступлений на немецком языке по громкоговорителю, чтобы агитировать вражеских солдат и офицеров сдаваться добровольно в плен Красной армии. Но вскоре нас перевели на другое постоянное место жительства, и мы уже не общались с этими школьниками.

...Нашим первым рабочим местом стал участок левого берега Десны (против её течения). Этот берег был хотя и достаточно высок, но не так сильно крут, чтобы вражеский танк после переправы мог упереться в него лобовой частью. Поэтому здесь следовало создать большую крутизну берега на участке длиной примерно в 300 метров. Дальше между рекой и полем простиралась широкая (местами шириной не менее 500 метров) пойма. Она имела длину не менее 3 км. Здесь нам предстояло вырыть глубокий и широкий противотанковый ров, а также ров между деревней и Десной. Насколько я помню, ширина противотанкового рва (см. рис. 1) составляла 7 метров и более, глубина – от 2 до 2,5 метров, а иногда и меньше, если появлялась грунтовая вода. Движению танка должна была воспрепятствовать почти вертикальная (с уклоном в 10–12 градусов) лобовая стенка рва высотой от 2 до 2,5 метров, а сам танк должен был остановиться на горизонтальном «днище» шириной не менее 2-х метров. К этому месту танк вела широкая (длиной около 5 метров) часть рва, имевшая значительный наклон.

В первые два года войны, когда наша армия в основном отступала, противотанковые рвы, протяженность которых составляла сотни километров, делали в несколько рядов друг за другом. Расстояние между рядами могло быть несколько десятков километров или значительно больше в зависимости от предполагаемого продвижения противника в глубь нашей территории. Направление рвов было преимущественно с севера на юг (или наоборот), т. е. перпендикулярно движению вражеских танков.

Длина противотанковых рвов, вырытых нашей командой под Смоленском, составила, наверное, 1,5 километра.

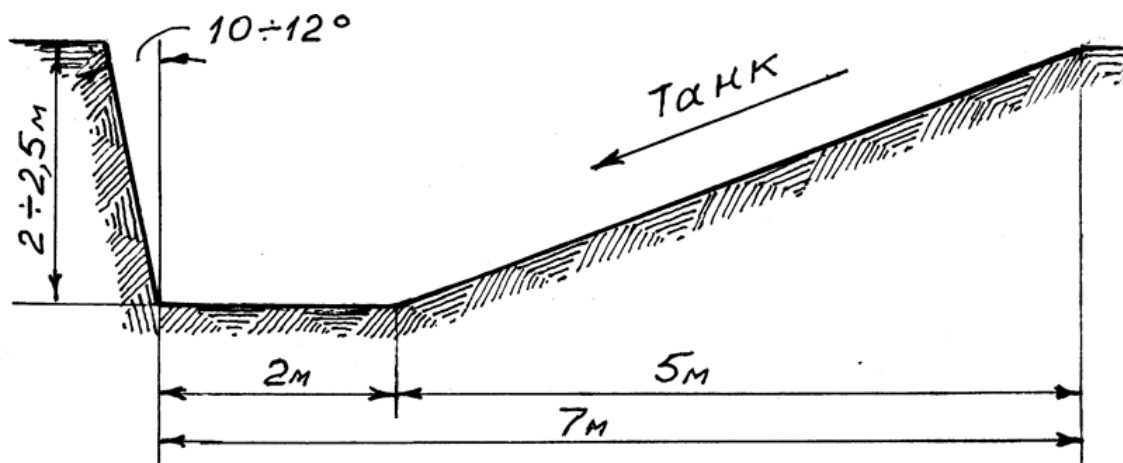

Рис. 1. Поперечный разрез противотанкового рва

Многие из наших ребят фактически были «белоручками» и не имея защитных рукавиц, нажили на ладонях кровоточины от лопат. В дальнейшем все привыкли к тяжелой работе, а кожа на ладонях огрубевала.

Почти все ребята старались работать хорошо, кроме тройки «волынщиков», старавшихся укрыться за спинами других. Однако наши старшие – Женя Анохин и Нестер Крохин – учли их поведение при начислении заработной платы.

...Из высокорослых ребят, выкидывавших грунт из рва, уже достаточно глубокого, мне запомнился один первокурсник. Он отличался большой физической силой. Его несколько раз отправляли с группой почти таких же физически сильных ребят в город Рославль выгружать из вагонов цемент для строительства ДОТов. Коля Смирнов и другие, работавшие вместе с тем первокурсником, рассказывали, как он ловко брал тяжелейший мешок с цементом и аккуратно укладывал его в кузов грузовика. А другие ребята могли поднять такой мешок только вдвоем.

Я тогда не поинтересовался фамилией и именем этого юноши, но, возвратившись в 1946 году в институт, я узнал, кто это был. Мало того, я оказался вместе с ним в одной учебной группе, а меньше чем через год поселился с ним же в общежитии. Этим студентом был Миша (Михаил Петрович) Попов родом из Тамбовской области. С ним, ныне проживающим в Смоленске, я дружу до сих пор.

...Наш рабочий день длился с 8 до 19 часов. По команде старшего (Анохина или Крохина) все делали отдых на 10–12 минут, который называли перекуром. Многие действительно курили, в том числе и я. Нам полагался обеденный перерыв, занимавший больше часа, поскольку на обед приходилось идти (а позже – ехать на грузовиках) в деревню. Работу не приостанавливали даже при дожде, так как укрыться от него было практически негде.

У меня, как и у некоторых других ребят, оказалась проблема с обувью. Чтобы сберечь свои легкие брезентовые туфли, при рытье легкого неглинистого грунта я снимал их и работал босиком.

Я всё еще продолжал жить с остатками детского воображения: старался хоть чем-то да отличаться перед товарищами. Это проявлялось прежде всего в том, что я работал, иногда и через силу, стараясь не отстать от самых физически развитых ребят, и бывал очень довольным, когда начальство это отмечало. Делал я и явные глупости. Так, поскольку не захватил с собой головной убор, иногда не столько по этой причине, сколько для демонстрации своей «оригинальности», повязывал голову белым махровым полотенцем, превращая его в подобие чалмы с болтающимся возле правого уха «хвостом».

В середине июля несколько дней погода стояла мрачной и дождливой. В это время через Зимницы и соседние деревни ежедневно в большом количестве шли на запад наши войсковые подразделения. Иногда красноармейцы и их командиры вынуждены были ночевать с нами в сарае. При одной такой ночевке сержант – сельский учитель, с которым я тогда разговаривал по душам, отдал мне свою запасную новенькую зеленую пилотку. В сентябре, возвратившись в Москву, я сфотографировался в этом головном уборе на память.

...Стало известно, что 16 июля немцам сдан Смоленск. Скоро они могли дойти до Екимовичей, до правого берега Десны. Вместе с нашими воинскими частями ушли добровольцами мой хороший друг – дзюдоист Толя Зайцев, великовозрастный и рослый студент Борис Троицкий, жгучий брюнет еврей Гриша Цирлин и несколько других ребят.

Угроза быстрого подхода немцев к Десне вынудила ускорить работы по подготовке противотанковых рвов и других оборонительных сооружений. Нас начали привлекать также к строительству ДОТов и ДЗОТов. Я с тремя друзьями один день занимался устройством из досок опалубки и доставкой на носилках бетона двум красноармейцам – строителям ДОТа и его будущим защитникам. Несколько дней, несмотря на дожди, пришлось работать до поздней ночи босиком и в промокшей насквозь одежде. Видимо, из-за всего этого я сильно простудился. 16 и 17 июля, уже едва держась на ногах, я еще работал, а 18 июля, в день моего рождения (мне исполнилось в тот день 20 лет), ребята оставили меня «дома». В тот день под шум дождя, шедшего почти непрерывно, дрожа от холода и от головной боли, я провалялся в «постели» из соломы и сена на земляном полу, прикрытый лишь своим коротким темно-синим костюмным пиджачком. Тяжелобольным встречал я и дни рождения в 1942 и 1943 годах.

К вечеру ко мне привели медсестру, которая, замерив температуру, дала мне несколько таблеток аспирина. К утру 19 июля почувствовал себя лучше, с аппетитом съел принесенный мне завтрак, а после обеда пошел на работу. Примерно через 7 дней после этого мы, закончив работу у Зимниц, копали ров возле деревни Старое Сырокоренье у реки Колозня. В тот день у меня вдруг сильно заболела спина, и я оказался не в состоянии ни согнуться, ни выпрямиться. Здесь меня опять выручила медсестра, поставив мне на спину около 20 стеклянных стаканчиков – банок. Когда банки остыли и отпали, на спине образовалась «картинная галерея» из розово-красных кружков, а через час я снова стал работоспособным.

С первых же дней после прибытия в Зимницы мы невольно обращали внимание, что над нами высоко в небе пролетают на восток и обратно вражеские самолеты. Сначала это были в основном длинные двухфюзеляжные двухмоторные Fw.189A «Eule» («Совы») или «рамы» по-нашему, производившие разведку местности. За ними (как правило, сразу) следовали бомбардировщики: одно- и двухмоторные, конструкции «юнкеры», а также одномоторные пикирующие Ju.87 штурмовики, и двухмоторные He.111 «хенкели». Ночью и днем летали четырехмоторные Fw.200 и другие. Бомбардировщиков нередко сопровождали одномоторные истребители Vf.109, а иногда двухмоторные Vf.110 «мессершмитты» и другие. Конечно, в типах и названиях конструкций немецких боевых самолетов я начал разбираться лишь позже.

До первой половины июля немецкие самолеты летали, как правило, на большой высоте и нас не беспокоили, ограничиваясь только сбрасыванием листовок. Но позже бомбардировщики, штурмовики и истребители иногда опускались очень низко, пугая нас, и иногда сбрасывали мелкие бомбы и обстреливали нас из пулеметов. Всё это они сопровождали, как правило, страшным воем специальных сирен.

Мы убедились, что появление самолетов на малой высоте всегда могло оказаться опасным, поэтому мы сразу ложились на землю, а в лучшем случае убегали в ближайшие овраги или в лес. Чаще всего пытались спрятаться в своем же противотанковом рву.

Сбрасываемые с самолетов листовки нам было запрещено поднимать, а тем более читать. Для их сбора и уничтожения выделяли специально подобранных людей. Но всё-таки нам удавалось читать эти листовки, однако нас удивляло их содержание, часто казавшееся просто глупым. Например, немцы писали, будто нашим государством управляют иуды-большевики и в основном – жида во главе с тираном и кровожадным убийцей Сталиным, что в СССР существует крепостное право. Больше всего листовок предназначалось военным. Им предлагалось сохранять листовку в качестве пропуска для перехода через фронт и добровольно сдаваться в плен. В таких листовках ругали политических комиссаров и рекомендовали беспощадно уничтожать их и всячески способствовать победе германских войск. В листовках было и много карикатур на Сталина и на комиссаров. В листовках сообщалось о больших успехах германских войск на всех фронтах, о численности пленных бойцов и командиров Красной армии (в том числе сына Сталина – Якова), о хорошем обращении немцев с пленными, о наделении крестьян землей на территориях, освобожденных от большевиков, и о прочих вещах.

К сожалению, мы тогда очень редко видели в небе наши самолеты. Но однажды нам пришлось быть свидетелями гибели одного из них. Дело было так. Как-то после падения Смоленска, от которого мы находились тогда на расстоянии около 95 км, над нами пролетел, теряя высоту, резко снижаясь, атакованный и поврежденный «мессершмиттом» советский бомбардировщик Пе-2. Залетев за Зимницы, он упал у окраины деревни Новосёлки и взорвался. Из-под обломков самолета извлекли полуобгоревшие тела двух молодых летчиков и похоронили их на краю леса. Говорили, что третий член экипажа остался жив, но его еще до нашего прихода отвезли в госпиталь. Скоро к месту падения самолета подъехала легковая автомашина, и из неё вышли двое военных, которые забрали документы и уцелевшие личные вещи погибших.

Несколько раз мы были свидетелями воздушных боев между немецкими и советскими истребителями. К сожалению, эти бои заканчивались не в пользу наших летчиков: их самолеты, оставляя за собой длинный хвост черного дыма, врезались в землю и взрывались. Однажды мы видели, как летчик сбитого самолета спускался на парашюте, но так и не узнали, остался ли он живым, так как немецкий летчик продолжал стрелять по нему из пулемета.

В августе немцы стали писать в листовках, что наши противотанковые рвы бесполезны, так как для немецких танков они легко преодолимы. Кроме того, их можно без труда обойти. И это было действительно так, но говорить об этом друг другу и тем более начальству мы не осмеливались. Оборонительные работы продолжались. Немцы предупреждали, что скоро начнут бомбить нас и обстреливать из самолетов, хотя им «жалко несчастных заключенных, которые трудятся подневольно». После взятия немцами Смоленска наших отступавших войск мы не видели. Говорили, что они попали в окружение.

...В начале августа нам выдали первую зарплату. За несколько дней до этого наши старшие обсуждали, сколько кому следует платить. Женя Анохин, Нестер Крохин и учетчик Коля Захаров³ отмечали, что я работаю хорошо, не «волюню» и поэтому заслуживаю такой же повышенной зарплаты, как и более рослые и физически сильные ребята. Так, за вычетом стоимости питания мне достались 800 рублей. А минимальная зарплата составила 600 рублей. Кстати, в начале сентября нам выдали еще и вторую зарплату. На этот раз она у всех была меньше – около 500 рублей. Таким образом, на трудовом фронте я заработал примерно

³ Нестер Крохин окончил Институт стали в 1943 году, будучи в эвакуации в Сталинске (ныне Новокузнецке), в Сибири. Перед уходом на пенсию он более четверти века проработал на высоких руководящих и инженерных должностях на Никопольском Южнотрубном заводе на Украине. Последний раз я был у него в гостях в Никополе летом 1976 года. Он умер и похоронен в том же городе в 1988 году. Женя Анохин и Коля Захаров стали профессиональными военными инженерами. Первый из них умер в начале 80-х годов в Ленинграде, а со вторым, живущим в Москве, я продолжаю дружить.

1300 рублей, из которых 100 рублей вскоре пришлось потратить на приобретение в сельском магазине простеньких брезентовых туфель взамен старых, полностью вышедших из строя.

...С начала августа в связи с приближением немецких войск к Екимовичам всё больше местного населения стало эвакуироваться на восток, гоня впереди себя коров и другой скот. Люди двигались в основном пешком и редко – на телегах, запряженных лошадьми. В середине августа территория за правым берегом Десны, включая Екимовичи, и у впадающей в Десну реки Колозня, где мы часто купались, оказалась ничейной: два-три дня там не было ни наших, ни немецких войск. В это время населению Зимниц и находящихся вблизи других населенных пунктов поступил приказ срочно эвакуироваться. Однако данный приказ к нам не относился.

В те дни мы стали свидетелями начала эвакуации жителей двух небольших деревень – Новое (на правом берегу реки Колозня, оставленном нашими войсками) и Старое Сырокоренья (на левом берегу той же реки). Погода была солнечной и жаркой. Сначала все жители зашли на местное кладбище попрощаться с похороненными там родными и близкими. Люди садились на могилы и со слезами целовали кресты, потом низко кланялись могилам. Я видел также, как члены одной семьи перед уходом из деревни целовали стены своей избы, ворота и другие постройки. Смотреть на эти сцены было ужасно тяжело, у меня и у некоторых других ребят тоже потекли слезы...

На следующий день я увидел на противоположном берегу реки Колозня, в деревне Новое Сырокоренье, усадьбу с пчелиными ульями. Хозяев в усадьбе не было, и во всей деревне не было видно никаких людей. И тут же я захотел показать друзьям, что я пчеловод и могу угостить всех свежим сотовым мёдом.

Моя «работа» на пасеке привела к тому, что пчелы ужалили меня раз пятнадцать. Всё страшно болело, и от работы с лопатой меня, естественно, освободили.

Наступило время обеда, и мы зашли в усадьбу, чтобы взять оставленные мною рамки с медом. Но тут в одной из ближайших к пасеке изб открылось окно и что-то в нём мелькнуло. В избе мы обнаружили совсем немощного старика, пытавшегося взобраться на русскую печь. Он не согласился уехать из деревни в эвакуацию, зная, что ему всё равно скоро помирать. Обе рамки с медом мы оставили старику и ушли от него, очень довольные своим поступком. Кто-то из начальства попытался обвинить меня в мародёрстве и потребовал наказать меня. Но, узнав, что рамки с медом были взяты не для себя, а отданы старику, ограничились предупреждением о недопустимости подобного «мародёрства». После этого мои товарищи по трудовому фронту чаще называли меня не по фамилии и имени, а по прозвищу Пчеловод, которое осталось в памяти у них до сих пор.

Через двое суток после моего похода на пасеку кто-то прибежал запыхавшись и сообщил, что немцы с противоположного берега реки на чистом русском языке по громкоговорителю предупреждают: «Эй, вы, московские студенты, бросьте ковыряться в земле, уходите отсюда скорее, иначе будем по вам стрелять!» Мы не поверили сказанному, посчитав это глупой шуткой товарища. Но на другой день, примерно через час после начала работы, вдруг послышался страшный вой и метрах 20 сзади от нас раздался грохот взрыва. Кто-то дико закричал: «Это мины!» Женя Анохин сразу скомандовал: «Ложись!» Совсем недалеко от края рва падали металлические осколки мины. Через пару минут я нашел один из них, он оказался еще горячим, его поверхность оказалась неровной, в нескольких местах заостренной. К счастью, пострадавших у нас не было.

Но не успели мы очухаться от первого взрыва, как снова слышали вой мины. Все разбежались по рву и крепко прижались к стенке со стороны возможного прилёта мины. Второй взрыв прогремел совсем недалеко от нас, но мина сделала перелёт. Я успел заметить, что Лёва Гробман, который перевелся в МИС в феврале из Днепропетровского металлургического института, прикрыл голову металлической частью лопаты. На вопрос, почему он так

сделал, я получил ответ: «Самое главное – беречь голову, а попадёт осколок в попу, так еще можно жить!» Некоторые ребята потом следовали его примеру.

Вскоре последовал третий взрыв, уже внутри рва, однако там, где нас не было. Минут через пять шарахнуло метрах в 15 от нас, и опять все остались невредимыми.

Мы ожидали самого опасного – пятого взрыва, а он... не последовал. Мы постепенно успокоились и продолжили работать. При этом мне и еще нескольким самым молодым и, наверное, из-за этого самым глупым ребятам всё происшедшее показалось очень интересным и романтичным. Я даже подумал: «Хорошо, если бы немцы выстрелили еще несколько раз!»

Мы доработали до обеденного перерыва, а после него немцы нас дважды обстреляли из миномёта. Часам к 17-ти, пролетая над нами, немецкие бомбардировщики сбросили северо-восточнее Зимниц несколько бомб, а истребители произвели пулеметный обстрел местности. Мы предположили, что на обратном пути они обстреляют и нашу «братию», поэтому заблаговременно укрылись от них. При этом случился такой казус: Володя Семенов (в будущем лауреат Государственной премии СССР) сел под кустик, чтобы оправиться «побольшому», и его за этим «делом» заметил пилот «мессершмитта» и дал по нему короткую, но, к счастью, неточную пулеметную очередь. Не натянув брюки, Володя пустился бежать к противотанковому рву, а летчик, грозя кулаком, преследовал убегающего.

Поздно вечером за ужином ребята из другой команды, работавшие в окрестностях Новосёлок, рассказали нам, что немецкие самолеты бомбили и обстреливали там воинскую часть, но «угодили» в команды заключенных и гражданских москвичей, убив одного и ранив несколько человек. При этом одна сброшенная бомба не взорвалась, и саперы собирались завтра её обезвредить. Утром Коля Захаров, Паша Галкин, я и еще несколько ребят получили разрешение сбежать в Новосёлки. Мы увидели подвешенную на деревянной перекладине между двумя столбами бомбу, возле которой крутились два молоденьких сапера, потом они постреляли по бомбе из пулемета бронебойными и зажигательными пулями, но бомба всё равно осталась целой. Тогда из окопа вышли два москвича, кажется, из команды завода «Красный Пролетарий», и предложили саперам обезвредить бомбу.

Бомбу сняли с перекладины и положили на землю. Саперы отошли в окоп, а рабочие (говорили, что у одного из них была фамилия Токарев) стали очень осторожно удалять взрыватель. Мы все с большим напряжением следили за происходящим из окопа. Произошло самое ужасное – бомба взорвалась. Раздался страшный грохот, и в разные стороны разлетелись части человеческих тел. Изуродованные останки людей я увидел тогда впервые, не предполагая, что скоро мне предстоит видеть подобное уже на фронте.

Потрясенные увиденным, мы быстро возвратились к себе и рассказали всем о том, что произошло у Новосёлок. Но едва мы начали работать, как появился немецкий штурмовик и начал обстреливать нас из пулемета.

Наконец наступил последний день нашей работы. Это было, кажется, 23 августа. Мы довели противотанковый ров почти до лесной опушки. Но едва наше начальство сдало готовый ров военному представителю, как немецкий минометчик «угостил» нас тремя обстрелами.

На следующий день нас разбудили задолго до рассвета. Мы привели себя в порядок, кое-как позавтракали и, захватив с собой весь имевшийся инструмент, ведра и другие вещи, покинули свой гостеприимный сарай и уже давно безлюдную деревню Зимницы. Уехали мы на грузовиках в сторону железной дороги, идущей в район Ельни. Уже через несколько дней этот город стал известен тем, что с 30 августа по 6 сентября 1941 года немцы впервые потерпели там большое поражение: город был отбит с очень крупными для немцев потерями. Под Ельней дали залпы и наши знаменитые «катюши».

Перед отъездом из Зимниц мы были сильно огорчены сообщениями с Ленинградского, Юго-Западного, Южного и других фронтов, тяжело переживали падение Киева. Коля Тузов плакал, услышав, что немцам оставлен его родной город Чернигов.

На Смоленщине мы, кроме сооружения противотанковых рвов, приводили в порядок или делали новые грунтовые дороги для автомобильного транспорта и танков, строили ДОТы и ДЗОТы. Как и раньше, ночевать приходилось в сараях, зданиях животноводческих ферм, в деревенских школах. Мы часто оставались без горячей пищи, иногда варили картофель, вырытый на колхозном поле или на приусадебных участках местных жителей. Из одного котелка пищу ели сразу несколько человек. Воду кипятили в котелках и кружках, собирая для костра даже ветки. Хлеб, масло, сахар и другие продукты со складов поступали не всегда. Некоторые ребята страдали из-за недостатка курева.

В последний период пребывания на трудовом фронте мы более трех суток пробыли, ночуя в классах местной школы, в селе Ямное.

...В конце августа у Ельни стали сосредотачиваться пехотные, артиллерийские, танковые и другие части Красной армии, которыми командовал генерал армии Г. К. Жуков. В те дни готовилось освобождение Ельни от немцев. Я счастлив, что вместе со своими товарищами внес свой, хотя и небольшой, вклад в данную победу, готовя для наших войск дороги и сооружая различные военные объекты.

7 сентября после обеда нам выдали на двое суток продукты «сухим пайком», и грузовые автомашины доставили нас темной ночью на какую-то железнодорожную станцию, и в чистом поле нас погрузили в два товарных вагона. Отсюда поезд отправился с очень частыми и долгими остановками к Вязме, а через неё к Москве на Белорусский вокзал. 9 сентября все участники трудового фронта отправились к зданию института. Там нас тепло встретили и поприветствовали руководство института, представители парткома, комсомольской и профсоюзной организаций и студентки и некоторые студенты и аспиранты, остававшиеся в Москве. Возник своего рода небольшой митинг, Л. М. Утевский кратко доложил присутствовавшим о выполненной нами работе и зачитал письмо начальника III участка второго строительного района VIII стройуправления Главобронстроя НКВД СССР в адрес Ленинского райкома ВЛКСМ и руководства МИС. В нем сообщалось, что студенты Института стали «с честью выполнили возложенное на них задание, полностью завершив порученный им объем работ, проявив при этом большое мужество, так как часто им приходилось работать даже под ураганным (так и было сказано) огнем врага». Нам объявили благодарность от имени Главобронстроя НКВД СССР.

В 1978 году почти все оставшиеся к этому времени в живых участники трудового фронта были награждены медалью «За оборону Москвы». Но я такую медаль получил еще в 1965 году как непосредственный (с оружием в руках) участник боев под Москвой осенью 1941 года. Награждение медалью участников трудового фронта состоялось после того, как этот вопрос поставил перед Московским Советом народных депутатов и Министерством обороны СССР Константин Ельцов, ставший в 70-х годах, как я уже упоминал, Героем Социалистического Труда. В составлении списков лиц, представляемых к награде, большую работу проделал я, запомнивший фамилии, имена и отчества многих из товарищей, но, увы, некоторые из них не дождались награды...

Глава III

В тот день – 9 сентября, войдя в здание института, мы ознакомились с вывешенными там объявлениями и узнали, что студенты Института стали не подлежат мобилизации в армию и должны продолжать учёбу. Был набран и первый курс, состоявший в основном

из девушек. Однако всем студентам полагалось не позднее 1 октября внести плату за обучение в сумме 800 рублей.

В отделе кадров нам продлили до следующего учебного года студенческие билеты и мы получили на сентябрь еще не знакомые нам продовольственные карточки с нормой выдачи продуктов как служащим: хлеба по ним полагалось 600 грамм в сутки.

За время нашего летнего отсутствия Москва внешне очень сильно изменилась. От налётов германской авиации были замаскированы Мавзолей В. И. Ленина на Красной площади и здание Большого театра. Маскировка была и на больших жилых домах, и на цехах заводов и фабрик. Во многих местах находились хорошо замаскированные зенитные пушки, пулемёты и прожектора. В небе висели аэростаты заграждения.

На площади Свердлова были выставлены остатки сбитого над Москвой немецкого самолета, а у входа в ЦПКиО им. Горького на берегу Москвы-реки – военные трофеи. Мы узнали, что в ночь с 21 на 22 июля вражеская авиация впервые бомбила Москву.

Известно, что с конца июля налёты немецких самолетов на Москву происходили регулярно, и совершались они главным образом по ночам. Однако хорошо организованная противовоздушная оборона города не допускала больших разрушений зданий и позволяла сократить жертвы среди москвичей. Как только мы возвратились в Москву, нам пришлось сразу же приспособиться к налётам авиации. Самой главной проблемой осталось добывание денег. Тех денег, которые мне регулярно присылала моя бедная мама, было явно недостаточно. Суммы, заработанной на трудовом фронте, могло хватить лишь на месяц. Следовало подыскать работу, которую можно было бы совместить с учёбой. В институте нам разрешали пропускать часть лекций и некоторые практические занятия.

В один из сентябрьских вечеров ко мне зашел мой татарский друг, студент второго курса Федя (Файзыахмет) Гафуров и предложил устроиться вместе с ним на работу на Московский станкостроительный завод им. С. Орджоникидзе в качестве стрелка-часового для охраны предприятия от вражеских диверсантов. В карауле следовало находиться в течение суток, причем на посту – два раза по 4 часа. Имелось два 8-часовых перерыва, но нельзя было отлучаться из караульного помещения. После суток дежурства последующие двое суток были свободны. Охраннику давали обмундирование, аналогичное военному, зарплату в 500 рублей в месяц, продовольственную карточку «по рабочей сетке». Требовалось иметь хорошее здоровье и уметь обращаться с винтовкой. Я не раздумывая принял решение устроиться на эту работу.

Через пару дней после предварительной поверки нашей политической благонадежности через спецотделы завода и института, а также здоровья и владения винтовкой, меня с Федей и другими ребятами приняли на работу.

Нам приходилось в течение четырех часов в любую погоду и даже во время воздушных налётов охранять какой-либо цех завода или участок его территории, передвигаясь вдоль кирпичной ограды, около которой имелись специальные будки, где можно было укрыться от дождя, а днем тайком читать учебники и конспекты лекций. Ночью вокруг ограды ходил еще кинолог с собакой. Мне почему-то чаще всего доставался для охраны литейный цех, где потом – в 1957–1961 годах – я неоднократно бывал по роду своей работы в проектно-технологическом институте «Оргстанкинпром».

При появлении возле охраняемого объекта чужого человека часовому полагалось криком «Стой!» останавливать его и спрашивать пароль. При необходимости следовало вызвать по телефону, установленному рядом, дежурного разводящего или караульного начальника. Однако больше всего часовому приходилось опасаться проверок своего начальства, которое периодически появлялось совершенно неожиданно, что требовало от часового большего внимания, особенно в глубокую и темную ночь.

Опасно было находиться на посту при налетах на город немецкой авиации. Но в такие моменты бывало также интересно наблюдать за действиями ПВО. Мне ни разу не пришлось стрелять на посту. Только однажды меня заставили потренироваться в заводском тире. И ни одна вражеская бомба на завод не упала.

В связи с приближением линии фронта к Москве получилось так, что в октябре институт эвакуировался в Сибирь, а я ушел добровольно в армию. Свою зачетную книжку, оставшуюся при мне из-за «хвоста» по металлургическим печам, вместе со студенческим билетом и метрическим свидетельством о своем рождении все годы войны я носил в кармане. Я не думал, что зачетная книжка понадобится мне в будущем, поэтому из-за отсутствия блокнота, будучи на фронте, записал (к счастью, простым карандашом) на её последних чистых страницах адреса некоторых друзей. Кроме того, моё заверенное институтской печатью фото размером 3×4 см, которое было наклеено на левом верхнем углу с внутренней стороны книжки, со временем отклеилось и пропало. Сразу после войны я стер все карандашные записи в зачетной книжке, подумав, что она, может быть, пригодится в будущем хотя бы в качестве сувенира. Но летом 1946 года, послав ее в Институт стали по почте из Донбасса с соответствующим заявлением, я восстановился в родном учебном заведении студентом третьего курса и получил там новую зачетную книжку. Между прочим, некоторые наши студенты с разных курсов, ушедшие добровольно или по мобилизации в армию в 1939–1945 годах, сумели восстановиться в институте и без зачетной книжки. Были такие, которым поверили на честное слово, что до войны они являлись студентами МИС, или это подтвердили их товарищи, учившиеся вместе. Но у меня такой «номер», безусловно, не прошел бы по двум причинам.

Во-первых, я вообще не мог приехать из Донбасса в Москву, не имея из столицы солидного вызова, так как, проходя окончательную фильтрацию после немецкого плена, находился на положении полузаключенного, которому разрешалось отлучаться от дома на расстояние не более 10 км и который не имел права отсутствовать на работе хотя бы несколько суток без уважительных – для начальства – причин. При самовольном отъезде в Москву мне грозило длительное тюремное заключение. Кроме того, в то время для любых дальних поездок всем взрослым людям полагалось иметь с собой паспорт или заменяющее его удостоверение личности, а их у меня не было. Помимо сказанного, я не имел достаточно денег, чтобы съездить в Москву. Однако, получив моё заявление с зачетной книжкой, руководство Московского института стали (в его составе находился декан технологического факультета, куда я хотел быть зачисленным, будущий ректор института доктор технических наук П. И. Полухин) не стало придирается к тому, что я был в плену в Германии. За трое суток до моего дня рождения 18 июля я получил вызов для приезда на учебу.

Этому вызову заведующий шахтой в Донбассе, где я тогда принудительно работал, не смог противостоять никакими уловками. После четырех визитов лично к нему, а также двух – к его непосредственному начальнику, начальнику треста, и двух – к районному прокурору, он вынужден был уволить меня с работы, выдав положенные мне 800 с лишним рублей. На шахте мне выписали и временное удостоверение личности. Таким образом, руководство Московского института стали, возможно, спасло меня от гибели в этой шахте, где работа проходила в очень тяжелых условиях и где очень плохо обстояло дело с техникой безопасности и охраной труда.

Осенью 1941 года положение на фронтах резко ухудшилось, особенно под Москвой. 7 октября свыше семисот тысяч наших воинов – пять армий, включая большое количество ополченцев, попали двух местах под Вязьмой в во вражеское окружение, многие там погибли. И с этого дня фактически перед Москвой уже не осталось крупных боеспособных воинских частей. Кончились и резервы оружия (даже винтовок), техники и боеприпасов. Требовалось срочно организовать новые войсковые соединения, чтобы остановить

рвавшихся в столицу немцев, пока из Сибири и Дальнего Востока не подспеют хорошо обученные и сильные во всех отношениях войска. Но в те дни, мы, обычные люди, занятые своей будничной работой и учёбой, конечно, не знали, что творится в верхах. Подробных сообщений по радио и в газетах о фактическом положении дел на фронте, по существу, не было. Из кратких оперативных сводок нельзя было представить всего, что тогда происходило. О катастрофах и положении на фронте ходили разные слухи, которые нередко оказывались достоверными.

11 октября было объявлено, что командовать Западным фронтом (под Москвой) будет Г. К. Жуков. До 12–14 октября Москва выглядела спокойной. Но с 15 октября началась массовая эвакуация на восток многих крупных предприятий (в том числе частично и Станкозавода им. Серго Орджоникидзе), организаций и вузов, а также отдельных семей и граждан. Правительство эвакуировалось в Куйбышев (ныне г. Самара). Но И. В. Сталин оставался в Москве. 15–17 октября у многих магазинов, особенно продуктовых, собирались огромные толпы людей, стремившихся запастись на долгое время необходимыми вещами и продуктами.

Утром 15 октября, придя в институт, мы узнали, что занятия отменяются, так как получен приказ – срочно эвакуироваться в Сибирь, в город Сталинск (ныне Новокузнецк). Всем предложили поздно вечером или завтра утром вернуться в институт с необходимыми вещами и с продуктами и ждать соответствующих указаний.

Я же не раздумывая решил, что из Москвы не уеду. И не только потому, что у меня не было денег для дальнего путешествия в Сибирь и проживания там. Мне казалось, что лучше умереть за этот город, чем бросить его. Ведь я так стремился сюда попасть и так к нему привык! Конечно, это было чисто эмоциональное решение. Практически это означало, что я должен сейчас же записаться добровольно в армию, чтобы защитить столицу от врага. При этом в голову не приходило, что в боях за Москву можно очень быстро и бесславно погибнуть. Мне казалось очень романтичным и интересным побывать на войне.

Я сразу сказал о своем решении не уезжать из Москвы близкому другу – Жене Майонову. Тот без всяких колебаний и сомнений поддержал меня, предложив сразу же отправиться в военкомат Ленинского района, чтобы записаться в ряды защитников столицы. Но делать это нам не пришлось: в институте на доске объявлений мы увидели написанное крупными буквами сообщение о наборе из членов ВКП(б) и комсомольцев добровольцев в Коммунистическую дивизию для защиты города. Желающим записаться в это воинское соединение предлагалось обратиться в партком института. Но рядом находился и список мужчин – сотрудников института, студентов и аспирантов, которые должны были явиться в партком, т. е. их обязывали записаться в Коммунистическую дивизию.

...Тогда во всех 25 районах Москвы было создано по Коммунистическому батальону. К концу октября из таких батальонов, а также рот (были и такие подразделения), сформировали Третью Московскую коммунистическую дивизию в составе 11,5 тысяч человек. Фактически все эти батальоны представляли собой обычные рабочие батальоны, а Коммунистические дивизии – дивизии народного ополчения, которые в те дни уже сражались на фронте. Через две-три недели крупных специалистов – инженеров и ученых – из «коммунистических» формирований отозвали, а других добровольцев вроде нас – молодых студентов и рабочих, – «рассовали» по другим воинским частям, главным образом по запасным, поскольку большинство тех бойцов были, как правило, необученными. Кроме того, в Москву стали прибывать свежие кадровые войска из Сибири и Дальнего Востока.

Итак, мы с Женей побежали в партком и заявили о своем намерении. Без всяких вопросов нам обоим выдали заготовленный заранее бланк-направление (проставив в нем от руки наши фамилии и инициалы) в Райком ВКП(б) Ленинского района, где и происходило оформление Коммунистического батальона. Вместе с нами изъявили желание пойти

добровольцами еще несколько человек. С нами оказался молоденький и маленький ростом второкурсник Аркаша Писарев (он погиб на войне), Лёва Утевский, бывший наш политрук на трудовом фронте и... проваливший меня на экзаменах по металлургическим печам доцент А. И. Ващенко (по-видимому, его, как члена партии, обязали). После нас пришли в райком Вася Голиков и Саша Волков, а также второкурсник Боря (Борис Николаевич) Старшинов⁴.

Мы поднялись на второй этаж здания и зашли в «предбанник» приёмной первого секретаря райкома, где нас встретили служащие райвоенкомата. У нас отобрали паспорта и вместо них выдали удостоверения, где было написано, что их предъявители являются бойцами Коммунистической дивизии. И с этими удостоверениями и самыми необходимыми личными вещами нам предложили сегодня же вечером явиться в здание Московского горного института, где временно располагался формирующийся Коммунистический батальон Ленинского района. Перед уходом из здания нас постригли наголо.

Я хотел захватить с собой демисезонное пальто, перешитое из отцовского. Но в коридоре увидел Володю Иванова, не имевшего никакого пальто, а ему предстояла эвакуация в Сибирь. Я предложил ему взять эту дорожную для меня как память об отце, одежду. Позже он не раз благодарил меня за это.

Своему соседу Ивану Митрофанову я отдал продовольственную карточку, полученную в институте, оставив себе такую же карточку, выданную на заводе. Иван поблагодарил меня, но я чувствовал, что он не одобряет моё скоропалительное решение об уходе в армию. Мы тепло попрощались, надеясь встретиться вновь. Так и случилось: мы встретились в декабре 1948 года на Сталинградском металлургическом заводе «Красный Октябрь», где он работал начальником смены на прокатном стане 325 и куда я прибыл на преддипломную практику.

Когда я уходил на фронт, мне было немного обидно, что я не мог называть себя солдатом, как в старину, так как в Красной армии это название воина после октября 1917 года посчитали «пережитком старого» и, по существу, отменили. Оно стало снова широко применяться лишь с введением в Красной армии с 6 января 1943 года погон. Такое же положение было со словом «офицер», которое тоже восстановили одновременно с возвращением погон. Вот почему я называю всех рядовых военнослужащих не солдатами, а бойцами или красноармейцами, а представителей младшего и старшего командного состава не офицерами, а просто командирами – взвода, роты, батальона, батареи или полка.

Глава IV

Было примерно 19 часов, когда я предъявил на входе в Московский горный институт дежурным, вооруженным револьверами, своё удостоверение добровольца и вошёл в хорошо знакомое мне здание, где часто бывал на лабораторных занятиях по сопротивлению материалов. На третьем этаже я нашёл небольшую аудиторию, отведенную для моего отделения. Все столы и парты были вынесены из неё в коридор, а из мебели находились лишь стулья. На полу вдоль стен лежали вещевые сумки и рюкзаки бойцов, пришедших раньше меня. Одни бойцы сидели на стульях, а другие лежали в одежде на полу, застеленном газетой или бумагой.

Лицо одного бойца, сидевшего в одиночестве в углу аудитории, показалось мне очень знакомым. Я не мог и вообразить, что встречу здесь близкого человека. Им оказался Миша (Михаил Прохорович) Волков – мой земляк и бывший одноклассник по Батыревской сред-

⁴ После войны Б. Н. Старшинов возвратился в Институт стали и окончил его в 1949 году. Затем он закончил там же аспирантуру и, став кандидатом технических наук по специальности доменщика, многие годы проработал в Украинском научно-исследовательском институте металлов в Харькове.

ней школе, а теперь студент IV курса МГИ. Мы бросились друг к другу и едва не плакали от радости. Получилось так, что Миша, как и я, не захотел эвакуироваться со своим институтом. Он знал, что на новом – очень далеком от родины месте – его родители не смогли бы из-за войны оказать ему финансовую поддержку, да ему и неловко было отнимать у них последнее. Похожие соображения были и у меня.

...Раньше меня в аудиторию пришел одетый в теплую зеленую армейскую куртку рослый, солидный юноша Иван Георгиевич Борзунов из Московского текстильного института. Я здесь немного скажу о послевоенной судьбе этого товарища. В начале 70-х годов я готовил к защите диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. В ней рассматривал процесс производства и эффективность применения новых видов кардной проволоки, используемой для изготовления игл для щеток, которыми на соответствующих машинах расчесывают шерсть, хлопчатобумажные, пластмассовые и другие волокнистые материалы. Мне тогда понадобилась консультация специалистов Московского текстильного института. Я приехал туда, не зная, к кому обратиться. И вдруг на Почетной доске среди фотографий участников Великой Отечественной войны я увидел знакомое, но несколько постаревшее лицо. Это и был мой однополчанин, ставший профессором, доктором технических наук и проректором текстильного института, – И. Г. Борзунов. Естественно, я устремился в кабинет Ивана Георгиевича, и он сразу узнал меня, хотя со времени нашей последней встречи прошло 30 лет. Конечно, в институте мне оказали необходимую помощь, за что я очень благодарен своему бывшему однополчанину.

...В нашем отделении оказались 12 человек вместе с командиром. Утром 16 октября мы встали очень рано по команде и вскоре направились через Шаболовку к одному из многоэтажных домов на Хавской улице (возле Шуховской башни), чтобы получить там из подвального склада винтовки, патроны и гранаты. Винтовок на всех бойцов не хватало. Нашему отделению достались пять винтовок, из них две – отечественные, конструкции С. И. Мосина (90-х годов XIX века), а три – польские. На всех винтовках имелись штыки, причем польский штык можно было носить в ножнах на ремне. Патронов к польским винтовкам было очень мало, из-за чего они не пригодны были для серьезного боя. Гранат получили тоже пять штук, и они оказались только наступательными (не «лимонками»).

Мы с Женей Майоновым попросили разрешение у командира носить штыки польских винтовок с собой, как личное оружие, и получили на это согласие. Для этого мы сняли с винтовок штыки, а со своих брюк – кожаные ремни с пряжкой (у меня этот ремень был совсем узким), надели чехлы со штыком на ремни и повязали их сверху над пальто. И нам обоим стало очень приятно ходить гордо в таком виде. (Какое же всё-таки было у нас детство в голове!)

Затем наша «вооруженная» колонна под мокрым снегом и морозящим дождем направилась к складу на Донской улице, чтобы получить на каждого бойца форменные одежду и обувь. Оказалось, что мы сильно опоздали: в предыдущие дни здесь уже побывали другие воинские подразделения. Кроме того, кладовщики заявили нам, что коммунистические батальоны и роты – это полугражданские подразделения, и с военной одеждой и обувью они могут подождать. В результате нам выдали только гимнастерки и брюки полугалифе из темно-серой хлопчатобумажной материи, сшитые для учащихся ремесленных и профессионально-технических училищ, а также ботинки с серыми обмотками и портянки. Было жаль, что на складе не оказалось ни шинелей, ни теплых головных уборов.

...Рано утром 17 октября в туалетной комнате я услышал разговор двух бойцов, утверждавших, что вчерашний день в Москве был ужасным: во многих районах население грабило магазины и станции метро в районе Сокола были закрыты, поскольку около Химок в ночь с 15 на 16 октября появилась группа немецких мотоциклистов.

17 октября после завтрака «сухим пайком» весь Коммунистический батальон отправился на территорию ЦПКиО им. Горького на учебные занятия. Нас учили хождению строем, правильной отдаче чести командирам путем прикладывания вытянутой ладони правой руки к головному убору. Много времени мы потратили и на изучение приёмов штыкового боя.

В казарме мы занялись изучением винтовок, особенно польских, разбирая их на отдельные части и собирая вновь. Изучали также гранаты и положения воинских уставов, послушали сообщения и наставления политрука роты.

В ту ночь произошёл налёт немецких самолетов, но на это наши командиры совершенно не прореагировали. В 2 часа 30 минут ночи, во время самого сладкого сна, нас разбудили громкими криками: «Подъём! Всем одеться и построиться с вещами и оружием на улице!» Мы быстро выполнили команду.

Наше движение по московским улицам при непрерывном мокром снегопаде длилось более четырех часов. На рассвете 18 октября колонна прибыла в район Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. Здесь каждому подразделению определили отдельную «резиденцию» в зданиях академии. Нашей роте достался пятиэтажный дом № 6 – учебный корпус на улице академика Д. Н. Прянишникова.

Наступило 19 октября. По радио объявили, что Государственный комитет обороны вводит в Москве с завтрашнего дня осадное положение. Но для нас это пока ничего не значило. Всё светлое время, кроме часов, потраченных в столовой на завтрак, обед и частично на ужин, мы провели в парке Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, занимаясь военными учениями. Часто учеба сочеталась с длительными перекурами и хождением возле большого садового пруда, разговорами на вольные темы, воспоминаниями о довоенной хорошей жизни.

Утром 20 октября после завтрака всем бойцам выдали противогазы в зеленой – защитного цвета – брезентовой сумке, которую полагалось носить слева через правое плечо. Обедать и ужинать нам в этот день в столовой академии больше не пришлось. После завтрака весь Первый Коммунистический полк, в составе которого мы находились, отправился пешком на отведенный ему участок обороны, расположенный по Ленинградскому шоссе. Мы «промаршировали» на запад до Химкинского водохранилища. Ленинградское шоссе на отдельных местах гражданские лица, в основном старики и женщины, начали перекрывать противотанковыми «ежами», изготовлявшимися из трех отрезков стальных балок и рельсов, а также мешками с песком.

Ближайший к Москве город Калинин (Тверь) был занят немцами, и они вот-вот могли захватить другие железнодорожные станции, находящиеся недалеко от столицы. Конечными пунктами для электропоездов с Ленинградского вокзала Москвы были в основном платформы Левобережная, а иногда – станция Крюково.

Нашему взводу определили для размещения в посёлке Бевобережная одноэтажный деревянный барак – бывшее общежитие. Он располагался недалеко от канала «Москва – Волга» и на расстоянии не более 300 метров от старого, без металлических ферм, железобетонного железнодорожного моста (действующего еще и поныне). Тогда мне не могло и в голову прийти, что уже через сутки я буду его охранять с винтовкой.

Командиры объявили, что бараки-казармы будут для нас базой, откуда нас будут направлять на определенные посты и оборонительные позиции.

Вечером раздались сигналы воздушной тревоги. Пришлось выбежать из барака и прислониться к стенам и стволам больших деревьев. Зенитки, расположенные в соседнем лесу и около него, а также в Химках, начали с оглушительным шумом стрелять в небо, где пересекались друг с другом лучи прожекторов, засекавшие вражеские самолеты. Со стороны Москвы слышались глухие взрывы и над небом появились зарева пожаров.

На следующий день, 21 октября, разбудив нас еще засветло, наши командиры, несмотря на прохладную погоду, заставили нас заняться физической зарядкой. После завтрака мы занялись привычными упражнениями с винтовкой и бутылками с зажигательной смесью, бросанием гранаты (без запала) и приёмами борьбы. Кто-то попросил командира взвода показать, как взрывается граната. К нашему удивлению, он, попросив нас отойти на безопасное расстояние и укрыться, кинул гранату в воду канала «Москва – Волга». Многие из нас впервые увидели взрыв. При этом из воды вылетело большое количество рыбы. Несколько рыб выбросило на берег, и мы их подобрали. Было жаль, что у нас не было лодки, чтобы подобрать из воды остальную оглушенную рыбу. К вечеру начальство собрало всех бойцов двух взводов перед нашим баракком, и ротный командир вкратце рассказал, чем мы будем заниматься.

Для нашей роты основным объектом охраны стал Химкинский железнодорожный мост через канал «Москва – Волга». Его охраняли бойцы рабочего батальона, который мы должны были сменить.

Командир роты распорядился так, что на оборонительных позициях перед Химками и на пунктах охраны железнодорожного моста и других объектов, близких к Левобережной, взводы будут нести службу по трое-четверо суток. В дневное и вечернее время, свободное от непосредственного пребывания на посту, бойцы могут ненадолго возвращаться в Левобережную, чтобы зайти там в столовую и отдохнуть в бараке. Но в любое время надо быть готовым к бою.

Глава V

Утром 22 октября 8 бойцов нашего отделения, включая меня, отправили на охрану Химкинского железнодорожного моста. На правом плече я нес французскую винтовку со штыком, а на другом – сумку с противогазом, а на пояском кожаном ремне поверх пальто – патронташ с патронами и небольшую сумку с гранатой. На остальных 7 бойцов приходилось: три отечественные и одна французская винтовки. Нашу группу сопровождали заместитель командира роты и командир отделения – начальник караула.

С каждой стороны моста у основания железнодорожной насыпи, почти рядом с водой канала «Москва – Волга» были вырыты землянки. Это давало нам возможность легко набирать воду. На землянках сверху был устроен накат из бревен, покрытый слоем земли, что создавало надежную защиту при бомбежках и артиллерийских обстрелах. Внутри землянки имелись скамейки. Вход в неё был с одного торца, причем двери не делали, чтобы обеспечить освещенность. Недалеко от землянки располагался примитивный выгребной туалет. На обеих сторонах моста стояла будка с телефоном для вызова начальника караула, и в ней можно было укрыться от дождя.

Пост мой оказался со стороны Химок, а моим напарником назначили доцента А. И. Ващенко. Мы очень неудобно чувствовали себя друг перед другом: я из-за того, что в июне я провалился у Александра Ивановича на экзамене по металлургическим печам, а он – возможно, из-за того, что тогда поставил мне двойку, не сделав бедному студенту скидку в связи с началом войны.

Кроме того, А. И. Ващенко не знал, как ко мне обращаться, так как по сравнению с ним я был очень молод и одновременно находился в одинаковом с ним положении рядового бойца. Никаких разговоров на неслужебные темы мы с ним не вели и в основном молчали. Через пару суток (после 22 октября) моя совместная служба с Александром Ивановичем закончилась: его, как крупного специалиста, отозвали из армии в соответствии с вышедшим правительственным указом...

На смену Александру Ивановичу мне дали в напарники моего одноклассника и бывшего студента МГИ Мишу Волкова. Обоих нас это очень обрадовало, и более часа мы вспоминали, пользуясь родным нам языком, своё детство, друзей, учёбу в школе и преподавателей. Однажды во время нашего дежурства из-за туч внезапно появилось несколько немецких бомбардировщиков-штурмовиков. В первую очередь объектом их нападения стал автомобильный мост через канал «Москва – Волга», а затем и наш – железнодорожный. К счастью, в наш мост угодила только одна бомба, не причинившая сильных повреждений. А еще две бомбы упали в канал, подняв огромные столбы воды вместе с массой рыб, которых потом долго подбирал с лодки старый химкинский рыбак. Мы с Мишей находились тогда за сторожевой будкой, и осколки нас не задели.

Когда вражеские самолеты, отбомбившись, разворачивались, мы с Мишей, не сговариваясь, как бы инстинктивно, впервые за время нашей воинской службы стреляли из винтовок по реальной цели. Миша успел выстрелить по самолетам дважды, а я лишь один раз, так как при второй попытке моя старая французская винтовка дала осечку. В это время по обоим берегам канала интенсивно заработали зенитные пушки и пулеметы, и самолеты быстро удалились.

Вскоре появились наши командиры. Они не одобрили, что мы стреляли по самолетам, напомнив о необходимости экономить патроны. Вскоре железнодорожники и строительные рабочие устранили возникшие на мосту повреждения.

Ночью 26 октября, примерно в два часа, когда, как обычно, прошел очередной воинский поезд, мы немного расслабились. Но вдруг мы услышали шуршание гравия, насыпанного между деревянными шпалами железнодорожной колеи. Нам подумалось, что это, как и вчера, начальство решило проверить нашу бдительность. На фоне довольно светлого неба выделились две фигуры. Они двигались прямо к мосту. Я заорал: «Стой! Кто идет? Пароль?» В ответ послышалось: «Свои, свои... железнодорожники. Идём домой». Они продолжали двигаться не останавливаясь. Тогда я снова громко крикнул: «Стой, стрелять буду!» Но и это не возымело действия. Пришлось выстрелить из винтовки вверх, и то же самое сделал Миша. Почти сразу мы оба легли между рельсами и быстро переползли на правую сторону моста, укрывшись за широкой железобетонной фермой. Это нас спасло. Громко выругавшись матом (я заметил нерусский акцент), нарушители открыли огонь в сторону будки. Но там нас уже не было. Поскольку нарушителей нам уже не было видно, я решил бросить в их сторону гранату. (Это случилось у меня в первый и последний раз в своей жизни.) Раздался оглушительный грохот, и на нас с Мишей посыпались комья земли и гравий, слава Богу – не осколки от гранаты. Потом всё затихло, но на месте взрыва послышался слабый стон. Тогда я закричал: «Ребята, помогите!» К нам прибежали сменщики и вскоре появились начальник караула и другие командиры. Мы вкратце рассказали, что произошло.

Когда рассвело, мы увидели, что недалеко от моста граната образовала небольшую воронку между колеями железнодорожного пути, а на стенках будки обнаружили сквозные отверстия от пуль стрелявших в нас людей. Стало ясно, что мы с Мишей действительно подверглись вооруженному нападению. Возле воронки и дальше справа от неё на земле виднелись капли крови и следы чьих-то ног. Это означало, что один из нападавших ранен и что они вернулись назад, спустились с насыпи и направились в Химки.

Начальство признало наши с Мишей действия правильными и похвалило нас за «проявленные бдительность и решительность при несении службы». А 29 октября от местных жителей мы услышали, что пару дней назад возле Химок бойцы истребительного батальона задержали двух подозрительных мужчин в форме железнодорожников, один из которых имел легкое ранение в руку.

Вскоре нас перевели на северо-западную окраину Химок. Там мы заняли окопы, блиндажи и траншеи, устроенные перпендикулярно к Ленинградскому шоссе, слева и справа

от него, а также пост у автомобильного переезда через железную дорогу. Для нас же предназначались и два ДЗОТа, находившиеся слева от шоссе. Все эти объекты были построены москвичами, которые теперь работали километрах в трех-четыре от наших позиций, прокладывая длинный противотанковый ров параллельно левому берегу реки Сходня. (На этом месте теперь расположено Химкинское кладбище.) Такой же ров москвичи заканчивали копать справа от железной дороги и Ленинградского шоссе. Слева и справа от Ленинградского шоссе были установлены три ряда противотанковых «ежей».

Теперь как раз на месте моего окопа, в 23-х километрах от центра Москвы, стоит сооруженный в конце 70-х годов большой памятник в виде трех гигантских железобетонных противотанковых «ежей» и гранитного постамента, на котором выгравировано: «Защитникам Москвы».

В тот период на нашем участке фронта немцы сосредотачивали силы, готовясь к решающему удару для захвата Москвы. Предвидя их стремительные танковые марши, наше командование доставило на грузовой автомашине партию бутылок с зажигательной смесью: ими мы должны были задержать продвижение танков. Всем пришлось срочно осваивать этот новый для нас вид оружия. Бойцам приказали открывать огонь из винтовок по немецким самолетам-штурмовикам и истребителям, если они полетят на доступной для пуль высоте. В нашу задачу входило также оказание помощи водителям, чьи автомашины застревали на дорогах и даже на Ленинградском шоссе, на котором повсеместно образовались глубокие выбоины вследствие резкого увеличения интенсивности движения, попадания вражеских бомб и других причин.

Вражеская авиация не прекращала налеты на Москву. Сигналы воздушной тревоги, объявляемой в столице, были слышны и у нас. 27 октября мне с ребятами пришлось второй раз в жизни открывать огонь из винтовки по немецким самолетам и особенно много пострелять в следующие сутки, когда в Москве объявляли тревогу 4 раза днем и 2 раза ночью. 28 октября мы видели, как почти над нами загорелся летевший на небольшой высоте вражеский самолет. Он упал в нескольких километрах от нас и взорвался. Нашей радости не было предела. Но эта радость омрачилась тем, что в тот же день на Ленинградском шоссе мы увидели нескольких убитых и много раненных бойцов и гражданских лиц, пострадавших от бомб и пулеметного огня немецких штурмовиков и истребителей. При авианалётах было разбито несколько автомашин. Нам пришлось разгружать их, складывая грузы на землю, и сталкивать в кювет покалеченные автомобили.

На дороге между деревнями Новая Лужа и Новодмитровка мы вытаскивали застрявшие грузовики с боеприпасами и продуктами питания. Мы бросали под колеса машин доски и ветки деревьев, тратили очень много сил, толкая машины сзади.

В тот же день командование получило приказ срочно снять с позиций часть бойцов нашего подразделения – бывших студентов вузов и техникумов – и утром же отправить их на новые места службы, где требовалось знание технических дисциплин. Меня командировали в г. Горький. До отхода поезда оставалось около трех часов, и я с Мишей Волковым и Женей Майоновым решили пройтись по Москве.

На улице Горького нас особенно потрясло, что там были построены баррикады, установлены проволочные заграждения и противотанковые «ежи». На центральных улицах витринные окна были закрыты мешками с песком и землей.

...До наступления темноты наш поезд более часа простоял за станцией Петушки. Там на запасном пути стоял большой товарный эшелон, а на двух последних платформах, нагруженных станками, накрытыми брезентом, я неожиданно увидел Диму Кузнецова и Федю Гафурова – моих знакомых по учебе в МИСИ и по работе на Станкозаводе имени Орджоникидзе. Мы удивились и обрадовались нашей встрече. Они сказали, что почти весь завод эвакуируется куда-то на Урал, и им поручено сопровождать и охранять оборудова-

ние. Утром 30 октября где-то за Дзержинском наш поезд остановился рядом с составом, на котором эвакуировались студенты и сотрудники нашего института, и я сумел перекинуться несколькими словами с моими близкими друзьями – Колей Золотухиным, Ваней Митрофановым, Пашей Галкиным и другими ребятами и девушками. Ребята рассказали, что им пришлось долго добираться пешком с тяжелыми вещами до места посадки, а теперь у них трудности с обеспечением продуктами. Мы расстались, пообещав переписываться.

Глава VI

30 октября 1941 года хмурым утром мы прибыли в город Горький (ныне Нижний Новгород). После обеда в военном городке принявшее нас начальство заявило, что пока еще не решено, в какую воинскую часть нас направят, и поэтому часа два мы можем погулять по городу.

На одной из улиц я и Женя Майонов зашли в небольшой продовольственный магазин. Его полки были заставлены бутылками «Советского шампанского». Женя сказал, что хорошо бы попробовать это вино. Но денег у нас явно не хватало. Тогда мне пришла идея: пойти в комиссионный магазин и «загнать» мое зимнее пальто и кепку. Всё равно вместо них выдадут солдатскую форму. За вещи мы получили только 30 рублей, ровно столько, сколько стоила бутылка шампанского, которую мы распили прямо в магазине через горлышко и даже не захмелели.

В казарме нам объявили, что всех прибывших из Москвы направляют на службу в 90-й запасной зенитный артиллерийский полк, дислоцирующийся на главном стадионе «Торпедо». Мы прибыли на стадион, когда уже стемнело.

Все бывшие студенты МИС, а также Миша Волков и Ваня Борзунов? оказались в одном отделении. Лишь командир отделения – сержант, уже побывавший на фронте и излечившийся после ранения, был не из наших.

Утром после зачисления в состав полка нас повели на завтрак, который, как и вчерашний ужин, был далеко не сытным, а потом – в городскую баню на улице Октябрьской революции, что рядом со стадионом. Мы сдали имевшееся на нас нательное бельё, включая майку-безрукавку и трусы, и получили белые хлопчато-бумажные рубашку и кальсоны, ношенные, но хорошо отстиранные. Нам выдали весь комплект военного обмундирования. В него входили уже ношенные и стиранные гимнастерка с отложным воротником, на обоих концах которого имелись петлицы, брюки-полугалифе с узким ремнем, старая серая солдатская шинель, широкий брезентовый ремень, форменная шапка-ушанка, рукавицы, портянки, зеленые обмотки и ботинки. Нам выдали также новую зеленую брезентовую сумку.

Студенческий и комсомольский билеты, зачетную книжку и свидетельство о рождении вместе с ней я переложил в правый нагрудный карман гимнастерки, а небольшой немецко-русский словарь – в левый. Эти документы и словарь я хранил таким же образом и на фронте. Оба кармана сильно топорщились и с трудом закрывались металлической пуговицей. На всех пуговицах была отштампована пятиконечная звезда. Выйдя из бани в форменной одежде, мы наконец почувствовали себя настоящими военными.

На стадионе мы пообедали, съев жиденький борщ без мяса и второе блюдо из картошки с каспийской рыбой и выпив несладкий компот из яблок. Попросили добавки, но ее не дали.

После обеда нас перевели в другую казарму с такими же двухэтажными нарами, как и те, на которых мы ночевали в первые сутки. Я расположился рядом с Женей Майоновым и Мишей Волковым на верхних нарах. На каждом месте лежали матрац, грубые простыни, твердая подушка с темной наволочкой и тонкое одеяло, но в другом не было необходимости, так как казарма имела хорошее паровое отопление. Шапки и шарфы полагалось оставлять на вешалке возле двери, а обувь на ночь ставить на полу перед нарами с торца.

Особая вешалка предназначалась для сумок с противогазами. Возле двери находилась особая длинная деревянная стойка, где хранились винтовки и карабины (т. е. винтовки с укороченным стволом).

Наш 90-й запасной зенитный артиллерийский полк являлся в основном учебным, где в течение полутора – двух с половиной месяцев готовили артиллеристов-зенитчиков. Их отправляли главным образом на фронт, а частично на защиту важных тыловых объектов. В городе, его окрестностях и на крупных предприятиях полк имел отдельные зенитные подразделения для защиты их от авианалетов противника.

Практическая учеба проходила на поле стадиона, а теоретическая (изучение уставов и различных правил) и политическая – в помещении, в основном – в красном уголке, в котором имелись газеты, журналы и радиорепродуктор.

Все передвижение по территории стадиона, включая посещение столовой, рядовые бойцы совершали только строем во главе с командиром, как правило, сержантом или ефрейтором. В одиночку бегали лишь в туалет.

Рядовых бойцов в город выпускали крайне редко, да и то главным образом строем и в основном для мытья в бане и выполнения каких-либо работ. Однажды старшина дивизиона поручил мне купить ему в «Гастрономе» полкило сливочного масла без продовольственной карточки по коммерческой цене, что я с удовольствием сделал, так как немного побыл на свободе и посмотрел город.

Естественно, во время движения строем нас заставляли петь маршевые песни, как прошлых лет (например, «По долинам и по взгорьям...», «Три танкиста», «Полюшко-поле»), так и сочиненные в последние месяцы. На мотив песни «Красная Армия всех сильнее» придумали слова «Армия Гитлера – черный злодей» и припев «С тобою, Сталин, мы побеждали и победим опять с тобой». Запевала громко исполнял один куплет, а остальные бойцы хором пели припев. В нашем взводе командир посчитал, что запевалой могу быть я, и я не без удовольствия выполнял эту обязанность, хотя не являлся хорошим музыкантом. При движении строем командир, шедший в стороне, задавал нам ритм, выкрикивая: «Левой, левой!»

Нас поднимали в 6 часов утра и заставляли в легкой одежде делать на поле стадиона зарядку, после чего мы умывались, завтракали в столовой, дождавшись своей очереди, и, наконец, возвращались в казарму, занимались в помещении или на воле, обедали и снова учились; между 19 и 20 часами вечера ужинали, далее – отдыхали: читали газеты и журналы или слушали радио в красном уголке, устраивали «постирушки», брились, писали письма, пришивали чистый подворотничок к гимнастерке. После вечерней проверки в 23 часа ложились спать. Каждому приходилось нести караульную службу и стоять на часах, бывать дежурным или дневальным в казарме. Требовалось также исполнять различные наряды, т. е. физические работы, в частности, мыть пол в казарме, убирать помещение, места общего пользования и территорию вокруг казармы. Наряды давали и за какую-нибудь провинность.

Ефрейтор Метёлкин, почему-то сразу невзлюбивший меня и Женю Майонова, заставил нас почистить загаженные стены туалета, вымыть там пол и сидения. Однажды он придрался к качеству вымытого нами пола, проверив его чистоту при помощи своего носового платка, после чего вынудил несколько раз повторить эту работу. Когда при вечерних проверках Метёлкин только собирался назвать фамилии назначаемых в наряд, мы с Женей уже заранее поднимали левую ногу, чтобы выйти из строя, полагая, что вызовут именно нас. Этот ефрейтор погиб в апреле 1942 года от ранения в голову при обстреле нашего эшелона.

Наилучшим нарядом считалось дежурство на кухне и в столовой. Дежурные таскали воду, чистили овощи, выносили в зале столовой баки с едой и чистую посуду, протирали столы, убирали грязную посуду, убирали помещение. Но, главное, во время дежурства можно было плотно поесть, так как положенного питания явно не хватало. По первой категории кормили только фронтовиков. Нам часто доставалась крупная каспийская и волжская

рыба разных видов, включая даже осетров. Её иногда давали и на первое и на второе, так что скоро она нам надоела.

Хлеба – и только черного – полагалось по 600 грамм в сутки, а иногда и меньше. Совсем мало мы получали сахара, жиров и мяса, а молока, творога, сыра, яиц, свиного сала или колбасы вообще не видели. Ели пустые капустные щи, борщи, супы с крупами, картошкой и морковью. На гарнир шло полужидкое картофельное пюре, на второе – пшенная и перловая каши, и очень редко – гречневая и рисовая. Затем подавали слегка подслащенный чай, или компот из сухих фруктов, или клюквенный кисель. Яблоко, других фруктов и овощей не было и в помине.

Бойцы приходили в столовую со своими ложками, вилок и чайных ложек не было, как и ножей.

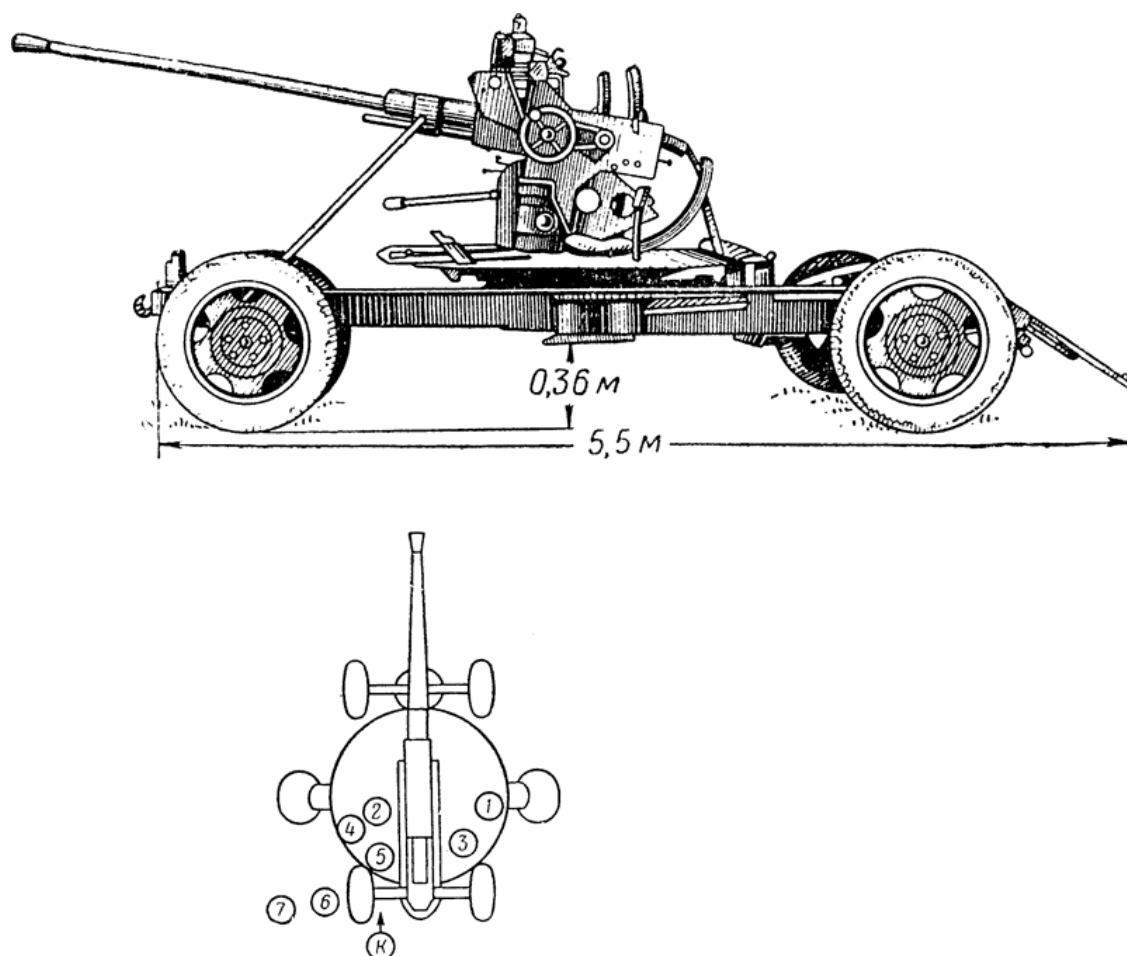
Однажды мы с Женей Майоновым прихватили со склада большую рыбину, надеясь продать или обменять ее при походе в баню. Мы спрятали ее за нарами, но когда мы ушли завтракать, дежурившие в казарме командир отделения – шустрый старший сержант Василий Алексеев и его напарник – рядовой боец (оба мои земляки и соплеменники) обнаружили нашу рыбину. Позднее Алексеев спросил перед строем, чья эта рыба. Мы с Женей испугались и не решились признаться. Земляки забрали её себе. Лишь через несколько дней я разговорился с Алексеевым на родном языке. Алексеев очень сожалел, что я раньше не дал ему знать, что мы земляки и соплеменники, – в этом случае «всё было бы в порядке». Забегая вперед, скажу, что на фронте мне довелось служить с Алексеевым в одной батарее. В полку оказалось много чувашей, и все они были отличными воинами.

У многих тогда в Горьком появились большие проблемы с курением: поскольку папирос нам не давали, пришлось «осваивать» махорку, свёртывая сигарки – самодельные сигареты, используя для этого газетную бумагу, которую тоже было трудно достать. Я научился делать из бумаги не только сигарету, но даже «козью ножку», напоминавшую курительную трубку. Плохо было и со спичками, поэтому мы часто просили прикуривать у соседа от его сигарки. Заядлые курильщики нередко выклянчивали у товарищей окурки, говоря: «Дай докурить!»

До середины декабря 1941 года мы основательнее, чем в Москве, овладели строевой подготовкой и хорошо изучили воинские уставы, включая устав несения караульной службы. Знание этого устава комиссар полка любил проверять лично. Так, однажды морозной ночью, когда я стоял с винтовкой у склада боеприпасов, к нему стали приближаться двое, один из них – хорошо знакомый мне комиссар. Но я всё же громко крикнул: «Стой! Кто идет?» И в ответ услышал: «Комиссар полка!» Однако по уставу этого было недостаточно, поэтому я предупредил: «Стой, стрелять буду!» и сразу вызвал по телефону начальника караула. Тот быстро «уладил» дело, а на следующий день комиссар полка перед строем выразил мне благодарность за «бдительное несение караульной службы».

Но всё же основной целью занятий в полку было изучение зенитных пушек и пулемета. При этом наиболее обстоятельно мы осваивали военно-учетную специальность № 13 – «Артиллеристы зенитной артиллерии малого калибра». Мы обучились обращению с автоматической зенитной пушкой (рис. 2а) образца 1939 года, имевшей калибр 37 (т. е. ствол с внутренним диаметром 37 мм), массу (вес) 2100 кг, длину (в походном положении) 5,5 м и высоту 4,2 м (в боевом положении при угле наклона ствола 85 градусов).

В подвижном варианте конструкции эта малокалиберная зенитная пушка размещалась на раме, под которой были предусмотрены 4 металлических колеса с пневматической резиновой шиной. Благодаря этому данное орудие легко транспортировалось грузовой автомашиной или другим средством, на которой размещался также боевой (огневой) расчет. Ствол, механизмы его подъема и опускания под углом, а также поворота по горизонтали и другие устройства пушки располагались на круглой платформе, вращаемой первым наводчиком.

Боевой расчет этой пушки (рис. 2б) у нас состоял из 8 человек (орудийных номеров): командира, двух наводчиков (первого и второго номеров), двух прицельных (третьего и четвертого номеров), заряжающего (пятого номера) и двух подносчиков снарядов (шестого и седьмого номеров). Первый и второй номера находились на пушке с двух краев её платформы. Каждый занимал свое «кресло», снабженное двумя штурвалами, вращаемыми вручную. Первый номер, вращая оба штурвала, делал наводку пушки по азимуту, а второй номер таким же образом обеспечивал наводку орудия по углу места цели. У обоих наводчиков имелся оптический прицел. Выстрелы можно было делать как одиночные, так и очередями – автоматически.

Третий, четвертый и пятый номера расчета пушки «работали» на ней стоя на платформе. При этом прицельный третий номер устанавливал высоту или дальность цели, скорость её движения, а четвертый номер – направление движения и угол пикировки (калибровки) цели.

Заряжающий принимал от подносчиков снаряды, вложенные в обойму, и закладывал её в приёмник ствола, откуда снаряд вылетал при выстреле. В приёмник устанавливали несколько обойм, благодаря чему обеспечивалась стрельба очередями с интервалом между выстрелами от 0,33 до 0,5 секунд.

На территории военного городка стрелять из пушки по-настоящему нам – новичкам – не давали. Нас предупредили, что во время стрельб и при взрывах следует широко раскрыть рот, чтобы от грохота не лопнули барабанные перепонки. В процессе учёбы я освоил обязанности всех номеров и особенно – второго и первого, но практически пришлось быть только вторым номером.

В полку нас обучили быстро и правильно выкапывать лопатами и ломami огневую позицию для пушки (а земля тогда была мерзлой), закатывать орудие на эту позицию и устанавливать его, а также выкатывать пушку с позиции. Научили быстро отчехлять и зачехлять ствол и другие части орудия, готовить его к бою, разбирать и собирать узлы и детали пушки, смазывать узлы орудия и чистить ствол после стрельбы.

Праздники 7 и 8 ноября 1941 года прошли в нашем полку буднично. Большую надежду на улучшение положения на фронтах вселила в нас весть, что 7 ноября на Красной площади в Москве состоялся военный парад и что при этом с трибуны Мавзолея В. И. Ленина выступил И. В. Сталин. Но в середине ноября немцы опять перешли в наступление под Москвой.

Скоро командование полка посчитало, что пополнение, поступившее более месяца назад, уже достаточно хорошо обучено. В хмурый морозный день 14 декабря 1941 года мы приняли воинскую присягу. Нас выстроили на поле стадиона в присутствии командира и комиссара полка и других начальников. Кратко выступил комиссар полка, попросив всех бойцов громко повторять вслед за ним слова присяги, которые он чётко и медленно произносил, читая по бумажке. Мы все с воодушевлением выговаривали хором эти высокопарные слова, однако некоторые бойцы не особенно старались. Каждый из нас расписался под текстом присяги. На следующий день нас сфотографировали и выдали каждому по экземпляру его фотографии размером 2,5×3 см. Отличительной чертой являлось то, что в них нас обозначили как добровольцев, поскольку так было записано в наших старых удостоверениях.

Утром 22 декабря нашу учебную батарею расформировали. Меня, Лёву Утевского, Аркашу Писарева, Борю Старшинова, Ваню Борзунова и еще нескольких москвичей перевели в боевую батарею, которую предназначали для защиты оборонного завода № 196, расположенного в районе Сормово. Мишу Волкова, с которым я не успел даже попрощаться, Женю Майонова и еще некоторых определили на учёбу на курсы химических инструкторов.

Перед тем как навсегда покинуть территорию стадиона, мы помылись в городской бане. Я взвесился, и оказалось, что мой вес всего 48 кг! Шея была такой тонкой, что в последнее время мне приходилось уменьшать длину воротника, делая по его середине складку. При ходьбе я быстро уставал, бегать было очень тяжело.

Глава VII

Нас впустили на территорию завода и привели на большой пустырь, где стояли две темно-зеленые брезентовые палатки, присыпанные по бокам толстым слоем грунта и снега.

Раздвинув брезент на входе в палатку, мы вошли в своё новое жилище и сразу обратили внимание на чугунную печку-«буржуйку», которую топил мелкими дровами и углем незнакомый боец. Освещалась палатка керосиновой лампой. На столике стоял большой бак с водой для питья.

Разместив вещи на нарах, мы отправились ужинать в большую столовую литейного цеха, где впервые за все время пребывания в Горьком сытно наелись. Послу ужина перед нами выступил старший лейтенант примерно 30 лет, представившийся Чернявским. Он заявил, что мы будем находиться под его командованием, а наша главная задача – защита данного завода от бомбежек. Однако нас могут отправить на фронт – как батарею в целом, так и отдельных бойцов.

Прежде всего нам предстояло установить два орудия возле палаток и два других – на крыше одного из цехов завода, а также подготовить казармы для размещения личного состава. Один огневой взвод вместе со взводом управления должен был находиться в бункере – большой землянке, которую предстояло обустроить, а другой – в помещении того цеха, над которым установим пушки.

После сообщения командира все отправились по палаткам. Командиры взводов объявили нам порядок и график дежурств, в частности, ночью у печки, чтобы не давать ей погаснуть. Несмотря на то, что снаружи стоял чуть ли не сорокоградусный мороз, а «толщина» палатки была ничтожной, в ней, к моему удивлению, было достаточно тепло. Этому способствовало то, что на краях палатки лежал грунт и снег, поэтому в нее не поддувало.

На следующий день основную часть бойцов направили рыть на пустыре большую землянку – длиной до 25 м, шириной до 8 м и глубиной не менее 4 м. В ней на двухэтажных нарах должны были размещаться около 30 человек. В течение двух дней мы долбили промерзшую землю ломами и кирками, потом копали обнаженную глинистую почву лопатами. Эта работа не прекращалась даже ночью при свете синих маскировочных лампочек.

Стены землянки обложили тонкими бревнами, обшили досками, наклеили на них газеты (вместо обоев), настелили дощатый пол и соорудили двухэтажные нары. Кровлю делали из толстых досок и бревен в три наката (на случай попадания бомбы). Потом провели электроосвещение, радио и телефонную связь, поставили «буржуйку».

В те дни всем бойцам и командирам выдали в дополнение к шинелям по теплой военной куртке защитного зеленого цвета, а некоторым – по ватной телогрейке и ватные брюки. Все получили теплые рукавицы. В огневых взводах имелось по несколько пар валенок для тех бойцов, которые стояли на посту в мороз, и четыре комплекта стальных касок для защиты от падающих с неба осколков.

Под наступавший Новый (1942-й) год немцы совершили налет на заводы в районе Сормова. Нашей батарее поступило предупреждение: «Тревога! Положение № 1!» Зенитчики моментально подготовились к бою. Но когда самолеты появились над Сормовом и пушки на соседних объектах открыли огонь, одно наше орудие заклинило: у него от мороза сильно загустела смазка на затворе. Кроме того, обнаружились дефекты на других узлах орудия. Самолеты, побросав бомбы куда попало, удалились без потерь. Но скоро мы начали стрелять по самолетам из четырех орудий. Налёты авиации происходили ночами и в безоблачную погоду.

Через некоторое время Леву Утевского и меня, как знакомых с конструкторским делом и умеющих хорошо чертить, передали в распоряжение артмастера – еврея Самуила Шостака. Так Лёва – тоже еврей и я заодно с ним оказались освобожденными от тяжелой физической работы и дежурств на пушке.

В «резиденции» Шостака было очень тепло, светло и уютно и можно было иногда попивать чаёк, отдохнуть, с кем-нибудь пообщаться в цехе. Для начала Шостак поручил нам начертить эскизы двух деталей пушки. Затем его куда-то вызвали. Примерно через час он вернулся, и мы представили ему готовые чертёжики. Наш «шеф» очень удивился и спросил: «Ребята, неужели вы думаете, что эти эскизы мне нужны сейчас же»? И далее вразумил нас: «Спешить некуда. Зачем вам мучиться на морозе?» Только после этого я понял, что Шостак просто-напросто спасает Лёву от тяжелых работ. Иногда мы действительно занимались вычерчиванием различных деталей и контролировали их изготовление токарями или фрезеровщиками – молоденькими «пэтэушниками», т. е. ребятами из профтехучилища.

Мы с Лёвой ходили к Шостаку несколько дней, пока наши батарейцы не закончили строительство землянки.

Среди наших бойцов выделялся очень интеллигентный пожилой сержант-ленинградец. Он обладал приятным голосом, хорошо пел маршевые песни и обычно бывал запевалой. Этот полюбившийся всем ленинградец глубоко переживал за свой родной город, оказавшийся во вражеской блокаде, за оставшихся там близких людей, следил за сообщениями по радио. Однажды я видел, как он плакал, рассказывая кому-то о своей жене, детях и престарелых родителях, предполагая, что они, наверное, умерли от голода. Это меня очень потрясло.

Встреча Нового (1942-го) года мне запомнилась тем, что нас накормили хорошим ужином, преподнесли всем по 100 граммов водки и вручили подарки, присланные гражданским населением. Мне достались пара теплых шерстяных носков и белый шерстяной свитер, а также кисет для махорки с трогательной запиской от какой-то девочки, которая, по видимому, сама и сшила этот кисет. Ночью я дежурил возле «буржуйки», поддерживая в ней огонь.

Примерно к 5 января 1942 года строительство землянки закончилось, и я надеялся, что вместе с другими военнослужащими переселюсь туда из палатки. Но судьба распорядилась иначе – нашу батарею расформировали. Начальство, видимо, поняло, что нелепо держать в одной батарее и даже в одном взводе так много грамотных, почти с высшим образованием, рядовых бойцов. Меня и Лёву Утевского разлучили.

Наш взвод разместили в казарме, на четвертом этаже здания, на крыше которого стояли две пушки. В этом здании имелись «бытовки» – раздевалка, гардероб, умывальная, душевая и туалеты, а на верхних этажах находилось управление цеха. Это был один из основных цехов оборонного завода, которым тогда руководил выдающийся организатор производства инженер Амо Сергеевич Елян (1903–1965), позже ставший директором артиллерийского завода, кажется, в Челябинске, и удостоившийся званий генерал-майора и дважды Героя Социалистического Труда.

Поскольку наша казарма располагалась непосредственно под двумя пушками, установленными на крыше здания, то к ним можно было выскакивать очень быстро, проходя через чердак. На чердаке хранились ящики со снарядами.

Для нашего взвода был установлен телефонный кодовый отзыв «Соловей». Когда наш дежурный брал трубку, он громко и чётко отвечал: «Соловей слушает!» Много раз ему приходилось объявлять тревогу и «Положение № 1» в случае налета вражеской авиации на город. Тогда не более чем за 5 минут следовало одеться, обуться и пулей выскочить на крышу, заняв свои места на пушке. Для этого мы тренировались в разное время суток под руководством помком-взвода Иванова. В казарме тщательно соблюдались порядок и чистота. За этим следил тоже Иванов. Провинившемуся дневальному он делал строгие замечания, но не унижающие его достоинство (в отличие от упомянутого выше ефрейтора Метёлкина).

На новом месте службы мы все отогрелись и отмылись, а главное – стали сытно питаться в столовой литейного цеха. Здесь нам снова ввели в распорядок дня утреннюю гимнастику, мы делали пробежки на лыжах, при этом соревнуясь на скорость. Я не раз выходил победителем. Замечу, что тогда лыжи надевались без специальных креплений. На пушках занятия с нами проводил лейтенант Шкеть, но чаще это делал его помощник – старшина Иванов. Политическая учёба шла плохо, пока не прислали в батарею комиссара – молодого политрука Воробьева. Он недавно окончил Горьковский педагогический институт и был милейшим, добрейшим и очень интеллигентным человеком, начитанным и эрудированным. Учёба основывалась на чтении газет и журналов и прослушивании сводок о положении на фронтах и в тылу.

Комсоргом мы выбрали Алёшу Мишина, спокойного и очень общительного, и он стал фактически первым помощником комиссара. Вскоре ему присвоили звание ефрейтора. Через некоторое время комиссар привлёк к своей работе и меня, но по-другому: я должен был регулярно, а иногда даже ежедневно, выпускать так называемые «Боевые листки» – небольшие стенные газеты. Кстати, этим мне пришлось заниматься и на фронте.

Вспоминается, что у нас на батарее находился в качестве бойца мальчик лет 12–14, которого все называли просто Лёней. К сожалению, я не помню его фамилию. Он был вроде сына полка. Я никогда не видел Лёню занимающимся военной подготовкой, хотя он, как и все, носил военную форму, умел хорошо отдавать честь начальству. Иногда Леня кру-

тился возле пушек, когда мы там находились, и, не спрашивая ни у кого разрешения, вертел ствол зенитного орудия. Он всегда так мило улыбался, что все его любили и прощали ему подобные невинные выходки. Он был очень наивен, добр ко всем, беззаботен, и образ мыслей имел совсем детский. Говорили, что Лёня жил раньше в детском доме. Старшина Ермаков опекал его и взял с собой даже на фронт.

В нашем первом огневом взводе командиром был пожилой сержант Федор Васильевич Игумнов, бывший сельский учитель из Горьковской области. Узнав, что я – сын сельских учителей, Игумнов подружился со мной, и мы с ним часто разговаривали, не таясь, на житейские темы и много – о политике, о перспективах идущей войны. Он сомневался, что мы одержим победу, и я не мог его убедительно опровергнуть.

С первого же дня, как наш взвод обосновался на новом месте, мы много и регулярно учились стрельбе. Все хорошо освоили свои обязанности и четко взаимодействовали друг с другом. И это оказалось очень кстати: уже во вторые сутки нашего пребывания мы получили первое боевое крещение. Глубокой ночью, когда все мы крепко спали, дежурный истощенным голосом закричал: «Положение № 1!» В ту ночь погода оказалась очень холодной (мороз достигал 30 градусов), а я не успел хорошо обернуть ноги портянками, полагая, что сделаю это позже, сидя на «кресле» пушки, как это уже бывало пару раз во время ночных тренировок. Но в этот раз пришлось пробыть на крыше более получаса, пока самолеты не улетели, сбросив на город бомбы. В результате я обморозил несколько пальцев на ногах и оба уха, которые не успел закрыть крылышками шапки.

Хорошо, что командиры не наказали меня, а ограничились внушением другим бойцам. За четыре месяца службы в Горьком мне пришлось пять раз участвовать в отражении налётов вражеской авиации, но, как правило, самолетов не было видно, и мы ограничивались в основном одиночными выстрелами, целясь туда, где был яркий свет от разрывов снарядов, посылаемых с дальних зенитных батарей. Кроме того, у нас во взводе не было дальномера, да и пользоваться им ночью без освещения всё равно было бы невозможно. Когда не освещали небо прожекторы. Мы слышали звуки взрывов бомб и видели над городом свет разрывов, но мне ни разу не приходилось наблюдать, чтобы какой-либо самолет оказался сбит.

Глава VIII

Как я уже писал, условия нашей службы на заводе № 196 оказались значительно лучше, чем на стадионе «Торпедо». Главное – мы стали неплохо питаться, и моё лицо вновь округлилось, многие военнослужащие стали заглядываться на женщин. Пример нам подавали командиры. Мы видели, как в столовой они любезничали с молодыми поварихами, официантками и другими работницами, пользуясь их взаимностью. В комнату нашего взводного – лейтенанта Шкеть – они приходили ежедневно, чуть ли не по очереди, принося с собой выпить и закусить; старшина Иванов, не имея отдельной комнаты, вынужден был для интимных встреч бегать в цеховую раздевалку. Одна из его симпатий в ней была совсем молодой, другая – уже в годах.

А мое внимание привлекли две красивые молодые табельщицы. Они отмечали приход и уход рабочих и выдавали им месячные продовольственные карточки, а также занимались общественной и культурно-массовой работой. Первая из этих девушек была по должности старшей и работала главным образом в дневную смену. Я прежде всего загляделся на нее, но мне показалось, что она не обращает на меня внимания. Вторая девушка была в подчинении у первой и работала в основном в вечерней и ночной сменах. Так вот, вторая табельщица обратила на меня благосклонное внимание. Желая познакомиться с ней поближе, я обратился к этой табельщице с просьбой дать мне листок бумаги, чтобы написать письмо матери.

Девушку звали Маруся Новожилова. Она сказала, что ей 17 лет, окончила ПТУ, родом из деревни недалеко от Горького, родителей уже не имеет, живёт в ближайшем к заводу общежитии. Одета была скромно и очень аккуратно, чаще всего носила красную кофточку и черную юбку ниже колен. По цеху бегала в туфельках, а на улице – в черных валеночках и фуфайке с белой вязаной шапочкой. У девушки был курносый носик и карие глаза. Свои светлые волосы она заплетала в длинные косы.

Я говорил с Марусей на разные темы, рассказывал о себе, и это ей нравилось. А она рассказывала много о себе. В результате мы подружились с нею. Однако часто околачиваться у окошечка табельной на глазах работающих я считал неудобным, опасаясь испортить репутацию девушки. Кроме того, я далеко не всегда мог отлучаться со службы. Поэтому я стал сочинять для Маруси длинные письма.

Как-то я сообщил Марусе, что наш старшина Иванов, которого она хорошо знала, очень нахален с женщинами, а я совсем не такой и ни за что не позволю себе распускать руки.

Однако я всё же уговорил Марусю встретиться со мной без свидетелей. Мы посидели с ней минут 15 в хорошо освещенной пустой комнате, когда я дежурил у телефона, и я нежно обнял её за плечи. Мы попробовали поцеловаться, едва приложив друг к другу наши губы. Пойти дальше поцелуев нам было стыдно, и мы не решились на это. Я не сомневаюсь, что был у Маруси первым мужчиной, с кем она «завела» такую чистую любовь.

Разумеется, мои частые «походы» к окошечку табельной, переписка и встречи с Марусей не остались незамеченными, в том числе старшиной Ивановым. Как-то он подозвал меня и посоветовал действовать активнее: «Ведь сейчас – война, не сегодня-завтра придётся идти на фронт и, может быть, сложить там голову. А разве можно допустить, чтобы ни разу не сблизиться с женщиной?»

Я, конечно, и без Иванова всё это знал, но поступить так с Марусей не мог.

...В начале февраля 1942 года командование полка отправило нас в «знаменитые» Гороховецкие военные лагеря во Владимирской области. На станции Галицы, куда мы прибыли в товарных вагонах, местные жители – в основном старики и подростки – усадили нас по несколько человек в сани и доставили в небольшую деревню, откуда пришлось идти к лагерям пешком. Они находились в глухом лесу.

9 февраля нас повели на один из полигонов, устроенных на обширной поляне. Возле 37-мм зенитной пушки находилось множество военных начальников и командиров батарей и взводов, личный состав которых должен был пройти здесь фактически «выпускной» экзамен по стрельбе из орудий. Каждому из командиров хотелось, чтобы их бойцы хорошо выдержали экзамен, и они даже устроили «социалистическое соревнование» на лучшую подготовку своих артиллеристов.

Нам надо было из пушки, заряженной четырьмя или пятью снарядами в одной обойме, как можно меньшим количеством одиночных выстрелов быстро и точно поразить макет танка. Макет устанавливали от орудия на расстоянии не менее километра и перемещали тросом по пересеченной местности, поэтому высота и расположение цели постоянно менялись. Все снаряды были учебными и трассирующими, благодаря чему следить за их полётом было легко.

Наш взвод под командованием лейтенанта Шкеть отстрелялся первым. Боевой расчет нашей пушки поразил цель третьим снарядом, что оценили на «отлично». Расчет второй пушки отстрелялся еще лучше, настигнув цель первым же снарядом. Это было заслугой первого наводчика орудия Николая Сизова. Командиры некоторых батарей тайно упростили старшего лейтенанта Чернявского и лейтенанта Шкеть отдать им Колю Сизова «взаймы», чтобы на экзамене использовать его первым наводчиком своих орудийных расчетов, и Коля, в основном на «отлично», провёл ряд чужих стрельб.

В итоге наша батарея – батарея старшего лейтенанта Чернявского и наш первый взвод под командованием лейтенанта Шкетя заняли первое место в этом «социалистическом соревновании». Однако всё происшедшее произвело на меня и на большинство моих товарищей скверное впечатление, потому что даже в такое тяжелое для Родины время наше командование не обошлось без «очковтирательства». После возвращения в Горький политрук Воробьев объявил имена «отличников боевой и политической подготовки», среди которых был и я. Мне поручили выпустить очередной «Боевой листок», посвященный в основном прошедшим стрельбам.

Для «Боевого листка» комиссар давал мне специальный, отпечатанный в типографии бланк, на котором было изображено красное знамя с портретами Ленина и Сталина и черной краской выведены слова призыва: «Смерть немецким оккупантам!» Если типографского бланка не было, мне приходилось самому на обыкновенной бумаге писать название стенной газетки и рисовать красное знамя.

В «Боевом листке» полагалось давать сообщения об успехах наших войск на фронте и о важных событиях в стране, а затем – заметки о жизни нашей войсковой части и о её передовиках. Основные материалы давал политрук, а другие приходилось писать самому или «клянчить» у командиров. Иногда комиссар и секретарь парткома заставляли писать заметки рядовых бойцов и сержантов, главным образом – комсомольцев и членов ВКП(б). Прежде чем вывесить «Боевой листок» я был обязан показать своё «творение» комиссару. Все необходимые для этой общественной работы принадлежности – чернила, ручки, промокашки, простые и цветные карандаши, ластик, лезвия безопасных бритв и ножницы – приходилось всегда носить с собой в вещевом мешке, что создавало определенные неудобства. Но зато я всегда имел возможность писать письма домой авторучкой.

...4 марта 1942 года нам объявили, что почти вся наша батарея завтра отправляется на фронт. Нам дали время подготовиться к отъезду. Я поспешил к табельной, чтобы увидеть Марусю, но её там не было – сказали, что она выйдет в ночную смену. На всякий случай я написал ей большое нежное письмо.

Ночью я спустился в цех и, к счастью, увидел в табельной Марусю. Я сказал ей, что завтра отбываю на фронт, и отдал ей предназначенное письмо. Я попросил Марусю отправить матери мои вещи и кое-какие из них отдал самой девушке. Она обещала сразу же выполнить мою просьбу, но деньги на почтовые расходы не взяла. Маруся дала мне адрес своего общежития и попросила писать к ней почаще. При прощании она заплакала. Так я расстался с Марусей и, как оказалось, навсегда...

В начале августа 1946 года, возвратившись в свою деревню, я узнал, что Маруся очень добросовестно исполнила мою просьбу и все вещи благополучно прибыли к маме. Всё было в целости и сохранности. Я увидел, что на обратной стороне моей фотографии «отличника боевой и политической подготовки» Маруся поставила по краям свои инициалы – «М» и «Н». Так милая девушка напомнила мне о себе. В конце января 1948 года, приехав из Москвы в Горький на студенческие каникулы, я попробовал разыскать Марусю и поговорил с женщинами, жившими в заводском общежитии. Но никто из них не знал про Марусю. Лишь одна из них, пожилая женщина, припомнила девушку, похожую на ту, которую я описал, и предположила, что, возможно, в 1942 году она ушла на фронт.

Старшина Иванов пожелал мне счастья и обещал следить за моей Марусей в мое отсутствие.

Утром 5 марта после завтрака мы забрали с собой личные вещи из казармы и, оставив в ней зимние куртки, ватные телогрейки, стальные каски, сумки с противогазом, оружие и другие казенные предметы, пришли на ту площадку, где находилась построенная раньше нами же землянка-казарма для второго взвода и взвода управления. Здесь нас выстроили в 4 ряда фронтом, и после этого в присутствии командира дивизиона командир батареи стар-

ший лейтенант Чернявский объявил, что мы теперь представляем собой маршевую батарею, которая сейчас покинет территорию завода, чтобы отправиться на фронт. Одновременно он представил нам сменившего его нового командира – тоже старшего лейтенанта Сахарова (не помню его имени) – молодого человека лет под тридцать, который имел огненно-рыжие волосы на голове и великое множество веснушек на крайне неприятном – одутловатом лице. Ростом он был лишь чуть выше меня, его нос был курносый, глаза узковаты, а шинель на далеко не стройной фигуре сидела нескладно. Оказалось, что этот человек мой земляк из Канаша, но был ли он чуваш, не могу сказать определенно, поскольку, как я уже упоминал, мне с ним лично ни разу не пришлось пообщаться. Сам он также не проявил ко мне интереса или сознательно не захотел иметь со мной дела. Подойти к нему первым и представиться ему как земляк я не решился из-за соображений соблюдения субординации – ведь я был рядовым бойцом, а он – «большим начальником». Кстати, полной противоположностью ему был комиссар батареи – старший политрук Воробьев, очень общительный со всеми и особенно – со мной.

В батарею включили несколько других военнослужащих, которыми заменили оставляемых на месте старых, в число которых попали сам – теперь уже для нас бывший её командир старший лейтенант Чернявский, оба командира орудия в нашем взводе старшина Иванов и сержант Игумнов, а также ... отличившийся недавно на стрельбах под Гороховцом первый номер второго боевого расчета Николай Сизов. Оставили и второй номер того же расчета – моего бывшего коллегу по МИС Аркашу Писарева, с которым мне очень и очень было жаль расставаться, так как я чувствовал, что больше его не увижу. (Действительно, он вскоре погиб, как я узнал после войны, попав на фронт в составе другой маршевой батареи, которой командовал упоминавшийся лейтенант Шкеть. Эту батарею вместе с пушкой разнесло бомбой, сброшенной точно немецким самолетом.) Я до сих пор не могу забыть этого молоденького и очень милого парня небольшого роста, говорившего тихим и иногда даже писклявым голосом, похожим на девический. Со мной предварительно очень тепло попрощался в казарме оставшийся в ней сержант Игумнов, попросив меня написать ему письмо сразу, как только прибуду на новое место.

Из прежнего начальства с нами отправлялись: комиссар батареи старший политрук Воробьев, командир моего – первого огневого – взвода лейтенант Кирпичёв, командир второго огневого взвода младший лейтенант Алексеенко, а также числившийся в его взводе вторым прицельным секретарь парткома сержант Агеев. Кроме того, на фронт ехали командир взвода управления и занимавшийся обеспечением батареи боеприпасами, продуктами питания, обмундированием старшина Ермаков со своими помощниками, три медика во главе с санитарным инструктором и медбратом Федоровым и несколько шоферов. В строю второго огневого взвода я заметил своего земляка и соплеменника – старшего сержанта Василия Алексеева – и... ефрейтора Метёлкина.

Старший лейтенант Чернявский, закончив краткую напутственную речь, неожиданно для нас отдал приказ подвергнуть всех будущих фронтовиков обыску и изъять «лишние и принадлежащие полку» вещи. Нас заставили положить на снег вещевые мешки и расстегнуть шинели. Мне пришлось снять надетый под гимнастерку шерстяной свитер, полученный под Новый год как «подарок воину» от гражданского населения, а также выложить из вещевого мешка другой подарок – пару черных шерстяных носков. Отобрали и пилотку, с которой я не расставался с трудового фронта. Но самым ужасным для меня оказалось то, что забрали мой дневник, мотивируя это тем, что он может попасть «в руки врага» и выдать «важные секреты». При этом всем присутствовавшим категорически запретили впредь вести дневники.

Я попытался возразить против конфискации свитера и носков, но стоявший рядом со мной Вася Трещатов толкнул меня в бок и тихо сказал: «Юр, не спорь, это бесполезно:

они ведь хотят “загнать” эти вещи за деньги и пропить их». И я не стал дальше спорить с Чернявским.

Хорошо, что с меня не сняли надетые под тонкое военное полугалифе гражданские брюки, оставшиеся от студенческого костюма.

После обыска, построившись в колонну, мы двинулись к проходной завода мимо цеха и увидели у его дверей знакомые лица провожавших нас работниц, среди которых мелькнуло и лицо Маруси.

Так я покинул Горький, подумав, что никогда уже в него не вернусь. Но судьба распорядилась иначе.

Глава IX

Миновав село Решетиху, батарея пошла строем по узкой дороге в глубь леса. Километра через полтора мы оказались в небольшом военном городке, по существу представлявшем собой несколько больших и десятков маленьких, но относительно благоустроенных землянок-бункеров, предназначенных только для лиц командного состава (по-нынешнему – офицеров). На окраине городка в полуземлянке находилась небольшая кухня, к ней примыкали склады продуктов и различного инвентаря (лопат, пил, топоров и пр.). Возле землянок имелись приспособления для занятия спортом и стенды для военных занятий.

Рядовых бойцов и младших командиров поселили повзводно по 15–18 человек в больших землянках. Нары там были одноярусными, но из тонких бревен с неснятой корою. Постелей нам не полагалось, и спать приходилось на одном краю шинели, укрываясь другим её краем.

В землянке топили «буржуйку», но дрова, заготовленные в здешнем лесу и плохо высушенные, едва горели. Кроме того, временами приходилось проветривать землянку, чтобы ликвидировать смрад от сушившихся портянок и ботинок. У двери землянки находилась стойка-пирамида для винтовок, с которыми бойцы несли караул.

Комиссар сообщил нам номер почтового ящика (полевой почты) батареи и огорчил нас сообщением, что до отъезда на фронт питание мы будем получать по третьей категории снабжения, т. е. как тыловики.

В первый же день написал два письма в Горький – одно Марусе, а другое – сержанту Игумнову по адресу полка. При этом я совершил величайшую по тем военным временам глупость: решил, что письмо дойдет быстрее, если к номеру почтового ящика добавить слово «Соловей» – кодовое название взвода. Но командованию полка я причинил этим большую неприятность, и меня только потому не подвергли серьезному наказанию, что в те дни у полка как раз наступал срок изменения кодовых названий.

В первое время пребывания в лагере мы занимались военной учёбой. Иногда нас посылали на помощь работницам столовой. Я побывал тогда на местной сетевязальной фабрике, где меня заинтересовали крутильные, свивальные и прядильные машины, вязальные, плетельные и ткацкие станки. Тогда я не мог и подумать, что после войны подобное оборудование станет объектом моего инженерного труда...

7 марта нас пригласили в клуб фабрики, где комиссар Воробьев рассказал нам о наступающем Международном женском дне 8 марта. Местные школьники дали небольшое представление на патристическую тему. Наши бойцы с удовольствием пообщались с молодыми фабричными работницами.

7 марта почти ко всем командирам батареи и взводов, к комиссару, медикам и старшине Ермакову из Горького приехали погостить их жены, невесты, знакомые. Среди них оказались две молодые поварахи, работавшие в столовой литейного цеха. Естественно, все женщины приехали не с пустыми руками, и в эти «загульные» сутки начальству было не до нас, рядо-

вых бойцов. После ужина наш второй подносчик снарядов – вездесущий Кусков – выпросил в столовой у сердобольной старой кладовщицы оцинкованное ведро с сырым картофелем. Это было наше праздничное угощение. Но когда, тщательно помыв клубни, мы повесили ведро над костром, оказалось, что у нас нет соли. Пришлось загасить костер и отправиться снова в посёлок, чтобы раздобыть соль.

В посёлке с громким лаем нас преследовали собаки, от которых пришлось отбиваться палкой и глыбами снега. Мы стучались во многие дома, но никто не хотел с нами разговаривать. Только в одной из квартир двухэтажного дома хозяева дали нам горсть соли, сказав, что нынче данный продукт является очень дефицитным и что нам дают они его только из-за уважения к нашей армии.

...Дальше, примерно до середины марта, все наши дни прошли без каких-либо особых событий, достойных упоминания. Мы не раз вспоминали свою службу в Горьком, где мы питались несравнимо лучше, чем в Решетихе, так как военный завод снабжался продуктами лучше, чем обычные предприятия, такие, как решетихинская фабрика. Кроме того, директор военного завода А. С. Елян организовывал поступление продуктов питания из окружающих сел и деревень. Улучшенное питание было предусмотрено не только для работавших на заводе, но и для военных, служивших на его территории.

В лагере под Решетихой мы стали приводить в порядок кухню, а в столовой фабрики взяли кастрюли, сковороды, ведра, ножи и другой инвентарь, получили там причитавшиеся продукты (в основном черный хлеб, картофель и другие овощи, вермишель и крупы, рыбу, немного мяса и свиного сала, подсолнечного и сливочного масла, сахарный песок, чай, соль). Всё это бойцы принесли в брезентовых плащ-палатках, повторив поход несколько раз. Со склада танковой бригады каждому бойцу и младшему командиру выдали двухлитровый металлический котелок, но без крышки, которую некоторые бойцы позже сделали сами, а также стеклянную флягу в защитном темно-зеленом матерчатом чехле, которую носили на пояском ремне.

Каждый получил несколько пачек махорки и бумагу для сворачивания самокруток. Но спичек нам не хватало, и пожилые курильщики использовали вместо них стальную пластинку (кресало) и камушек с наложенным на него «трутом» из сухого древесного гриба. Когда курильщик бил по краю камушка кресалом, искры попадали на трут, от чего тот загорался. Появившийся огонек курильщик раздувал и прикуривал. Бензиновые зажигалки в те времена были большой редкостью.

В середине марта я наконец получил письмо от Маруси. Она написала, что очень грустит по мне, но не может меня навестить, так как посменная работа этого не позволяет. Я сразу же ответил Марусе, пообещав, что и впредь буду писать ей, если со мной всё будет в порядке. Но получилось так, что больше я ни одного письма к Марусе не написал. И это, вероятно, дало ей повод подумать, что меня уже нет в живых, тем более что погибла вся зенитная батарея хорошо знакомого ей лейтенанта Шкетъ, в составе которой я прежде находился. И если Маруся действительно ушла на фронт, то не для того ли, чтобы отомстить немцам за меня? Так, например, хотела поступить сестра моего одноклассника и однополчанина Миши Волкова, когда получила весть о его гибели. Может быть, именно я косвенно виноват в том, что Маруся больше не появилась в общежитии. А может быть, с Марусей всё получилось не так, и она просто нашла счастье с другим мужчиной? Дай-то Бог!..

...В конце марта нам выдали противогазы и маленькие саперные лопаты с темно-зеленым брезентовым чехлом, после чего наши командиры каждый день учили нас практическому применению в бою шанцевого инструмента, что на фронте нам очень пригодилось. В это же время у нас появилась возможность для практических занятий с нашим основным оружием – зенитными пушками и пулеметами. А появилась она благодаря тому, что наше

начальство договорилось с командованием местных зенитных точек приводить нас на тренировки, пока зенитки и пулеметы простаивали в ожидании налётов вражеской авиации.

Километрах в пяти от нашего городка находилась батарея с хорошо замаскированными пулеметами ДШК 12,7-мм и 37-мм зенитными пушками. Их боевые расчеты очень уютно разместились в небольших землянках, где было тепло, светло и имелись металлические кровати с постельными принадлежностями. В землянке, где мы побывали, на стене висели часы-ходики, а на столе самовар, на полке эмалированная и фарфоровая посуда.

Все бойцы и командиры этой батареи были аккуратно одеты и подтянуты, гладко выбриты и очень дружелюбны. Казалось, будто они живут дома. Мы очень завидовали им. На деревьях возле землянок распевали свои песенки первые прилетевшие скворцы – для них уже были приготовлены скворечники. Вообще в лесу было полно чирикающих и поющих птиц, что вызвало у нас тоску по мирной жизни.

К своему стыду, должен признаться, что, находясь под Решетихой, я ни разу не написал матери. Дело в том, что я сообщил ей из Горького, что мы едем на фронт. На самом деле этого еще не произошло, а написать маме правду я посчитал неудобным.

Кажется, 10 апреля представитель командования 199-й отдельной танковой бригады – батальонный комиссар дал нам знать, что отъезд на фронт может состояться уже в ближайшие сутки. В наш военный городок прислали нескольких шоферов-водителей. На фронте они перевозили орудия и снаряды. Из этих шоферов мне особенно запомнился молодой боец по фамилии Загуменнов, внешне очень похожий на моего однополчанина Бориса Старшинова – бывшего студента МИС, оставшегося в Горьком в запасном полку. А другим шофером, которого я потом вспоминал всю жизнь, был пожилой сержант Журавлев Михаил Дмитриевич, родом из Калининской (ныне Тверской) области, прекрасный специалист своего дела.

В те же дни всему личному составу батареи выдали так называемый «медальон смерти», по существу вовсе и не медальон, а черную эбонитовую капсулу, восьмигранную снаружи и цилиндрическую изнутри. Она имела в длину 50 мм и диаметр 12 мм. Обе ее части плотно навинчивали друг на друга так, что вода или сырость не могла попасть в капсулу. Внутри капсулы помещали свернутую в рулончик бумажку, на которой каждый боец писал чернилами (а надо было бы карандашом, что дольше противостоит сырости) сведения о себе – фамилию, имя и отчество, год рождения, домашний адрес, адрес военкомата, призвавшего его на военную службу, и главное – адрес близкого человека, кому следовало сообщить о владельце в случае его гибели. Хранили капсулу в брюках на поясе в потайном карманчике.

Мы получили небольшое вафельное полотенце, по куску туалетного и хозяйственного мыла. Зимние шапки нам заменили пилотками из зеленого английского сукна, сильно отличавшегося от отечественного. Многим, в том числе и мне, дали новые шинели взамен обветшавших. Новые, и тоже английского сукна, шинели оказались значительно легче, чем старые, из грубого отечественного материала. Кое-кто сменил себе поизносившиеся ботинки, но у меня они были в порядке.

Пару дней, еще в старой одежде, мы поработали на железнодорожной станции Жолнино, где приняли прибывшие с завода № 92 две новые 37-мм зенитные пушки и три английские грузовые автомашины «бедфорд», предназначенные для тех же пушек. Одна из этих машин была с закрытым кузовом.

Нам пришлось распаковать пушки из-под брезентового чехла и привести их в состояние полной боевой готовности. К каждой пушке мы поставили в деревянных ящиках запас снарядов. В это время автомашинами занимались шоферы.

На запасном железнодорожном пути находилось более двух десятков платформ с легкими танками, полученными по ленд-лизу. С ними возились танкисты нашей бригады. При этом они очень неодобрительно высказывались об этих английских машинах, плохо

приспособленных к российским условиям. Некоторые из танков имели карбюраторные двигатели, работающие на бензине, из-за чего их очень легко было поджечь. Как я позднее узнал из специального справочника, эти пехотные танки типа «валентайн», модификаций 1938–1940 годов, были изготовлены фирмой «Виккерс – Армстронг» и предназначались в основном для поддержки пехоты. Танки с дизельным двигателем имели габаритные размеры 5420 × 2630 × 2270 мм и массу 18 тонн. Они обслуживались экипажем из трех человек. У них на вооружении имелась одна 40-мм пушка и два пулемета калибра 7,92 мм, включая один зенитный. Внутри машины можно было поместить 41 снаряд и запас из 3300 патронов.

В те же дни мы получили на каждого бойца и младшего командира отечественные винтовки образца 1891/1930 годов и отечественные карабины образца 1938 года. Нас предупредили, что замена, а тем более потеря личного оружия будет очень строго наказываться и каждый головой отвечает за него. Оружие следовало содержать в идеальном порядке и чистоте, чистить шомполом и тряпкой его ствол после серии выстрелов и периодически смазывать соответствующие узлы и детали. Одновременно с личным оружием каждому дали патронташ с винтовочными патронами, который мы надевали на поясной ремень спереди. Но основной запас патронов помещался в особой сумочке, которую носили в вещевом мешке.

Нам выдали еще стальные каски зеленого цвета, изготовленные Лысьвенским и Сталинградским (ныне это Волгоградский) металлургическими заводами. Но на всех касок не хватало, в связи с этим было объявлено, что все каски являются общей собственностью и подлежат хранению на грузовике с закрытым кузовом. Каски полагались тем номерам оружийных расчетов, которые открывали огонь по вражеским самолетам или при появлении другой соответствующей цели. Однако случалось, что пока бегали за касками, цель уже исчезала. Мне на фронте почти совсем не пришлось пользоваться каской.

...Затем мы получили на всю батарею обычные и саперные длинные и с широкой металлической частью лопаты трех типов, пилы, топоры, другие инструменты, несколько брезентовых плащ-палаток и полотен и другие вещи.

14 апреля 1942 года в последний раз в Решетихе нас постригли машинкой наголо. После мы помылись в душевой фабрики, сменили нижнее белье и в специальной камере «прожарили» одежду. Еще до наступления темноты покинули военный городок, а через час пришли на станцию Жолнино, где находился еще не полностью сформированный эшелон, составленный из открытых платформ с танками, автомашинами, пушками и приспособленных для перевозки людей товарных вагонов-теплушек. В головной и хвостовой части эшелона размещались зенитные орудия. На каждой платформе дежурил часовой с винтовкой или карабином. Все танки и автомашины были заправлены горючим, а в танках находились снаряды и патроны. В эшелоне находились цистерны с горючим.

Нам выдали «сухим пайком» продукты на пять суток и баки с водой, которую периодически пополняли. Бойцы ежедневно получали горячий обед из трех блюд из полевых и переносных кухонь нашего эшелона. Нас стали снабжать всеми видами довольствия по нормам, полагавшимся для фронтовиков.

Многие из нас радовались отъезду на фронт, говоря: «Там-то уж мы не будем больше голодать». Как мы были наивны!

ГЛАВА X

Эшелон двигался очень медленно. Когда рассвело, первой остановкой поезда оказалась станция Ново-Вязники. На этой станции мы устремились на поиски туалета. Но едва спрыгнув из вагона, мы увидели, что вокруг все было загажено, а единственный выгребной туалет на конце платформы давно никем не вычищался, так что оказалось совершенно невозможно

войти туда. Между прочим, во время войны так было едва ли не на всех железнодорожных станциях. Вернувшись в вагон, мы долго оттирали свою обувь соломой.

Наш эшелон долго стоял на станции во Владимире. Там с санитарного поезда выгружали на носилках тяжело раненных. Здоровые бойцы выносили их на привокзальную площадь. Было много покалеченных – без руки, без ноги, на костылях... сквозь марлевые повязки у некоторых раненых проступали красные пятна крови. Всё увиденное произвело на нас очень тяжелое впечатление.

Во время долгой остановки эшелона где-то между станциями Соби́нка и Петушки нам впервые дали горячую пищу. За ней на кухню отправляли несколько бойцов с ведрами, бачками и большими кастрюлями, захваченными из Решетихи. Принесенную еду распределяли по котелкам и кружкам. В голове всегда была только одна мысль: как бы наесться досыта...

Наша поездка до конечного пункта длилась больше пяти суток. Мы догадывались, что едем на юг, а куда конкретно – не знали. Большие города эшелон в основном объезжал. Только готовя эти воспоминания, я воссоздал маршрут нашего эшелона. Очевидно, мы двигались через Мичуринск – Грязи – Воронеж – Лиски – Валуйки – Купянск-Узловую. Мы двигались в направлении Харькова. Поезд переехал разлившуюся от половодья реку Оскол и остановился на станции Букино. И вдруг здесь на нас налетели немецкие бомбардировщики в сопровождении истребителей «мессершмитт». Наши бойцы моментально выскочили из вагонов и платформ и залегли по обе стороны эшелона. Но на головном вагоне зенитчики, под командованием лейтенанта Кирпичёва, быстро заняли свои места и открыли по самолётам огонь. То же самое сделал и боевой расчет второй пушки в хвостовой части поезда. Еще раньше нас начали стрелять местные зенитчики, и один из истребителей был сбит.

Бомбардировщики сбросили несколько бомб, и осколки прошили стены и крыши некоторых вагонов, попали в ближние дома и строения. У нас и на станции появились раненые. Один осколок угодил в ефрейтора Метёлкина, обслуживавшего пушку в хвостовой части эшелона. Он сразу же скончался. Комиссар Воробьев взял «медальон смерти» Метёлкина, чтобы официально сообщить о гибели ефрейтора. Тело Метёлкина оставили местным работникам для захоронения. Мы даже не успели попрощаться с покойным, поскольку наш поезд уже трогался. Где-то между станциями Диброво и Закомельская последовала команда – всем выгрузиться. Вместе с командиром батареи Сахаровым и нашим комиссаром Воробьевым к нам подошли командир нашей танковой бригады № 199 полковник Матевосян, лет сорока, чернявый, небольшого роста, и комиссар бригады – пожилой, среднего роста, фамилию которого я, к сожалению, я не знал. Они поблагодарили нас, зенитчиков, за успешное отражение атаки вражеских самолетов.

Потом до самого вечера мы разгружали эшелон. Работали без перерыва, чтобы закончить все как можно быстрее, пока немцы нас не заметили. Всё выгруженное немедленно маскировали в чаще леса.

Для всего личного состава батареи устроили в лесу временное «жилье». Оно представляло собой три шалаша из срубленных стволов деревьев и веток. Ветки и листья служили для нас постелью, а шинели – одеялом. Накануне рядом с шалашами вырыли еще небольшие укрытия для себя на случай налета вражеской авиации. Винтовки держали с собой же в шалаше.

Следом за нами стали прибывать и другие эшелоны, разгрузка шла днем и ночью двое суток. К счастью, погода была теплой и сухой.

На следующий день после прибытия я написал письмо маме, сообщив, что жив и здоров. К сожалению, она его не получила, к ней дошла только короткая весточка, которую я послал ей 5 марта из Горького. С того времени для мамы и для моих близких я «пропал без вести» более чем на три года.

За двое суток пребывания на новом месте мы неоднократно видели пролетающие над нами вражеские самолеты, но нам было запрещено открывать огонь, чтобы не выдать противнику место расположения новых войсковых частей. Вместе с комиссаром Воробьевым я выпустил тогда два «Боевых листка», которые вывесил на дереве. В первом было написано несколько добрых слов о погибшем ефрейторе Метёлкине и немного — о наших успешных стрельбах по самолетам немцев. При подготовке второго «Боевого листка» комиссар сообщил мне, что наша бригада вместе с соседней 198-й входит в состав Шестой армии Юго-Западного фронта, которым командует маршал С. К. Тимошенко. От комиссара под большим секретом я узнал, что Шестая армия скоро должна перейти в наступление с целью освободить Харьков.

Спустя несколько десятков лет в литературных источниках я нашел упоминание, что нашей Шестой армии противостояла тогда Шестая армия немцев, которой командовал генерал-лейтенант танковых войск Фридрих Вильгельм Эрнст Паулюс. 31 января 1943 года в Сталинграде он был произведен в генерал-фельдмаршалы, и в тот же день его взяли в плен.

...Было без объяснений ясно, что наша танковая бригада является одной из многих крупных войсковых соединений, которые накапливались для перехода в большое наступление. На третьи сутки нас с обеими пушками, прицепленными к «бедфордам», отправили дальше на юго-запад. Сначала мы не менее часа ехали по открытой проселочной дороге, а потом по дороге внутри лесного массива. Остановились мы на левом берегу реки Северский Донец, сильно разлившейся с наступлением весны. Здесь нам пришлось вырыть окопы для укрытия от немецких самолетов, а для командного состава — «благоустроенную» землянку. Бойцы расположились в шалашах. Недалеко от шалашей мы установили, хорошо замаскировав ветками, оба орудия и с нетерпением стали ожидать, что скоро нам привезут еще две пушки, которых батарея недоставало.

В глубине леса разместились санитарная часть и кухни, а также склады с продовольствием и автомашины ГАЗ, к которым при переездах прицепляли полевые кухни, а переносные кухни помещали на кузов. Всеми кухнями распоряжалось непосредственно командование танковой бригады.

Горячую пищу из кухонь и прочее довольствие (хлеб, сахар, консервы в банках, концентраты в бумажных пакетах, водку, махорку, иногда — папиросы и некоторые вещи) мы получали сразу на весь взвод или огневой расчет, посылая для этого двух-трех дежурных бойцов с тремя-четырьмя ведрами, бачками или большими кастрюлями и мешками (а вместо них нередко — с брезентовыми полотнами или плащ-палатками). Иногда нам давали перед обедом по сто граммов водки, которую мы разливали из большой стеклянной или металлической тары по своим кружкам. Ежедневную порцию хлеба увеличили до килограмма, но давали только черный и часто несвежий. Каша была в основном пшенной из плохо очищенной крупы. Если получение пищи из полевой кухни было невозможно, нам выдавали банки мясных и рыбных консервов, пачки пшеничного концентрата, и мы готовили еду в котелках. Не раз вместо хлеба приходилось обходиться сухарями. Как и в тылу, мы все время чувствовали себя голодными.

В качестве курева нам выдавали главным образом махорку в коричневых бумажных пачках, и нередко для свертывания сигарок и «козых ножек» нарезанную до нужных размеров бумагу или куски газеты.

На новом месте мы пробыли до 3 мая. Погода стояла теплая и солнечная, поэтому и жить в шалашах было неплохо. Сильно беспокоили лишь комары и мошкара. К сожалению, снова появились вши. Утренних зарядок, которыми нас заставляли заниматься в тылу, давно не было и в помине. Мы мылись прозрачной водой из луж, пользуясь куском простого мыла. В свободное время много разговаривали между собой, вспоминая хорошую жизнь до войны.

На второй день после нашего прибытия на новое место мы стали свидетелями необычного происшествия. Стоя на берегу Северского Донца, мы вдруг увидели, как течение несет две человеческие головы в шапках-ушанках. А над головами белело нечто вроде шлангов. Из воды периодически появлялись руки. Потом возникли в полный рост два человека в шинелях и обуви. На мелководье они шли по дну реки, цепляясь за ветки затопленных деревьев, чтобы передохнуть.

Встретив пловцов, мы увидели, что белые «шланги» были... обыкновенными кальсонами из плотной ткани. Перед погружением в воду их намочили, крепко связали обе штанины и надули воздухом, превратив в самодельный спасательный круг.

Обоих пловцов мы привели к себе, дали им переодеться, глотнуть водки, чтобы согреться, после чего их накормили. Они сказали, что плыли и шли вдоль правого берега Северского Донца от г. Балаклея, расположенного на левом берегу, занятого немцами. Нас всех поразило то, как эти разведчики отважились на плавание в такой холодной воде.

Через несколько дней я и Вася Трещатов, патрулируя с винтовками берег Северского Донца, наблюдали, как в полутора километрах от нашего шалаша саперы начали строить мост. Некоторые из них прямо в обуви и одежде заходили глубоко в ледяную воду и подолгу работали, забивая в грунт сваи, закрепляя бревна и доски, занимаясь установкой понтонов.

Лес для строительства моста вырубали выборочно, так чтобы вражеским самолетам ничего нельзя было заметить. Бревна и доски делали сразу на месте. Работа шла почти без шума, но время от времени сопровождалась матерными ругательствами строителей. К ночи 2 мая мост был готов.

В последние дни апреля в батарею доставили (вместе с шофером) недостающую грузовую автомашину «ЗИС», которая оказалась отечественной, выпущенной Московским автомобильным заводом им. И. В. Сталина (ныне И. А. Лихачева). Но вместо дополнительных двух 37-мм зенитных пушек (у нас имелось только по одной пушке на два огневых взвода, т. е. по одной на два оружейных расчета) прислали... один станковый крупнокалиберный пулемет ДШК 12,7 мм. Этот пулемет, созданный В. А. Дегтяревым и Г. С. Шпагиным в 1938 году, весил 44 кг. Устанавливали его на треноге. Боевой расчет состоял из наводчика-стрелка, его помощника, прицельного и двух подносчиков патронов. Калибр (внутренний диаметр ствола) пулемета был 12,7 мм. Стреляли из него бронебойными и бронебойно-зажигательными пулями, причем через 4–5 патрона следовали трассирующие пули. Число выстрелов в минуту достигало 125. Можно было стрелять короткими очередями – с 2–5 выстрелами. Максимальная дальность полета пуль составляла 7000 м, а практическая – 1800 м.

Обслуживать присланный пулемет в качестве наводчика-стрелка поручили уроженцу тех мест, старшему сержанту украинцу Чижу. В помощники к нему напросился наш Лёня, который был в восторге от этого оружия и почти не отходил от него. Поскольку батарею не обеспечили полагавшимися четырьмя пушками, это привело к тому, что один оружейный расчет оказался лишним, и получилось так, что все расчеты, как правило, работали на двух пушках по очереди, обслуживая также и пулемет, но и в этом случае еще три человека оставались незанятыми.

Перед праздником Первого мая нам вручили подарки от отдельных граждан, предприятий и организаций с трогательными надписями, записками и письмами, содержащими пожелания доброго здоровья и просьбы крепко бить врага и вернуться домой живыми. Мне досталось по пачке папирос, конфет и печенья. Комиссар Воробьев, вероятно, вспомнил, что у меня в Горьком во время обыска забрали шерстяной свитер, и мне дополнительно дали аналогичный свитер, значительно лучший по качеству. Однако в это время года было уже тепло, порой даже жарко, и я не стал его носить днем, но иногда надевал ночами.

1 и 2 мая нас неплохо покормили. Особенно мне понравился компот из кураги, который я до этого еще никогда не пробовал. Ночью танкисты первыми начали выдвигаться к линии фронта, а утром мы выкатили с позиций обе пушки, прицепили их по одной к двум автомашинам с открытым кузовом, одновременно погрузив в них ящики со снарядами, и установили пулемет на кузов третьей автомашины. Затем с шинелями, свернутыми в «скатки», с вещевыми мешками, противогазами и личным оружием мы разместились на грузовиках. Четыре наводчика (первый и второй номера) обоих дежурных орудийных расчетов заняли места у своих расчехленных пушек.

Мы очень осторожно переехали по мосту Северский Донец и через несколько километров остановились у хвойного леса с высокими елями и соснами, росшими на чистом желтом песке. Здесь нашим машинам пришлось пропустить сильно растянувшуюся колонну очень шумных бойцов-армян пехотинцев разного возраста, многие из которых носили черные-пре-черные усы. Они были вооружены винтовками, пулеметами и другим оружием, включая даже очень длинные и тяжелые (весом 20,3 кг) противотанковые ружья ПТРС калибра 14,5 мм, образца 1941 года, конструкции С. Г. Симонова. Каждое из этих ружей несло два человека.

Рассказывали, что когда боец-мусульманин бывал ранен в бою, его соплеменники или одновверцы подбегали к нему и кричали, взывая к Аллаху, но ничем не помогая раненому. А в это время вражеский минометчик открывал по ним огонь, в результате чего все погибали. Сказанное не относилось, однако, к христианским народам Кавказа.

Остановившись на поляне и замаскировавшись, мы трое суток занимались обустройством землянок. Но пожить в этих землянках нам не пришлось, что повторялось много раз и в дальнейшем: бывало, только-только закончим рытьё и обустройство капитальных землянок, как сразу поступает команда – двигаться дальше. Становилось очень обидно за бесполезную работу.

...В эти дни я должен был выпустить «Боевой листок». В связи с этим для получения необходимых материалов мне пришлось побывать в штабе своей танковой бригады. По дороге я видел, что и другие подразделения роют землянки. На опушке леса группа бойцов мотострелкового батальона училась... маршировать с пением в строю. Командир этой группы, пожилой старший сержант, по своей внешности и по акценту подаваемых им команд показался мне похожим на чуваша. Я загляделся, как красиво он демонстрировал своим подопечным строевой шаг, держа очень прямо спину и голову. Когда он остановил группу для отдыха, я подошел к нему и поприветствовал его на моем родном языке. Командира это совсем не удивило, и мы разговорились на чувашском языке. Между прочим, он сказал, что воевал еще в Гражданскую войну – был командиром взвода в Чапаевской дивизии и ему не раз доводилось говорить с самим Чапаевым, который якобы владел чувашским языком как родным, так как являлся уроженцем Чувашии.

Рано утром 6 мая после завтрака мы неожиданно получили команду двинуться на северо-запад вслед за танками и мотострелковым батальоном, которые уже отправились в путь ночью. Мы быстро собрались. Командир батареи – старший лейтенант Сахаров – сел рядом с шофером в кабине головной машины, а комиссар – политрук Воробьев – в кабине третьей машины. Между обоими грузовиками, тащившими за собой пушки, ехала машина с закрытым кузовом, в кабине которой находился вместе с шофером старшина Ермаков. В открытых кузовах бойцы располагались на ящиках с боеприпасами. Я в это время занял место в кузове четвертого, замыкающего грузовика, на котором был установлен подготовленный к стрельбе пулемет. Рядом со мной, у края заднего борта, сел командир взвода лейтенант Кирпичёв. Погода была прохладной, поэтому все были в шинелях. Нашим автомашинам пришлось преодолеть большой участок пути со значительным уклоном вверх. Английские грузовики, тянувшие за собой пушки, не были приспособлены к таким тяжелым

условиям движения. Поэтому мы ехали медленно, потом остановились, и всем пришлось слезть с грузовиков, чтобы толкать в гору первую машину и прицепленную к ней пушку. В это время лейтенант Кирпичёв, державший какую-то деталь дальномера, нечаянно выронил её, когда машины начали набирать скорость. Пришлось останавливать наш грузовик. Но пока мы стучали в кабину шоферу, машина проехала еще не менее ста метров. Желая помочь командиру, я изо всех сил побежал к месту падения предмета, поднял его и попытался так же быстро вернуться. Однако я не рассчитал, что обратная дорога идет в гору. В результате, сильно ослабевший от недоедания, я вдруг почувствовал, что ноги меня плохо слушаются и сердце бьется учащенно. Я начал задыхаться, голова закружилась. Но я всё же добежал до грузовика, а вот забраться в кузов уже не смог, и товарищи были вынуждены мне помочь.

В тот же день, 6 мая, к обеду наши автомашины благополучно добрались до большого села Лозовенька (местные жители называли его Лозовеньки), расположенного совсем недалеко от передовой линии фронта. Здесь наши командиры, предварительно переговорив с хозяевами, распределили по подворьям боевые расчеты. Каждый расчет занял хату, окрашенную известкой и крытую соломой, с земляным полом и печкой.

Конечно, командиры сразу же заставили нас вырыть в поле окопы и установить, как положено, с хорошей маскировкой, обе пушки и пулемет. Шоферы замаскировали автомашины соломой. Около хат были сделаны убежища для бойцов и приютивших нас хозяев, но они обычно спасались от бомбежек в подпольях.

Командир и комиссар батареи устроились вдвоем в отдельной хате, а командиры взводов – вместе со своими бойцами. Отдельно поселились старшина Ермаков с санинструктором Федоровым. У пушек, у пулемета расставили посты. Лишь после этого состоялся обед.

Основную часть села заняли прибывшие раньше нас танкисты и другие подразделения нашей танковой бригады и еще какие-то войсковые части. Итак, наконец мы, кажется, оказались на фронте...

Глава XI

Большое, типично украинское село Лозовенька Балаклейского района Харьковской области Украины находилось по прямой примерно на 26 км юго-западнее города Балаклея и примерно в 45 км от города Изюм. Село располагалось по обеим сторонам речки, текущей с северо-востока на юго-запад и часто пересыхавшей летом. Километрах в десяти от села эта речка впадала в Северский Донец. Улиц, как таковых, в селе, растянувшемся на расстояние более двух километров, не было. Имелись лишь узенькие проходы к речке.

К концу 1941 года Лозовенька оказалась у немцев, но зимой в начале 1942 года наши войска отбили у них это село и продвинулись на запад на расстояние до 40 км. Между городами Барвенково с юга и Балаклея с севера образовался так называемый Барвенковский выступ Юго-Западного и Южного фронтов шириной около 75 км и вклинившийся в сторону врага (считая от Изюма) примерно на 80 км. Мы же со своей танковой бригадой оказались на северо-западной части Барвенковского выступа, находясь в составе Шестой армии. Разумеется, в те дни и рядовые бойцы, и младшие командиры, и, наверное, средний командный состав обо всем этом и о планах Главного командования ничего не знали и только догадывались, что вот-вот должны пойти в наступление. Все события, совершавшиеся в последующие дни, вошли в историю как Харьковское сражение 1942 года. Они подробно описаны в специальной литературе.

Глава XII

...В Лозовеньке 6 мая после ужина, перед которым нам всем налили из бидона по 100 граммов водки, которую мы с удовольствием «приняли», командир взвода указал каждому из нас место для ночлега. Мне досталось место на самодельной, сделанной из досок кровати, на которой никакой постели не было.

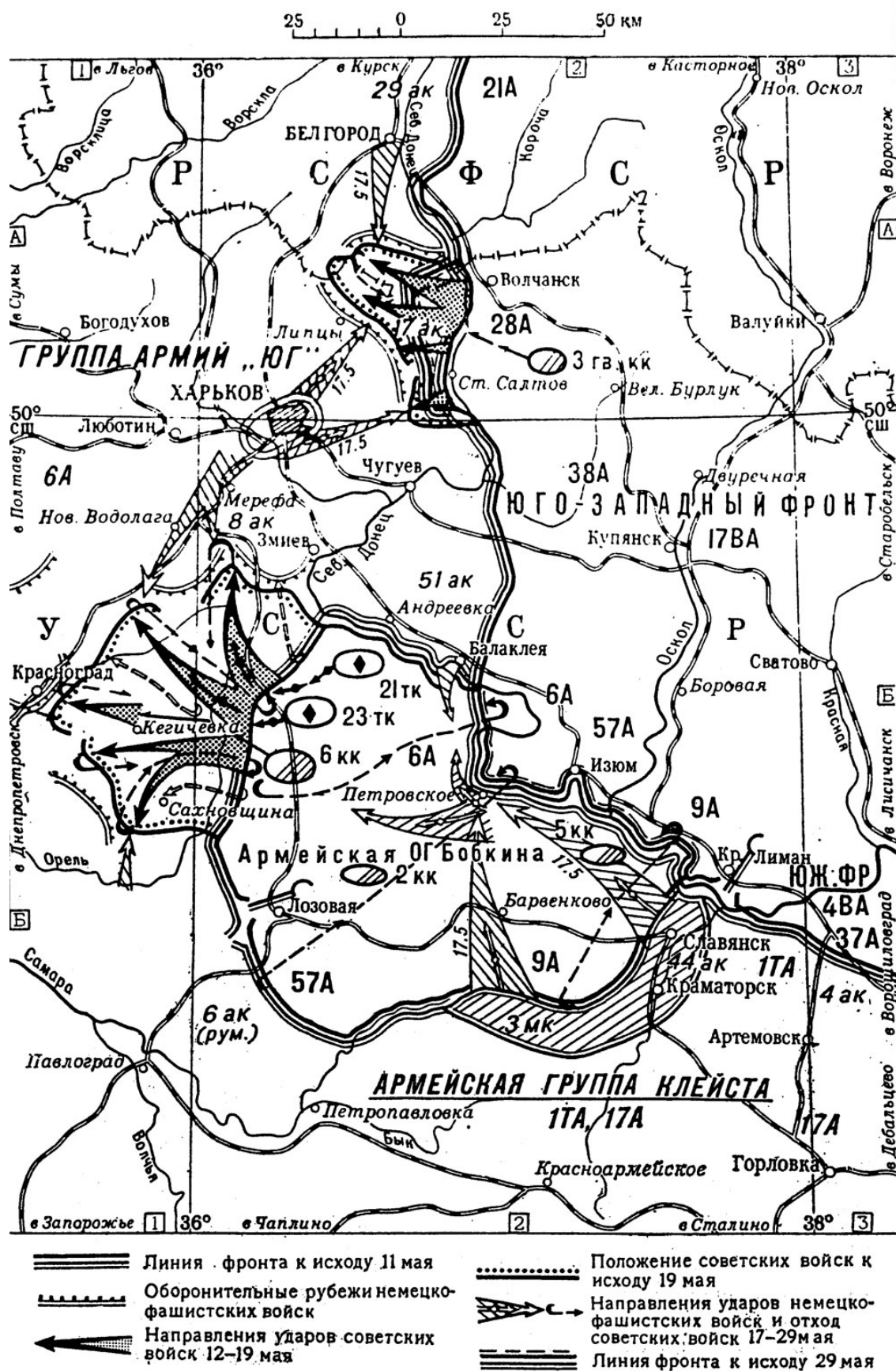

Рис. 3. Боевые действия под Харьковом 12–29 мая 1942 г.

Хозяин, старик лет 70, улёгся на подстилке из соломы на земляном полу под образами, а хозяйка ушла спать в сарай, где имелся погреб. В этом погребе хозяева прятались от бомбежек и артиллерийских обстрелов. А главное – хозяева держали там запас зерна, муки и других продуктов, включая молоко от своей коровы, пасшейся в поле и около двора. Оказалось, что два взрослых сына хозяев находились в армии, летом у них жила замужняя дочь с детьми, оставшаяся без мужа, случайно погибшего в начале 1942 года во время боев за село. Тогда в селе сгорело несколько хат, от которых остались только печи с трубами.

Я улёгся на кровати вместе с шофером грузовика Михаилом Дмитриевичем Журавлевым, который в последние дни очень со мной подружился. Мы подстелили под себя шинели, а под головы вместо подушек положили вещевые мешки и сумки с противогазами. Остальные товарищи устроились на полу или на печи, некоторые – в сенях, а также в сарае и других постройках хозяйского двора.

Примерно через пару часов я внезапно проснулся из-за страшного озноба. Пришлось вытащить из вещевого мешка шерстяной свитер, подаренный мне к 1 Мая, и надеть его под гимнастерку, а сверху укрыться шинелью. Но это вовсе не помогло: я стал дрожать, стучать зубами и невольно прижиматься к соседу, от чего тот сразу проснулся. Михаил Дмитриевич привел из соседней хаты санинструктора – медбрата Федорова, предположившего, что у меня приступ малярии, сочетающийся с сердечной недостаточностью. Малярию я мог подцепить от комаров, которых было немало, когда наша часть стояла в лесу на берегу Северского Донца. Медбрат накрыл меня дополнительно шинелью соседа и попросил потерпеть до утра, когда он отведёт меня в медсанчасть танковой бригады для подробного обследования.

На следующий день мы с ним отправились в медсанчасть, располагавшуюся в здании сельской школы, занятия в которой уже давно не проводились. Здесь меня подробно обследовала группа солидных врачей, установивших, что я действительно «схватил» малярию. Мне дали большой пакет белого порошка – хинина, главный врач – специалист в области кардиологии, обнаружил, что у меня «совсем не годное для фронтовых условий сердце». Узнав, что я был студентом IV курса Московского института стали им. Сталина, он очень удивился, как я при таком «статусе» оказался на фронте, поскольку есть закон, согласно которому студентов старших курсов технических вузов по особо важным специальностям, включая металлургию, не берут в армию даже добровольцами. По этому закону меня следует срочно демобилизовать, а по состоянию моего сердца – тем более. Дальше главврач заявил, что он сегодня же поставит перед командованием вопрос о моей немедленной демобилизации, а пока будет поддерживать моё сердце уколами камфоры. До 12 мая мне сделали три укола, что, наверное, меня и спасло.

От врачей я ушёл сильно расстроенный, но командир взвода и командир и батареи решили не заниматься моей демобилизацией, приказав мне не обращать внимания на болезнь, которая, якобы, «сама пройдёт». Комиссар батареи выразил мне сочувствие и помог в выпуске очередного «Боевого листка».

Пока все шло своим чередом: вместе с товарищами я строил бункер для командного состава, периодически находился на дежурствах у пушки или у пулемета, нес караульную службу, помогал хозяевам сажать картошку, ходил за водой на речку, носил из полевой кухни питание для взвода, учился приёмам боя и особенно – стрельбе из орудий и пулемета по самолетам, танкам и прочим целям. Выполнял, конечно, и другие обязанности.

Нам привезли плакаты с изображениями немецких самолетов, которые назывались по фамилиям их главных конструкторов или руководителей фирм-изготовителей. Это были «юнкеры», «хенкели», «дорнье», «фокке-вульф», «мессершмитты» и другие. Нам, зенитчикам, очень важно было знать, с какими вражескими самолетами мы имеем дело, чтобы к тому же не спутать их с отечественными.

Как-то меня послали дежурить ночью у телефона в штабном отделении. Я сидел за столом на узкой скамейке, не снимая шинель, меня немного трясло и клонило ко сну, поэтому я несколько раз пытался улечься на скамейке, прислонив винтовку к печке.

К полночи в хате появилась толстоватая, но довольно красивая хозяйка – хохлушка средних лет. Женщина представилась хозяйкой этой хаты и улеглась на широкой кровати.

Я с полным равнодушием смотрел на нее, что, вероятно, задело женское самолюбие. Она вдруг ласково сказала мне примерно следующее: «Ти такий молоденький та гарненький, сидіш, мерзнеш. Подь до мені, я тобі согрію. Мабуть ніколи ні спав с дивчиною, так і загнинеш, не поспробував жінку. Це не гоже!»

Я прекрасно понял сказанное, но, сильно ослабший физически и подавленный морально, не отозвался на ее приглашение. Кроме того, комиссар батареи предупредил нас, что некоторые местные женщины в оккупации имели интимные отношения с немцами, да и от «погулявших» с нашими военными можно заразиться венерическими болезнями. Я так ничего и не сказал женщине, а вскоре от этой щепетильной ситуации меня избавил товарищ, пришедший мне на смену.

Между тем в село прибывали и прибывали новые воинские подразделения, в основном пехотные, и сразу же начинали окапываться, производить маскировку. Погода была ясной и солнечной, но немецких самолетов пролетало над селом очень мало и они не делали никаких попыток атаковать село и наши позиции, а наше командование приказало зенитчикам воздерживаться от открытия по ним огня.

В эти дни нас хорошо кормили и не было перебоев в получении махорки. Вечером всем давали по 100 грамм водки, однако уже через пару дней она мне опротивела, а потом врач запретил мне пить её из-за сердца. Свои порции «горячительного» я начал отдавать милому Михаилу Дмитриевичу, который был мне за это очень благодарен. Когда мы бывали с ним вместе, он с удовольствием рассказывал о своей семье – о жене, двух дочерях и сыне, по которым сильно тосковал и сокрушался от мысли, что больше их не увидит, так как предчувствовал, что жить ему осталось считанные дни. К сожалению, так оно и случилось.

...Вечером 11 мая после ужина командир нашего взвода лейтенант Кирпичёв распорядился, чтобы перед уходом ко сну мы получили «неприкосновенный запас» продуктов (так называемый энзэ). В него входили: три пачки концентрата с пшенной кашей, мешочек с сухарями из черного хлеба, тушка рыбы холодного копчения, шматок свиного сала, два десятка кусочков сахара и еще что-то. Выдали также щепотку соли, которую я завернул в бумажный пакетик и вложил в сумочку, где хранил дозы хинина.

Стало ясно, что завтра мы наконец пойдем в наступление. И вдруг нахальный боец Кусков спросил командира: «А как же баня? Ведь обещали утром устроить баню и сменить нижнее бельё. Мы давно не мылись и многие завшивели. Ведь нельзя же уходить на тот свет в грязном белье!» Но смутившийся командир взвода Кирпичёв не очень решительно оборвал его: «Молчать, выполняйте приказ!»

На следующее утро нас подняли очень рано и объявили, что начинается наступление. Наспех позавтракав «сухим пайком», запив его сырой водой, мы положили в вещевые мешки котелки и кружки, нацепили патронташ с патронами, флягу с колодезной водой и саперную лопату. С вещмешками за спиной и сумкой с противогазом через левое плечо, взяв винтовку или карабин, мы устремились к грузовикам. Погрузили в кузова скатки шинелей, личное оружие, ящики со снарядами и пулеметными лентами, выкатили с позиций обе пушки и прицепили их стволom назад к двум «бедфордам», пулемет поставили в кузов грузовика «ЗИС». Все заняли свои боевые позиции. Раздалась команда «Вперед!» и колонна двинулась. Замыкал колонну «бедфорд» с закрытым кузовом, где находились командир и комиссар батареи, командир взвода управления, старшина, санинструктор и еще кто-то. На этой же машине были ящики и мешки с продовольствием.

Еще до рассвета совсем незаметно для нас, зенитчиков, вперед ушли танки, а с ними на броне – мотострелковые батальоны 199-й и 198-й отдельных танковых бригад.

Передняя линия фронта находилась от Лозовеньки примерно в 40 км, и поэтому нам следовало преодолеть это расстояние, прежде чем вступить в соприкосновение с противником. А там, на передовой линии на участке нашей 6-й армии, уже с утра вступили в бой пехота и артиллерия, находившиеся на месте задолго до 12 мая.

Сзади нас двигались пешком, на автомашинах, а иногда на тракторах-тягачах стрелковые, артиллерийские и другие подразделения. Однако минометчиков среди них мы почему-то не видели. Обогнала нас какая-то кавалерийская часть, а мы не раз обгоняли большие группы пехотинцев. У многих бойцов на голове были каски. Проезжали мы и мимо обозов с повозками, запряженных лошадьми. Пехотинцы были вооружены в основном старыми трехлинейными винтовками образца 1891/1930 годов конструкции С. И. Мосина, некоторые несли за плечами и полуавтоматы (точнее – самозарядные винтовки) СВТ-40, плохо показавшие себя в боях. Имелись у бойцов также хорошо известные станковые «максимы» и ручные пулеметы конструкции В. А. Дегтярева. Противотанковые ружья ПТРС пехотинцы тащили вдвоем. Естественно, у всех бойцов имелись ручные гранаты трех типов – оборонительные, наступательные и противотанковые. У командиров были пистолеты и револьверы (наганы). Общий вес груза, включая одежду и обувь, который несли на себе пехотинцы, достигал 40 кг. У зенитчиков груз весил несколько меньше. Мы видели немало автотранспорта с боеприпасами, горючим, продовольствием и другими грузами. Большое удивление вызвал у нас грузовик, на котором ехали военные музыканты с духовыми и другими музыкальными инструментами.

С запада доносились звуки артиллерийской канонады, всё более и более усиливавшиеся по мере продвижения батареи. Часам к 10 утра канонада стихла: стало ясно, что артиллеристы и минометчики закончили интенсивный обстрел позиций немцев – огневую подготовку для пехотинцев. Едва мы вошли в село Михайловское, над нами в сопровождении пары вражеских истребителей Мессершмитт-110 появилась группа пикирующих бомбардировщиков-штурмовиков Юнкерс-87. Резко снизившись под большим углом к земле, они с устрашающих воем сирен, атаковали наши колонны, дали пулеметные очереди и побросали небольшие бомбы. И тут, не дожидаясь команды, наш боевой расчет начал стрелять «на глазок» длинными очередями по немецким самолетам. В тот момент никто совершенно не обращал внимания на свистевшие вокруг пули и падавшие осколки. Вслед за нами открыла огонь пушка второго взвода под командованием младшего лейтенанта Алексеенко и застрожил пулемет наводчика Чиж. Самолеты, к сожалению, благополучно улетели, убив двоих и ранив нескольких пехотинцев. Из нашей батареи получили ранение трое. Один тяжелое. Их с другими ранеными в сопровождении медицинской сестры отправили на повозке назад. Наконец мы увидели наши истребители, и, по-видимому, из-за этого немцы не возобновили налёт. Воспользовавшись затишьем, к нам приехала полевая кухня, и мы получили хороший обед из трех блюд.

К вечеру, когда мы прибыли в небольшую деревню и остановились на её единственной улице, опять начали налетать немецкие штурмовики и истребители, по которым обе наши пушки и пулемет почти с ходу открыли огонь. На этот раз мне и моим товарищам по орудию расчету, не занятым на пушке, не осталось ничего другого, как вести по воздушным целям стрельбу из личного оружия. Стрелять пришлось так много, что ствол моей винтовки сильно разогрелся и жар от него доходил до ладони, несмотря на теплоизолирующую деревянную накладку. Стрельбу мы производили с примерным учетом скорости движения и направления полёта самолетов: посылали пули не точно в цель, а несколько вперед, чтобы попасть в носовую часть самолета.

Один из вражеских самолетов загорелся, и из него с парашютом выбросился летчик. Мы были твердо уверены, что это заслуга всей нашей батареи, и радовались успеху. Остальные самолеты улетели, но успели причинить большие потери воинским частям, двигавшимся впереди и сзади нас.

Вечером поступила команда приостановить дальнейшее движение и остаться ночевать в деревне. Здесь перед наступлением темноты мы почистили стволы пушек, пулемета и личного оружия, замаскировали соломой и ветками автомашины и готовые к бою орудия с ящиками боеприпасов, отрыли саперной лопатой индивидуальный окопчик и дождались приезда полевой кухни, получили ужин, 100 граммов водки, от которой на этот раз я не отказался.

Побыл час на карауле и принял дозу хинина, улегся спать, не расставаясь с винтовкой, противогазом и саперной лопатой, даже не взяв с грузовика скатку своей шинели. Как и многие другие бойцы, я лег прямо на землю возле своего окопчика.

День 13 мая, как и прошедший, выдался ясным и теплым. Батарея снова двинулась в путь, обгоняя колонны пехоты и других войсковых соединений. Километров через шесть наши автомашины внезапно остановились, так как дальнейшему движению мешала большая толпа военных, перегородившая дорогу. Все что-то с любопытством рассматривали и шумно обсуждали. Оказалось, слева от дороги, в 15 метрах от неё, на стерне лежит труп немецкого солдата. Правда, в немецких военных званиях я тогда совсем не разбирался, но, судя по простоте обмундирования, убитый офицером не был.

Кто-то сказал, что это – немецкий летчик, прыгнувший вчера с парашютом, и что до приземления его подстрелили из винтовок пехотинцы. Я в этом засомневался, ведь убитый не был одет как летчик. На желтых петлицах мундира я увидел изображение птиц, распластавших крылья. Заметил еще, что на правой стороне его мундира на уровне груди имелось изображение взлетающего орла, несущего свастику. И мундир, и брюки солдата были темно-фиолетового цвета, что показывало на принадлежность убитого к связистам.

Местный житель высказал предположение, что солдат, наверное, немецкий разведчик, которого наши бойцы преследовали и почти схватили, но он застрелился. Легкий ветерок трепал его огненно-рыжие длинные волосы. Под головой виднелась лужа крови.

Кто-то из наших снял с убитого добротные сапоги, сшитые из толстой свиной кожи. На крепких подошвах этих сапог поблескивали шляпки множества стальных шипов, называвшихся по-немецки «цвеками». На каблуках были металлические подковы. Из карманов мундира убитого извлекли «Soldbuch» – солдатскую книжку, красную расческу и пачку резиновых презервативов, что вызвало сильную злобу у пожилых военнослужащих, говоривших, что презервативы являются доказательством того, что оккупанты насилуют наших женщин.

На шее у трупа висела на прочном белом шпагате овальной формы нержавеющая бирка – медальон смерти. На обеих его половинках были нанесены личный номер и кодированный номер войсковой части. Как нам объяснил майор-пехотинец, похоронная команда или товарищ погибшего обламывает половинку «медальона смерти», чтобы сообщить о месте его захоронения командованию и родным. При захоронении оставшуюся половинку жетона кладут погибшему в рот, благодаря чему его можно опознать даже через очень много лет. Поскольку наши бойцы похоронили немца с целым жетоном в безвестной могиле, о смерти и месте захоронения никто уже не мог узнать.

По прибытии в следующую деревню нашу колонну остановили и объявили, что командование направляет нас... в баню и на санитарную обработку («прожарку») одежды.

Походная баня (вернее – душевая) располагалась в большой зеленой палатке среди деревьев. Воду для мытья брали из речки с помощью насоса и подогревали на жидком топливе. Вся процедура мытья, а также обработки и «прожарки» одежды длилась примерно 45 минут. К счастью, немецкие самолеты в это время не сделали налёта.

Ночевал я на этот раз возле грузовика, положив рядом винтовку и накрывшись шинелью, что, однако, не избавило меня от приступа малярии, хотя накануне я принял дозу хинина.

Глава XIII

На другой день, 14 мая, после ставшего для нас уже обычным, завтрака «сухим пайком» с запиванием его сырой водой мы продолжили движение. Погода была по-прежнему солнечной. Ехали по разбитой проселочной дороге вдоль левого берега реки Берека, затем мимо села Алексеевка и дальше прямо по полю к цели, намеченной командиром батареи Сахаровым, очевидно, по топографической карте.

Английские грузовики часто застревали в пути, и нам приходилось много раз, отцепив пушки, выталкивать их из ям, толкая сзади. К счастью, нам помогали в этой тяжелой работе шоферы отечественных автомашин, обгонявших батарею, и ехавшие на них военные, а пару раз подсобили пехотинцы, которых мы обгоняли. Нашим автомашинам пришлось ехать по лугу, оказавшимся очень заболоченным. Три наших грузовика более или менее благополучно преодолели это место, а четвертый – застрял. Пытаясь его вытащить, бойцы выбивались из сил, но у них это не получалось. Тогда младший лейтенант Алексеенко стал громко материть их и бить прикладом винтовки измученных бойцов, грозясь расстрелять ленивых. К сожалению, были и такие бойцы, которые только создавали видимость старания.

Километров через шесть мы наткнулись на несколько разбитых автомашин и покинутые артиллеристами окопы. Вокруг валялось много стреляных гильз. Потом мы продвигались по местам, где побывали минометчики, а затем увидели длинные ряды окопов и блиндажей, где раньше находилась пехота. Было понятно, что мы оказались на одном из участков теперь уже бывшей передовой линии фронта, откуда части 6-й армии после артиллерийской подготовки перешли в наступление. Мне вспомнилось, что утром, выступая из Лозовеньки, мы слышали канонаду, доносившуюся, видимо, из этих мест. Один из ехавших с нами пожилых товарищей, уже побывавший на фронте, сказал, что в прошедшие два дня сопротивление немцев было, вероятно, слабым. Мы поняли, что именно отсюда шли и ехали в тыл раненные бойцы, недавно повстречавшиеся нам на дороге.

Прибытие нашей батареи на бывшую передовую линию фронта ознаменовалось тем, что над нами сразу же и совсем неожиданно появилась тройка немецких штурмовиков. Они резко снизились и атаковали нас. Мы даже не успели подготовиться к бою. Пока Виктор Левин и я, ехавшие на пушке, а также другие два наводчика на втором орудии спешно наводили на цель стволы орудий, самолеты уже улетели. Во время обстрела и бомбежки погиб подносчик снарядов из второго огневого взвода и получили ранения разной тяжести трое других бойцов. К счастью, наши пушки и пулемет не пострадали, но осколком бомбы пробило колесо грузовика. Шоферы Журавлев, Загуменнов и другие быстро сменили поврежденное колесо, и батарея, забрав с собой убитого и раненых, поехала дальше.

Скоро мы добрались до юго-восточной окраины населенного пункта. Это было село Берека, расположенное почти у истоков реки того же названия. В селе еще дымились сгоревшие во время боя хаты. Мы видели трупы коров, овец, лошадей, убитых пулями и осколками. Чувствовался противный запах мертвечины, смешавшийся с запахом сгоревшего навоза.

Заезжать в село батарея не стала. Мы углубились в лес километра на два по узкой дороге с большими рытвинами и остановились на поляне, через которую протекала речка с чистой водой. После жуткого запаха мертвечины в освобожденном от немцев селе полным контрастом оказалось благоухание ландышей, росших в этом лесу в большом количестве.

Поскольку мы опять начали строить шалаши и землянки, можно было предположить, что наше пребывание здесь продлится не менее двух суток. И никто не мог объяснить мне

причину такой медлительности. По вражеским самолетам, часто пролетавшим над лесом, было приказано огня не открывать, чтобы не выдать этим расположение батареи. Кроме того, всех предупредили, что на северной окраине леса, простирающегося на расстояние не менее 4 км, могут находиться немецкие части, а по лесу – «шнырять» их разведчики.

Спал я в шалаше, подстелив под себя лапник. Меня опять мучил малярийный озноб, длившийся около часа. В это время ко мне приходил Вася Трещатов с просьбой сменить его на посту возле пушки. Но, увидев моё состояние, он вернулся на пост и отстоял за меня еще один час.

15 мая меня разыскали комиссар батареи Воробьев и парторг Агеев, напомнившие мне о необходимости выпустить очередной «Боевой листок», ставший, как оказалось, последним. Комиссар дал мне небольшую записку об успешном наступлении наших частей с призывом к бойцам – выполнить любой ценой свой священный долг защитников Отечества.

Я немедленно принялся за дело, взобравшись на кузов грузовика, где использовал в качестве стола одну из скамеек. Я дополнил принесенную комиссаром записку, написав, в частности, несколько добрых слов о погибшем вчера подносчике снарядов и о трех раненых бойцах.

Утром группа бойцов стала рыть необычно длинную и глубокую яму. После обеда к этой яме, распространяя запах разлагающихся тел, подъехали две грузовые автомашины с останками более 20 убитых бойцов и командиров, которых специальная команда подобрала на местах боев, прошедших за последние трое суток. Некоторые тела уже сильно вздулись и почернели. К ним присоединили и тело нашего убитого вчера подносчика снарядов. Всех захоронили в братской могиле. Тела уложили в яму без гробов и в той же одежде, в которой они были при жизни: кто в шинели, а кто лишь в гимнастерке и брюках. Некоторые сильно изуродованные трупы были завернуты в плащ-палатки. Несколько человек, находившихся поблизости с ямой, бросили в неё по горстке земли, и могильщики засыпали яму. На холмик положили несколько пилоток и фуражек погибших и установили на могиле полуметровый столб из досок в виде усеченной пирамиды, на которой с каждой из сторон были написаны черной краской фамилии и инициалы захороненных. Над столбом закрепили пятиконечную красную звезду из фанеры. Комиссар и командир сказали полагающиеся при таком случае добрые слова о покойных, поклявшись отомстить за них врагу и «уничтожить фашизм в его логове». Десяток бойцов, выстроенных поблизости, дали вверх несколько залпов из винтовок, и на этом церемония похорон закончилась.

День и ночь 16 мая обошлись без чрезвычайных событий, все несли обычную службу. Утром снабженцы привезли для нашей батареи дополнительное количество ящиков со снарядами и патронами. Мы перенесли их с интендантских грузовых автомашин на свои грузовики. Наше командование было недовольно тем, что нам не доставили бронебойных снарядов и не привезли в достаточном количестве осколочных, способных поражать вражеские самолеты и танки. Снаряды были главным образом зажигательными и трассирующими.

В тот день для всей нашей 199-й отдельной танковой бригады и иных воинских частей, дислоцировавшихся вместе с нами, привезли средства, необходимые для ведения наступательных боев, в основном боеприпасы и горючее для танков, бензин для автомашин, продовольствие для всего личного состава войск, медикаменты и прочие вещи. Весь день бойцы разгружали привезенное. Но один из командиров отметил, что топлива для танков явно недостаточно, его хватит не более чем на пару дней. Своему товарищу он также пожаловался, что придется экономить снаряды.

День 17 мая оказался очень беспокойным. Нас разбудили очень рано и, не дав позавтракать, заставили немедленно сняться с места. Многие не успели даже свернуть шинели. Мы положили в карманы два-три кусочка сахара и пару сухарей, чтобы позавтракать на ходу. На машинах мы подъехали к железной дороге, связывающей, по-видимому, Харьков

на севере и Лозовую на юге. Перед нами открылась уже знакомая картина: убитые пехотинцы в залитых кровью шинелях, трупы лошадей, так и оставшихся запряженными в разбитые повозки. По-видимому, и люди, и кони погибли вчера при нападении немецких штурмовиков. Оружия рядом с убитыми не было.

Переехав железную дорогу, колонна двинулась на запад по проселочной дороге к Ефремовке, селу, расположенному на реке Орель, впадающей в Днепр. (В настоящее время река Орель с притоками входит в систему канала «Днепр – Донбасс».) По состоянию дороги, по которой мы двигались, было видно, что совсем недавно по ней в очень большом количестве проехали танки. Через некоторое время стали слышны выстрелы танков, артиллерийских батарей, а потом – минометов и стрелкового оружия. Было понятно, что вот-вот появятся вражеские самолеты. И действительно, мы увидели более десятка немецких самолетов. Не дожидаясь команды лейтенанта Кирпичёва, мы быстро открыли по ним огонь. Но самолеты быстро улетели, нанеся немалые потери залегшей пехоте и автомашинам, направлявшимся на линию фронта. Где-то впереди они атаковали наши танки, но там самолеты были недосыгаемы для снарядов наших орудий, и мы ничем не могли помочь танкистам и мотопехоте. Оставалось только возмущаться, что на небе тогда не оказалось ни одного советского истребителя.

К вечеру мы остановились в чистом поле, заехав в широкий овраг, получили с полевой кухни и обед, и ужин одновременно. Затем каждый сделал себе окопчик, который застелили остатками прошлогодней соломы, собранной с поля. Перед отходом ко сну многие бойцы скрутили по «козьей ножке» и покурили, прикрывая ладонью огонь от сигарки, чтобы его не смог увидеть неприятель. Хотя всполохи на небе и звуки выстрелов прекратились, раздавались очереди немецких автоматов и одиночная стрельба из винтовок с нашей стороны, и небо периодически освещали ракеты. В этот день мы оказались рядом с линией фронта – на расстоянии, наверное, не более трех километров. Недалеко от нас встали на ночь танки 199-й отдельной танковой бригады. В овраге, где мы устроились на ночлег, разместились полевые и переносные кухни. Повара ночью совсем не спали, готовя нам завтрак. Утром нас накормили горячей вермишелью с мясом, компотом и свежим черным хлебом, и мы рванули вперед. Кухню, обслуживавшую нашу батарею, командование оставило на месте, чтобы она приготовила и потом доставила нам обед.

Ещё до рассвета утром 18 мая наши танки с мотопехотой уже выехали на передовую и открыли огонь по позициям немцев. Они двигались, прикрывая своими корпусами мотопехотинцев, соскочивших с брони на землю, и бойцов основной пехоты, поднявшихся из окопов. Немцы отступали, обстреливая пехотинцев из автоматов, пулеметов и минометов, а танки – из противотанковых орудий. Разумеется, мы этого не видели, но хорошо себе представляли по рассказам товарищей, непосредственных участников тех боев.

Сначала мы доехали до линии, откуда вели огонь артиллерийские орудия, затем и до мест, где находились минометчики. Стоял неимоверный грохот, и нам опять пришлось увидеть нескольких павших бойцов и около десятка раненых, которых вели в тыл их товарищи, а также передвигавшихся самостоятельно. Три-четыре вражеские мины разорвались и перед нашими автомашинами.

Вскоре батарея остановилась перед лесом. Там раньше нас побывала пехота, и в результате боя немцы и здесь покинули свои окопы и ушли, отстреливаясь короткими автоматными очередями и бросая гранаты. Пехотинцы преследовали их только редкими выстрелами из винтовок. Наши бойцы на английских танках не могли помочь пехотинцам, потому что в лесном массиве эти танки не были способны передвигаться.

Командир батареи Сахаров приказал установить обе пушки и пулемет в овраге на расстоянии примерно 200 метров от леса. Он ожидал, что вражеские самолеты опять начнут налет. Не успели мы выполнить этот приказ, как самолеты действительно появились, но спо-

койно пролетели над нами, не обратив внимания на посылаемые нами снаряды и пули. А танки и автомашины, замаскированные накануне в лесу, они, видимо, не заметили.

Лишь к вечеру появилась полевая кухня, предоставившая нам, как это уже не раз бывало, и обед и ужин одновременно. После «трапезы» я, Вася Трещатов, Виктор Левин и еще ряд бойцов отправились в лес, чтобы там найти воду. На обратном пути мы подошли к брошенным немецким окопам. Здесь наше внимание привлекли обрывки красивых упаковок и остатки продуктов – в основном это были мясные и рыбные консервы, включая великолепные шпроты из Португалии в овальной металлической банке, различные колбасы, окорока и сосиски, сливочное масло, белый хлеб, а также шоколад, печенье, пирожные, джемы, кофе, какао и прочие деликатесы, о которых мы и мечтать не могли. Один из пожилых военных уверял, будто у немцев, долго готовившихся к данной войне, белый хлеб мог быть выпечен заранее и годами храниться в плотной упаковке.

Обнаружили мы и остатки сигарет (раньше я их никогда не видел), пузырьки из-под одеколona, уже опустошенные бутылки рома, коньяка, сухих вин и других напитков. Мы подобрали газеты и богато иллюстрированные журналы с четкими черно-белыми фотографиями, графическими рисунками и карикатурами. Там были уродливо изображены И. В. Сталин с огромными усами, У. Черчилль с сигарой во рту, Ф. Рузвельт в инвалидном кресле, американские капиталисты, красноармейцы в буденновках, «жиды-комиссары» с длинными острыми носами и другие. Немецкие издания были напечатаны на хорошей бумаге, но она, к великому сожалению многих бойцов, оказалась совсем не пригодной для цигарок.

Я подобрал в окопах несколько немецких газет и журналов и, вытащив из нагрудного кармана гимнастерки свой маленький немецко-русский словарь, начал с его помощью читать и переводить для окружающих заголовки и подписи под иллюстрациями. Некоторые бойцы просили перевести для них заинтересовавшие их тексты.

К моему большому удивлению, среди таких лиц любопытствующих оказался и... пожилой комиссар мотострелкового батальона нашей танковой бригады, и лейтенант-танкист, командовавший танковым звеном. Я с удовольствием выполнял эти просьбы. К нам стали присоединяться все больше и больше людей, поэтому батальонный комиссар приказал всем разойтись, а меня по-доброму предупредил, чтобы я больше «не занимался чтением вражеской литературы» и не привлекал к этому товарищей, иначе возникнут «большие неприятности». Он посоветовал также молчать об этой находке и коллективном чтении.

Глава XIV

19 мая к рассвету темные дождевые тучи быстро рассеялись, и, как и в предшествовавшие дни, погода выдалась солнечной и жаркой. Но утром из-за прошедшего дождя было несколько свежее. Нас разбудили, как всегда, очень рано, и позавтракать пришлось в быстром темпе кашей и чаем. Предстояло опять двигаться за танками и мотострелковым батальоном. Первый орудийный расчет, к которому я относился, лейтенант Кирпичев определил в тот день быть запасным, а работать на пушке назначил второй расчет. Меня он послал на помощь пулеметному расчету в распоряжение старшего сержанта Чижа, с которым я, как и почти со всеми товарищами по взводу, был в очень хороших отношениях. С основными личными вещами я перебрался со своей автомашины на грузовик, на котором находился пулемет.

Пулеметный расчет, в котором, кроме Чижа, был также любимец всей батареи – мальчик Лёня, принял меня радостно. Обычно малоразговорчивый, Чиж был тогда сильно возбужден: смешивая, как обычно, украинские и русские слова, он заявил, что, возможно, сегодня мы освободим от немцев его родную деревню, находящуюся совсем недалеко –

километрах в 5–6 от нас. Тогда он обязательно забежит в свою хату, обнимет супругу, детей, родителей и других близких.

...После завтрака батарея, снявшись с позиций, двинулась за танками 199-й отдельной танковой бригады и за её мотострелковым батальоном. Они добрались до реки Берестовая и форсировали её на разных участках, оставив позади несколько деревень и сел. Одно из них имело очень необычное название – Парасковия. На противоположном берегу Берестовой танки и пехота с ходу вступили в бой с немцами, имевшими на этом участке крепкие оборонительные позиции. На этот раз нашим танкам и пехоте не удалось преодолеть позиции противника, так как он открыл сильнейший огонь из противотанковых и других орудий, минометов, пулеметов и ручного автоматического стрелкового оружия. Немцы также бросали из окопов на танки связки гранат и зажигательные средства. Атаковавшие части понесли значительные потери в живой силе и технике. В результате на некоторое время бой прекратился.

Наша батарея не доехала до реки Берестовой километра три и часам к 10 остановилась в примыкавшей к ней балке, где протекала узенькая и почти пересохшая речка. Вода в этой речке появлялась только ранней весной и во время дождей. Обе пушки вместе с ящиками для снарядов мы установили на правом берегу упомянутой речки. Расстояние между орудиями было около 100 метров. Выше уровня речки метров на 10 и в отдалении от орудий метров на 50 разместили на наклонной правой стороне неширокого сухого оврага, расположенного поперек к балке и заканчивающегося в ней, грузовую автомашину ЗИС с зенитным пулеметом. Два «бедфорда» водители поставили вдалеке от орудий, по разные стороны от них.

...Между тем за рекой вновь раздался сильный шум боя. Это танки и пехота снова предприняли атаку на позиции немцев. Но сейчас положение атакующих было значительно хуже, чем в первый раз, так как на них налетели несколько пикирующих бомбардировщиков-штурмовиков. При этом мы, зенитчики, снова не открыли огонь, так как цели находились слишком далеко от нас и мы не хотели расходовать боеприпасы впустую.

Многие танки оказались подожженными или подбитыми, а остальные машины прекратили движение и отъехали на безопасное расстояние. В нашей 199-й отдельной танковой бригаде пострадали в основном те английские танки, которые имели карбюраторный двигатель. Потеряли много танков также 198-я отдельная танковая бригада и действовавший юго-западнее села Староверовка 23-й танковый корпус вместе с двумя приданными ему отдельными танковыми бригадами. Остановились все пехотные части. Почти полностью утихла стрельба из минометов и полевых артиллерийских орудий. Снова не обошлось без потерь убитыми и ранеными, главным образом – среди пехотинцев, наступавших вместе с танками. Примерно к полудню все атаки наших частей были прекращены.

В это время по балке мимо зенитной батареи проехали назад около десятка отечественных танков 199-й отдельной танковой бригады. Они тащили за собой на буксире при помощи тросов несколько не очень сильно поврежденных в бою английских танков, которые можно было восстановить силами самого экипажа. Пару таких танков их водители упросили оставить для ремонта недалеко от расположения нашей батареи, что вызвало недовольство командира – старшего лейтенанта Сахарова. Он посчитал это опасным: оба танка с воздуха могли обнаружить самолеты противника, что причинило бы большие неприятности и зенитчикам. Однако танкистам все же позволили заниматься своим делом на прежнем месте.

Вскоре лейтенант Кирпичёв пришел проверить готовность к бою нашего зенитного пулемета. Потом он неожиданно отвел меня в сторону и сообщил плохую весть. Оказывается, танкисты Сахарову сказали, что будто бы получен приказ о прекращении дальнейшего наступления на нашем участке фронта и о переходе исключительно к оборонительным боям. Глубоко в тылу 6-й армии оказались немецкие танки и, возможно, нам придется отступить, чтобы не попасть в окружение.

После 14 часов я, стоя на кузове грузовика ЗИС рядом с пулеметом и ожидая появления давно ожидавшейся всеми полевой кухни с обедом, увидел вдалеке, что, форсировав реку Берестовую, в тыл движется большая колонна танков. По-видимому, это был 23-й танковый корпус. Позднее я узнал, что высшее командование решило перебросить его на помощь войскам Южного фронта. Самолеты неприятеля могли обнаружить танки и поэтому зенитчикам следовало приготовиться к отражению налета. И действительно, самолеты не заставили себя долго ждать: над батареей появилась со страшным воем эскадрилья пикирующих бомбардировщиков-штурмовиков. Но истребителей с ними не было, так как наши самолеты, способные противостоять вражеской авиации, уже давно не летали.

Оба зенитных орудия и пулемет, который обслуживал и я в качестве помощника наводчика и подавателя лент с патронами, без промедления открыли по целям огонь. Однако стрельба не дала положительного результата. Самолеты, как и вчера, пролетели, не трогая нас. Но через некоторое время – на обратном пути – они принялись за нас, а также за стоявшие недалеко автомашины и ремонтируемые танки. Сделав на небе пару разворотов, они дали несколько пулеметных очередей и сбросили небольшие бомбы. Мы открыли по ним огонь.

Особенно хорошо постреляла пушка второго взвода, на которой «колдовал» первым наводчиком мой земляк и соплеменник старший сержант Василий Алексеев. Возможно, благодаря Василию и к великой радости всех нас, один из пикирующих бомбардировщиков загорелся и рухнул на землю на воздухе где-то на северо-западе, подняв огромный столб пламени и дыма.

Самолеты разбили пару автомашин, убив и ранив водителей, повредили машину медсанчасти и ранили несколько других лиц, не сумевших вовремя и надежно укрыться. Была легко повреждена наша английская автомашина, однако совсем не пострадали оба ремонтировавшихся танка. Но самым плохим последствием налета оказалось то, что бомбами уничтожило полевую кухню вместе с ее грузовиком, на котором находился бидон с водкой. К счастью, водитель и повара успели быстро укрыться и не пострадали.

О несчастье с полевой кухней нам сообщил подошедший проведать своего подопечного – мальчика Лёню – старшина Ермаков. Всему личному составу батареи пришлось ограничиться «сухим пайком». Пулеметчики достали из вещевых мешков вяленую рыбку, сухари и несколько кусочков сахара. Я ограничился тем, что выпил немного воды из фляги, а напиться досыта не решился, так как найти поблизости воду было трудно. Замечу, что из-за болезни я совсем потерял аппетит и даже чувствовал отвращение к пище. Мне чаще всего хотелось пить, вероятно, потому, что я ежедневно принимал хинин. В результате с каждым днем я слабел физически.

...В тот день танки вместе с мотострелковыми батальонами покинули передовую, оставив там только пехотные части. Теперь, по логике, и нашей батарее предстояло сняться с позиций и последовать за 199-й отдельной танковой бригадой, так как мы входили в её состав. Но зенитчикам приказа об этом еще не поступало.

Вдруг мы заметили, что к ремонтировавшимся танкам подъехала грузовая автомашина, на открытом кузове которой сидели два красноармейца с винтовками, а между ними – человек без оружия. К этой машине стали собираться бойцы. Старший сержант Чиж попросил меня и еще двух солдат узнать, в чем там дело. И мы побежали туда. Оказалось, на машине находились часовые и пленный немецкий солдат. Он был молоденьким и, как я, тоже худеньким.

Сегодня утром его нашли в том самом лесу, где вчера немцы покинули окопы. Якобы он более суток сидел на дереве. При нем оказались рация и автомат, из которого он почему-то не стрелял. Многие из окруживших грузовик с пленным громко кричали на него, грозились прикончить фрица, но часовые не давали этого сделать. Особенно негодовал пожилой

водитель танка, попытавшийся даже взобраться на грузовик. Он кричал, что его семья осталась в оккупированной Смоленской области, и, может быть, ее уже нет и в живых. Пленный дрожал всем телом и, не понимая ни слова по-русски, молчал, бросая на всех беспокойные и умоляющие взгляды темных глаз.

Мне удалось протиснуться к грузовику и задать пленному по-немецки первый пришедший в голову вопрос: «Infanterie?» (Пехота?) И тут все окружавшие автомашину вдруг затихли, удивившись моему поступку, и стали ждать ответа от немца. «Nein, nein. Funker» (Нет, нет. Радист), – произнес тот, почувствовав какую-то надежду на лучшее в своей судьбе. «Значит, он был разведчиком и сообщал своим о наших передвижениях», – определил кто-то.

После ответа на мой вопрос немец спросил, что его ожидает и, не дождавшись ответа, стал что-то говорить и говорить. А я, до сих пор не слышавший живой и быстрой немецкой речи, многого не мог понять. Я хотел дать немцу свой немецко-русский словарь, но тот лишь замахал рукой: «Kann nicht, kann nicht» (Не могу, не могу). Скорее всего, он не знал русского алфавита. У меня вдруг возникла жалость к этому беспомощному пленному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.